

НАТАЛИЯ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

ПО БАЛТИЙСКОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ
ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО ГАТЧИНЫ

Петербургские этюды

НАТАЛИЯ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

*По Балтийской железной дороге
от Петербурга до Татчины*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОСТРОВ**

Санкт-Петербург
2004

Новая книга Н.А. Перевезенцевой — это неторопливое, с остановками на всех станциях, путешествие по Балтийской железной дороге в старом вагоне старого поезда.

Для всех интересующихся историей Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

ISBN 5-94500-007-8

© Н.А. Перевезенцева. 2004 г.

© Издательство ОСТРОВ 2004 г.

© Р. В. Кашин. Обложка. 2004 г.

Несколько слов о путеводителях

Узучать путеводители крайне интересно. Грады и веси, где вы никогда не бывали, начинают казаться знакомыми, почти родными. А если повезет, и вам удастся увидеть воочию то, о чем читали, — считайте, что вы просто возобновили знакомство со старинным другом, с которым по ряду обстоятельств давно не виделись.

Изучать путеводители — самое скучное занятие в мире. Пронестись галопом по неизвестным дорогам, намертво застрять в паутине дат, размеров никогда не виданных сооружений и величин надоев от местных коров-рекордисток — избави Бог! Лучше уж почитать мемуары или, на худой конец, биографию великого человека, когда-то побывавшего в тех краях, о которых скороговоркой пытается поведать путеводитель.

И все же, если вы твердо намерены посетить какую-то местность, без путеводителя не обойтись. Надо ведь узнать: куда, собственно, ехать? А сухое перечисление фактов и цифр иногда может очень и очень помочь. Поэтому отправимся из Санкт-Петербурга в Гатчину по Балтийской железной дороге, пригласив с собой просвещенного скептика Пассажира-профессионала. Кто он такой? О, это особая порода людей, можно сказать, выросшая в наших электричках. Ему не надо смотреть в окно: он

точно знает, между какими станциями мы сейчас находимся. Он расположится в вагоне так, что солнце никогда не будет светить ему в глаза. И он снисходительно просветит вас — когда войдет контроль, как отвязаться от назойливых продавцов «всего — чего — угодно» и, главное, не даст вам соскучиться в дороге.

Итак, как вы, наверное, уже догадались, мы поведаем вам о попутных достопримечательностях и красотах природы. А Пассажир-профессионал вернет нас на грешную землю с помощью фактов, цифр (правда, без упоминания надоев и поголовья скота) и ехидных комментариев по поводу особо выдающихся реалий нашей жизни.

Что ж, как поется в старой детской песенке: мы едем, едем, едем...

Балтийские ворота города

Когда стоишь возле вокзала, всегда представляешь себе, как приезжает человек в город, откуда, зачем... А, если дело происходит в Петербурге, это особенно интересно: ведь наш город — город приезжих. Так повелось со времен Петра: прибывали со всех концов России, да что — России! — со всех концов света. По своей, не по своей ли воле, но — оставались, вращались в болотистую почву, трудились во славу новой родины. Интересно взглянуть на статистические данные. В начале 1900 года доля «пришлого люда» равнялась 69%, доля родившихся в Петербурге, соответственно, 31%. А, если считать только взрослых (достигших 16 лет), то петербуржцев, хотя бы в первом поколении, было совсем мало — всего 1/5 населения.¹ Наш город насчитывает едва ли более девяти—десяти поколений жителей (если считать поколением 30 лет). Мы ведь не знаем ни одного крупного писателя (до Блока), который родился бы в Петербурге. Даже герои Достоевского, олицетворяющие для нас петербуржцев, и те, в большинстве своем, приезжали в столицу учиться или работать.

¹ Данные взяты из статьи И. Галуновой — «Вечерний Петербург» — 21 декабря 1994 г.

И всегда существовало понятие «ворота в город». Во времена Средневековья — это настоящие ворота в каменной стене, позднее — рогатки на заставах. Наш город относительно молод, поэтому эпоха крепостных ворот коснулась нас постольку-поскольку (ворота Петропавловской крепости). А вот заставы в Петербурге были, об этом напоминает старинное название местности у площади Победы — Средняя Рогатка. Но с пятидесятых годов XIX века настоящими воротами в город стали петербургские вокзалы: Царскосельский (Витебский), Николаевский (Московский), Петергофский (Балтийский), Варшавский и самый молодой — Финляндский. Когда-то существовал еще и Приморский вокзал, но его функции в 20-е годы прошлого века перешли к Финляндскому.

Все вокзалы по-разному служили Петербургу. Николаевский связывал столицу с матушкой-Москвой, со срединной Россией, Сибирью. Варшавский — с Царством Польским, Берлином, Парижем. А Балтийский вокзал, это — царские резиденции Петергоф и Гатчина, место летней дислокации петербургского гарнизона Красное Село, и — Эстляндия: Нарва, Ревель, Дерпт, Балтийский Порт.

История строительства Балтийской железной дороги достаточно необычна. Начинается она, как в сказке: жили-были три брата Штиглицы. И приехали они в конце XVIII века из немецкого княжества Вальдек в Россию — искать свое счастье. Николай основал в Петербурге торговый дом, Бернгард занялся винным откупом, а третий брат, Людвиг, приехавший в 1803 году, продолжил дело Николая и особенно преуспел в торговых операциях во время наполеоновских войн. В 1820-х годах Людвиг Штиглиц становится крупнейшим банкиром, а в 1828 году получает от Николая I баронский титул. Не чужда была барону и промышленность. Так, в 1833 году Людвиг Штиглиц основывает Невскую прядильную мануфактуру. (Теперь это Прядильно-ниточный комбинат им. С.М. Кирова. Взметнувшиеся к небу трубы с романтическими названиями «Вера», «Надежда», «Любовь» до сих пор украшают панораму Синопской набережной, сочетаясь с ажурными фермами Большеохтинского моста и силуэтом Смольного монастыря).

Сыну Людвига Штиглица Александру досталось громадное состояние в 18 миллионов рублей серебром. Александр Людвигович отцовское богатство приумножил. Он тоже строил заводы и фабрики, — например, основал знаменитую Нарвскую суконную мануфактуру, владел сахарным

заводом, бумагопрядильной фабрикой. Известен А.Л. Штиглиц и как один из крупнейших российских меценатов. На его средства построено Петербургское училище технического рисования в Соляном городке. Кстати, и далее училище существовало на проценты с завещанного Штиглицем капитала. Ныне это знаменитое училище им. В.И. Мухиной, или «Муха», как называют его студенты.

Александрю Людвиговичу мы во многом обязаны Балтийской железной дорогой. В 1853—1857 годах он за свой счет построил участок Петербург—Петергоф «с правом владения до выкупа дороги правительством», за что был награжден орденом Св. Станислава первой степени. В 1858—1859 годах акционерное общество во главе с тем же бароном Штиглицем строит ветку на Красное Село, а в 1860—1862 году — дорогу от Петергофа до Ораниенбаума. Это еще, заметьте, «Петергофско-Ораниенбаумская железная дорога с веткой на Красное Село».

Ну, и чтобы закончить с портретом Александра Людвиговича, сошлемся на книгу, которую не обойти, пожалуй, никому из тех, кто пишет о нашей дороге. Это «Путеводитель по Балтийской железной дороге» А.П. Верландера, изданный в Санкт-Петербурге в 1883 году.

«В то время, когда петергофская линия составляла частную собственность барона Штиглица, все служащие получали не только хорошие оклады жалованья, но и крупные награды по два раза в год; когда же дорога была продана, барон раздал служащим около 100 тысяч рублей из своей собственности <...> Никого не обидели, никого не обошли наградой; даже линейным сторожам выдали не менее 100 рублей каждому <...>. До сих пор всем памятно, например, железнодорожные семейные вечера в Петергофском вокзале, на которые съезжались служащие со своими семьями и знакомыми, чтобы отдохнуть в своей среде, повеселиться и потанцевать, а затем, на экстренном бесплатном поезде <...> разъехаться по домам».²

Балтийский (Петергофский) вокзал, спроектированный архитектором А.И. Кракау, строился в 1855—1857 годы чуть позже Варшавского, но сильно отличается от него, хотя оба вокзала построены буквой «П» (по так называемой «тупиковой схеме») и имеют (Варшавский, увы, — имел!) застекленную центральную часть, защищающую пассажиров от капри-

² Верландер А.П. Путеводитель по Балтийской железной дороге — СПб., 1883 (при дальнейших ссылаках — Верландер А.П.)

зов питерской погоды. Говорят, что наш Балтийский вокзал похож на Восточный вокзал в Париже, построенный в 1847–1852 годах архитектором Ф. Дюкенэ. А еще, «ренессансные» башенки Балтийского напоминают башню Московского вокзала, хотя последний все же ближе к традиционной ратуше. Освещался вокзал через огромный застекленный полукруглый проем в стене главного фасада и высокие арочные окна в стене (жаль, окна наполовину заслонены сейчас кассовым комплексом).

А вообще, архитектура Балтийского вокзала является как бы переходной. Дадим слово специалисту: *«В композиции Балтийского вокзала отчетливо ощущаются две масштабные шкалы. Мелкие членения фасада отвечают масштабу человека — пешехода и пассажира. Крупный масштаб дебаркадера и продиктованный им размер проема на главном фасаде связаны уже с иной масштабной шкалой, определяемой размерами паровозов, вагонов...»*.³ Да, «век девятнадцатый, железный» вступал в свои права, и здание Балтийского вокзала вполне соответствовало требованиям времени.

Железные дороги... Теперь это достаточно устаревший вид транспорта, средство доехать, куда нужно, относительно недорого, но не слишком быстро. То ли дело — самолеты. И поезда для нас овеяны некоторой романтикой, ностальгией по детству, летним поездкам на каникулы к бабушке с дедушкой. «Ретро», одним словом. Но когда-то железная дорога олицетворяла собой скорость, торжество прогресса, средство превращения России из крестьянской страны в промышленную державу. Хотя министр финансов граф Е.Ф. Канкрин, например, в 30-е годы XIX века определенно заявлял, что железная дорога *«не принесет никакого дохода, испортит нравственность и истребит капитал»*. А министр внутренних дел граф Л.А. Перовский вообще опасался *«влияния духа иностранного на коренные наши губернии»*. Как всегда, оригинальны были поэты. Сейчас мало кто перечитывает стихи С. Надсона — «властителя дум» целого поколения 80-х годов XIX века. Действительно, многие его строки могут показаться нам пародийными. Но есть у этого, столь известного когда-то и столь осмеянного потом, поэта прелестное стихотворение, связанное именно с железной дорогой. Называется оно по-старинному: «В альбом». Вот три строфы из него:

³ Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. — Л.: Лениздат, 1990.

*Мы — как два поезда (хотя с локомотивом
Я не без робости решаюсь вас равнять)
На станции Любань, лишь случаем счастливым
Сошлись, чтоб разойтись опять.*

*Наш стрелочник — судьба безжалостной рукою
На двух различных нас поставила путях,
И скоро я умчусь с бессильною тоскою,
Умчусь на всех моих парах.*

*Но убегая вдаль и полный горьким ядом
Сознания, что вновь я в жизни сиротлив,
Не позабуду я о станции, где рядом
Сочувственно пыхтел второй локомотив.*

Такое вот неожиданно лирическое преломление темы железной дороги. Пока что речь идет только о Петергофско-Ораниенбаумской железной дороге. Но вот в 1866 году эстляндский губернский предводитель барон А.М. Пален начинает ходатайствовать перед правительством о даровании дворянству Эстляндской губернии уступочного договора на Балтийскую железную дорогу. И первый ее участок от станции Тосно на Николаевской дороге до Балтийского порта (ныне — Палдиски на территории Эстонии) был открыт 24 октября 1870 года. Затем встал вопрос о соединении Петергофско-Ораниенбаумской железной дороги с Балтийской, что и было осуществлено в 1872 году. Красносельскую ветку продлили, появилась станция Гатчина Балтийская, а соединение дорог произошло на участке между Гатчиной и Елизаветино. Тогда-то Петергофский вокзал в Петербурге стал именоваться Балтийским.

Итак, войдем под своды Балтийского вокзала и посмотрим, как и что изменилось здесь с тех давних времен.

«Трудно представить себе местность, на столь незначительном пространстве, богаче одаренную историческими воспоминаниями и произведениями художественного творчества. Нельзя выбрать другой окрестности Петербурга, представляющей более характерного, более разнообразного». Нет, все-таки мир держится на энтузиастах! Унылые болотистые берега Маркизовой лужи — не самые роман-

тичные места в мире. Но начальник станции в Красном Селе Верландер находит их «характерными» и «разнообразными». И, главное, — заставляет нас поверить в это.

Итак, каков же был Балтийский вокзал — или, вернее, «станция Петербург I-го класса» — в 1883 году? На станции имелись «покои для особ Императорского дома». Для нашего вокзала это было особенно актуальным, ведь путь отсюда лежал в царские резиденции. А после того, как император Александр III фактически переселился в Гатчину, с Балтийского и Варшавского вокзалов начали отбывать с докладами министры, сенаторы, генералы. Назначались специальные дополнительные поезда, ездили «в гости» к главе дома великие князья. Кстати, существует мнение, что Александр III переселился в Гатчину, не желая повторить судьбу своего отца, убитого революционерами. Но вот один из ближайших (не друзей — у императоров друзей нет), — ближайших, скажем, к нему людей, граф С.Д. Шереметев, — утверждает, что Александру нравилась простая гатчинская жизнь, где он мог в какой-то степени чувствовать себя частным человеком: ходить на охоту, проводить время с семьей. Для Императора Всероссийского, конечно, такие часы было редкостью, и поэтому он особенно ценил Гатчину.

А что творилось на вокзале в летние месяцы, когда войска стояли в Красном Селе, и в Красносельском театре танцевала, скажем, Матильда Кшесинская!..хлопотная, наверное, была должность у начальника станции Петербург I-го класса.

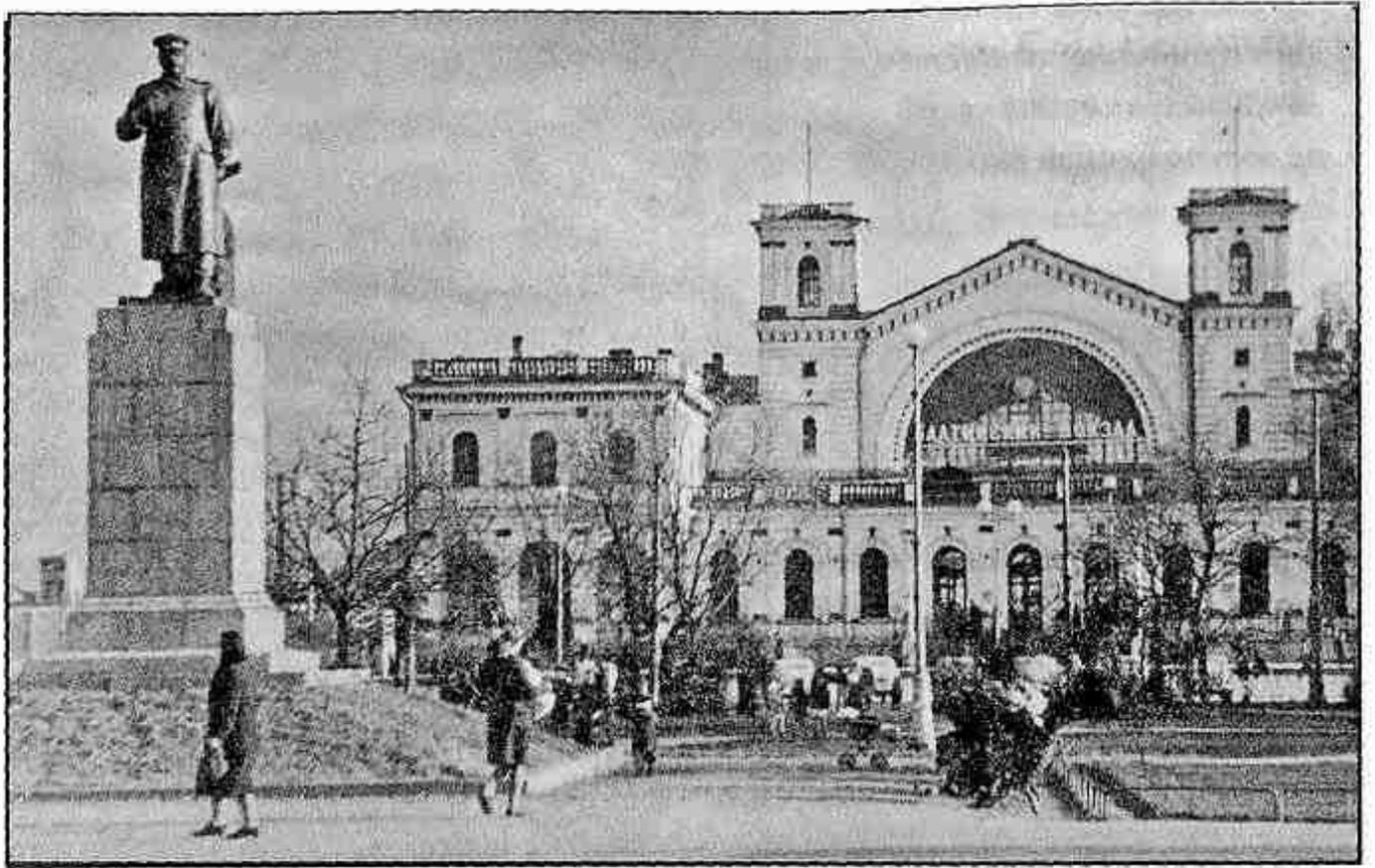
Впрочем, прибывали на Балтийский вокзал и поезда иного рода. 20 декабря 1908 года в Кронштадте умер настоятель Андреевского собора протоирей Иоанн Сергеев, известный всей России, как отец Иоанн Кронштадтский. После панихиды тело его перевезли в Ораниенбаум по льду Финского залива. За траурной колесницей шли толпы народу. Боялись даже, что лед может не выдержать, поэтому по пути следования процессии было устроено несколько спасательных станций. А из Ораниенбаума специальный траурный поезд доставил тело отца Иоанна на Балтийский вокзал. Могила о. Иоанна Кронштадтского находится в гробнице подвальной церкви-усыпальницы Иоанновского монастыря на Карповке. Она всегда была местом паломничества. Даже когда в советское время усыпальницу замуровали, у подвального окошка, выходящего на набережную, часто появлялись букетики цветов.

*Иоанн Кронштадтский и
один из тех, кому посчаст-
ливилось получить его
благословение*

Но вернемся на Балтийский вокзал и почитаем дальше путеводитель Верландера: *«Имеются также залы для пассажиров всех трех классов; очень хороший буфет для I и II класса; особый буфет для III класса <...>, ларь для книжной и газетной торговли. Имеется дамская уборная и при ней женская прислуга; имеется также мужская уборная с прибором для умывания».*

Пассажир-профессионал: Разницу между «очень хорошим» и «особым» буфетом нашему современнику долго объяснять не надо. На вокзале и сейчас имеется заведение, именуемое «бистро» (класс определить не берусь), а также разнообразные ларьки с литературой на все вкусы. Читаю названия: «Таланты и покойники», «Страсть леди Ди», «Секс без проблем»... Интересно, а что брали с собой в поезд наши предки? Вот передо мной каталог одного из издательств былых времен. Н.А. Лухманова «Любовь» (роман), «Без любви» (повесть). Здесь же сочинение пастора С. Кнейпа

Балтийский вокзал. 1953 г.

«Как надо жить» (цена 80 коп.). Что ж, за то, чтобы узнать, как надо жить, — 80-ти копеек не жалко! И нынешний подросток, жадно изучающий свежий выпуск «Интим» с умопомрачительной девицей на обложке, не подозревает, что его прадедушка здесь же, на Балтийском вокзале, не мог оторваться от какого-нибудь «Друга молодости, а холостяков в особенности». Видимо, железная дорога никогда не располагала к серьезному чтению.

Как и в те давние времена, мы узнаем об отправлении поездов по надписям в начале платформ. Только раньше время и станция назначения писались мелом на грифельных досках, а сейчас загораются на электронных табло цифры и названия, да звучит по радио (как правило, неразборчиво): «Посадка на поезд до...». При станции есть медпункт, а когда-то на самой станции даже жил железнодорожный врач.

Перед Балтийским вокзалом — большая площадь. Это удобно: есть, где развернуться транспорту. «К услугам пассажиров, прибывающих в Петербург, имеется достаточное количество извозчиков <...>. Для лиц, менее обеспеченных, имеется конно-железное снабжение».

А.П. Верландер рекомендует не связываться с теми извозчиками, которые становятся ближе к выходу со станции: более отдаленные берут гораздо дешевле.

Пассажир-профессионал: Рекомендация не лишняя и в наши времена, только заменим извозчиков таксистами. А «для лиц, менее обеспеченных» — станция метро «Балтийская» (1955 год, арх. М.К. Бенуа, А.Н. Кубасов, Ф.Ф. Олейник).

Когда-то у вокзала будущего пассажира встречали носильщики. Их можно было попросить доставить вещи прямо к поезду или — вообще, послать за билетом. А пока провести время в зале ожидания, в буфете, или — просто, прогуливаясь по перрону. Что ж, отправим и мы Пассажира-профессионала за билетами, выйдем из вокзала и, стоя на ступеньках, окинем взглядом привокзальную площадь. Да... Ларьки, торговые павильоны, сопутствующая нашей торговле особая атмосфера: коробки, ящики, грязь, обилие весьма подозрительных личностей. Они основательно засидели находящийся в центре чахлого скверика памятник ополченцам Ленинского района. Снимки 50-х годов показывают нам на этом месте памятник Сталину. А еще раньше — просто сквер, окруженный трамвайным кольцом.

Слева от нас узенький Библиотечный переулок, впадающий в пресловутую улицу Шкапина (б. Везенбергскую). Это одна из самых несчастных улиц Петербурга, вернее, несчастны ее жители. Грохот грузовиков, грязь, загазованность, полуразрушенные дома. Короче, после наступления темноты сюда лучше не соваться.

Прямо перед нами — мутная полоса Обводного канала, мост (когда-то Штиглицкий, сейчас — Лермонтовский), знаменитые Измайловские провиантские магазины, построенные в 1819–1821 годах В.П. Стасовым. Длинное желтое с белым здание — одно из тех, что формировали облик чопорного казенного Петербурга — города казарм и присутственных мест.

*Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель...*

(О. Мандельштам)

Но вот уже и Пассажир-профессионал бежит с билетами, пора отправляться. Кажется, нам повезло, удалось занять место у окна, и мы можем полюбоваться проплывающими мимо пейзажами.

Да. Любоваться пока, скажем прямо, нечем. «Полоса отчуждения» застроена старыми кирпичными пакгаузами, перемежающимися современными металлическими полусферами складов и вневременными сараями и бараками. Лет двадцать назад еще мелькал слева по ходу поезда куполок полуразрушенной часовенки. Но сейчас он исчез, как исчезло и одно из самых больших городских кладбищ — Митрофаниевское, находившееся когда-то между линиями Варшавской и Балтийской железных дорог. Теперь о нем напоминает только Митрофаньевское шоссе, тянущееся вдоль полотна.

Летом 1831 года в Петербурге свирепствовала эпидемия холеры. Умерших от этой страшной болезни хоронили в специально отведенных местах, в том числе близ деревни Тентелево. В 1835 году рядом с холерным учредили и обычное городское кладбище. Через несколько месяцев освятили деревянную церковь во имя новопреставленного Св. Митрофания Воронежского. Дорога к кладбищу была обсажена ветлами, построена ограда. А уже в 1839 году на Митрофаниевском заложили новый каменный храм. Сначала хотели строить его по образцу собора в Воронеже, но не хватило средств, и взяли готовый проект, выполненный К.А. Тоном.

К началу XX века Митрофаниевское кладбище стало одним из самых больших в Петербурге. Оно никогда не считалось особенно богатым и престижным. Хоронили здесь, в основном, купцов, чиновников, актеров, литераторов. (Согласно Ф.М. Достоевскому, именно на Митрофаниевском был похоронен отставной титулярный советник С.З. Мармеладов, задавленный лошадьми). Но встречались и захоронения побогаче, — скажем, церковь Сошествия Святого Духа, которую возвел над могилой своего юного сына-студента купец А.Л. Кекин. Или часовня над склепом адмирала А.В. Головина, надгробия пианистки Марии Шимановской, сенатора П.И. Сумарокова, генерала Н.С. Голицына. Были и бесплатные участки, где хоронили жителей города, умерших в богадельнях, больницах, приютах. Здесь же по соседству существовало Финское лютеранское кладбище, а также старообрядческое Громовское.

После революции кладбище еще действовало, но в 1927 году было решено закрыть его. Через два года снесли и Митрофаниевскую церковь.

А ведь это была единственная в нашем городе кладбищенская церковь, построенная по проекту К.А. Тона. Какой-то рок висит над церквями Тона в Петербурге. Снесены все его полковые храмы — Введенский собор Семеновского полка у Витебского вокзала, Благовещенская церковь Конногвардейского полка на нынешней площади Труда, церковь Св. Мирония лейб-гвардии Егерского полка на Обводном. В изуродованном виде сохранилась лишь церковь Преображения Господня на Аптекарском острове. Не повезло и кладбищенской церкви Св. Митрофания.

В 30-е годы несколько захоронений были перенесены на другие кладбища. Так, «переехали» в Некрополь мастеров искусств актеры А.М. и Я.Г. Брянские (родители Авдотьи Панаевой), Е.С. Семенова. На Литераторских мостках очутились Л.А. Мей, А.К. Григорьев, исследователь старого Петербурга М.И. Пыляев. Но безвозвратно утрачены могилы историка Н.К. Шильдера, директора Департамента железных дорог известнейшего инженера Д.М. Журавского — и многих, многих других. Среди них — поэт и переводчик Алексей Лозина-Лозинский, умерший совсем молодым и оставивший нам великолепную поэму «Санкт-Петербург». Там и о железных дорогах сказано:

*У города есть рот. У города есть ноги.
Как войско с копьями, видны суда в порту.
От города бегут железные дороги,
Полоски белые уходят в широту.*

*И всюду, всюду труд... Что надо моралистам,
Кричащим о труде? Да разве мало им?
Да разве кто-нибудь живет еще под чистым,
Безбрежным небом дум, под небом голубым?*

Сейчас на месте Митрофаниевского кладбища гаражи, склады и свалка. Чудом сохранился участок Громовского кладбища, но, говорят, гулять в одиночку там не рекомендуется.

*Стареет все, и все уносит время.
Но зрелища грустнее нет, когда
В заботах дня мятущееся племя
Приют отцов сметает без следа.*

Пожалуй, лучше поэта Константина Фофанова не скажешь...

Но электричка набирает ход, и мы покидаем грустные привокзальные окрестности. Когда-то, справа по ходу поезда, пассажир мог видеть деревянные домишки Тентелевой деревни, приютившейся на краю Петергофской дороги — и не существующее ныне Тентелевское кладбище. Это было самое древнее холерное кладбище Петербурга. Вообще, нехорошие здесь места: погибшие кладбища, заводы, редкая и довольно убогая жилая застройка. Поэтому дальше, дальше... Проскочим станцию Броневою, прогремим по мосту через Ленинский проспект, минуем станцию того же названия (здесь Варшавская и Балтийская дороги разойдутся окончательно) и начнем знакомиться с Дачным и Ульянкой.

Пока еще в городе (Дачное и Ульянка)

*М*ы настолько привыкли, что Дачное и Ульянка — это просто новые городские районы, что и железнодорожные станции с этими названиями воспринимаем, как... трамвайные остановки, что ли. А ведь когда-то первой станцией по Балтийской железной дороге было Лигово, а до него поезд шел по узкой просеке в лесу. И главной магистралью этих мест с петровских времен считалась Петергофская дорога. Та, что ныне — проспект Стачек и Петергофское шоссе.

Собственно, она существовала еще до Петербурга. На шведских картах XVII века видны небольшие поселения по берегу залива, которые связывает между собой приморская дорога. Кое-где она была простым проселком, где-то (между нынешним Автово и Лигово) сливалась со старой Нарвской дорогой. Прибрежные деревеньки (финские хутора, заменившие древние ижорские поселения) были небольшими, 5–6 дворов. На возвышенных местах стояли лютеранские кирхи и пасторские дворы.

Все изменилось, когда, в ходе Северной войны, земли Введенского Дудоровского погоста Водской пятины (так назывались они в новгородс-

ких писцовых книгах XVI-го века) снова перешли к России. Уже в середине XVIII века первый историк Петербурга А. И. Богданов пишет: «А здесь надлежит мало упомянуть о Приморских Домах высоких господ тех, которые имеют свои поселения по Петергофской Дороге. И оных столько множество поселены, дом подле дому рядом, что расстоянием от Царствующего Санктпетербурга в тридцати верстах поселены великими и высокими домами, как бы одна великая слобода населена».¹

Правда, до 1709 года, пока еще сохранялась возможность возобновления военных действий, ни загородные усадьбы вельмож, ни царские резиденции, естественно, строиться не могли. В основном, возводились редуты. Но, как только опасность миновала, Петр I решил превратить Петергофскую дорогу в нечто вроде парадного морского фасада новой столицы. По его замыслу, путешественник прибывал в Кронштадт, отплывал в Ораниенбаум, — и оттуда следовал в Петербург по живописной дороге, где великолепные загородные дома, окруженные парками, перемежались сельскими ландшафтами. Своей летней резиденцией царь решил сделать Стрельну, позднее — Петергоф. А земли вдоль Петергофской дороги роздал ближайшим к себе людям — князю Меншикову, адмиралу Апраксину, царице Марфе Матвеевне и многим другим. Строились здесь не всегда охотно, кое-кто считал это тяжелой повинностью. Но скоро иметь дачу на Петергофской дороге стало, как мы бы сейчас сказали, престижным. И вот появились вдоль дороги деревянные, а позже — каменные строения, великолепные парки с разными затеями: фонтанами, гротами, каскадами. Петергоф и Петергофскую дорогу любили и наследники Петра, в первую очередь императрицы Елизавета Петровна и Екатерина Великая. Владения вельмож прерывались большими царскими имениями — Лигово, Стрельной, Петергофом. А при Николае I, когда Петергоф находился, пожалуй, в зените своей славы, вдоль дороги появились имения сыновей и дочерей императора, позднее — его внуков. Официальный статус Петергофской дороги всегда был особым. По ней маршировали полки в летние лагеря в Красном Селе, мчались придворные кареты, скакали фельдъегеря. По свидетельствам иностранцев, Петергофская дорога напоминала дорогу из Парижа в Версаль.

¹ Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга — СПб., 1997.

Пассажир-профессионал: Кажется, Петергофская дорога опять приобретает статус «государственной». Константиновский дворец в Стрельне становится приморской резиденцией президента России. Благополучно завершена реставрация дворца и парка... что ж, это можно только приветствовать. А, если резиденцию впоследствии не огорожат высоким забором, и мы, грешные, тоже сможем любоваться восстановленными залами дворца и прогуливаться по парку...

Времена менялись. Огромные барские имения, особенно после реформы 1861 года, распродавались по частям. Появились небольшие дачи, целые дачные поселки, и громкие имена владельцев усадеб — Головины, Апраксины, Чернышевы — все чаще заменялись новыми именами: скажем, инженера Полежаева или купца Курикова. Снять комнату или домик на лето в Дачном или Лигово стало доступным и для учителя, обремененного большой семьей, и для не слишком преуспевающего врача, и для литератора, актера, судейского чиновника. К тому же, сообщение улучшилось: появилась Балтийская железная дорога. Но город подступал. Все ближе дымили заводы, строились бараки для рабочих, вырубались леса и засыпались озера. И первым, как самое близкое к городу, пострадало Дачное, граничившее к концу XIX — началу XX века уже непосредственно с рабочими окраинами.

Война прокатилась по Дачному, не пощадив ни его прежней планировки, ни остатков тех старинных барских усадеб, которые еще существовали в 1941 году. А Дачное нашего времени заслужило славу «ленинградских черемушек»: здесь в 60-х годах широко развернулось строительство панельных пятиэтажек, так называемых «хрущевок». Сейчас, конечно, это жилье не выдерживает никакой критики, но тогда получить отдельную квартиру, избавиться от ужасов коммуналок, было мечтой многих ленинградцев. Зеленое Дачное, с его просторными дворами, близостью к Стрельне и Петергофу, куда можно было поехать в воскресенье всей семьей, стало для кого-то «второй родиной». Как для поэтессы Елены Шаляпиной, тоже жительницы Дачного:

*Пожалуй, время неудачно
Создатель выбрал для меня
И место, что зовется Дачным,
Где все теперь моя родня.*

Сады, зажатые домами,
Бездомных кошек легион,
Собак бродячих... С нами, с нами
Их мстящий дух, их жалкий стон.

И двор — не двор, лоскут планеты,
Замусоренный в пух и прах.
Я не люблю его за это.
В других я выросла дворах.

Но если разобраться строго,
То разница невелика.
Двор детства — это слишком много,
И чище нет его песка,

И непролазней нету чащи,
И зелени нет зеленей.
А этот двор — не настоящий.
Но это двор моих детей.

Вторая родина, вторая
Обетованная земля.
И первую не выбирают.
И эту выбрала не я.²

Если окинуть взглядом нынешнее Дачное, то, пожалуй, единственное, что осталось от бывшего великолепия Петергофской дороги — это здание под № 158 по проспекту Стачек. Сейчас в нем помещается ДК «Кировец». Оно стоит на высокой террасе над шумным проспектом, — и своей планировкой, колоннадами по краям — чем-то напоминает загородную дачу былых времен. История этого дома — это в миниатюре история Петергофской дороги.

Когда-то владельцем участка, на котором стоит дом № 158 и соседние с ним 140, 142, 144, 156, 160 и 172, был адмирал Иван Михайло-

² Шаляпина Е. Сад одиночества. Стихи — СПб., 1993.

вич Головин, сподвижник Петра Великого. Вместе с царем он изучал морское дело в Амстердаме, участвовал и в войне со шведами, и в знаменитом Персидском походе. После его смерти имение на Петергофской дороге поделили сыновья, оно переходило из рук в руки и, наконец, в конце 1750-х годов имение купил граф К.Е. Сиверс. Тогда и строится загородный дом по проекту Ф.Б. Растрелли. Это, кажется, одна из последних работ великого зодчего в России. Дом был одноэтажным, на высоком цоколе, украшен скульптурой, фигурными решетками, вазами — настоящий дворец в стиле барокко. Известно, что здесь, у Сиверса, частенько гостила Екатерина II. Она любила охотиться в болотистых приморских зарослях (видимо, на уток). При доме находились, конечно, сад, оранжерея, огород — все, чему надлежало быть в богатом имении.

После смерти Сиверса его дочь продает усадьбу «великолепному князю Тавриды» Г.А. Потемкину. Неизвестно, успел ли он приступить к перестройке дома. Современники вспоминают, что Григорий Александрович любил покупать новые имения, но быстро охладевал к ним и снова продавал. Мы знаем только, что садовник Вильям Гудьд развел здесь великолепный сад, но в 1781 году Екатерина откупила дачу Потемкина в казну и подарила ее вице-канцлеру графу И.А. Остерману, одновременно пожаловав ему 10000 рублей на ремонт дома. Вкусы менялись, барокко вышло из моды, и растреллиевский дворец перестроили в духе классицизма. Автор проекта достоверно неизвестен, возможно, это был И.А. Старов.

В 1828 году было решено отделить от Обуховской больницы палаты душевнобольных и вывести их за город. Попечитель Джон Веннинг предложил купить дом на 11 версте Петергофской дороге и приспособить его для нужд больницы, заявив, что *«сие здание признается известнейшими медиками весьма удобным для помянутого заведения»*. И владелец усадьбы князь Щербатов продает ее больнице. Началась очередная перестройка старого дома. К главному зданию по проекту Д. Квадри пристроили флигели, позднее архитектор П.С. Плавов перестроил и сам дворец, устроив в бывшем бальном зале церковь во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радости. Он же возвел неподалеку большие корпуса для неизлечимых больных (**Стачек, 144**) и для служащих больницы (**Стачек, 160**). Во второй половине XIX века было построено еще одно служебное здание (**Стачек, 156**). Возник целый городок, названный больницей Всех Скорбящих.

Больница пользовалась личным покровительством Императрицы Марии Федоровны и считалась одной из самых приличных казенных больниц. В ней было 280 мест, и на каждого больного приходился один служитель. Здесь (наверное, в корпусе для неизлечимых больных) умер художник Павел Андреевич Федотов, автор «Вдовушки», «Сватовства майора» «Свежего кавалера», знакомых нам с детства. Болезнь подступила неожиданно. Еще весной 1852 года он бывал в гостях, встречался с друзьями, уже летом его пришлось поместить в больницу. Сначала — в лечебное заведение доктора Лейсдорфа на Слоновой улице у Таврического дворца. Но плата была слишком высока — 80 рублей в месяц, и друзья перевезли его в больницу Всех Скорбящих, на 11 версту Петергофской дороги. Кстати узнав о болезни художника, Николай I выделил довольно крупную сумму на его лечение, но это не помогло. С 8 октября художник находился в больнице Всех Скорбящих. Навещавших его друзей он уж не узнавал, и 13 ноября 1852 года скончался. Похоронен Павел Андреевич Федотов был в Смоленском кладбище, но в 1936 году его прах потревожили — перенесли в Некрополь мастеров искусств при Александро-Невской лавре.

Странную историю рассказывают о Федотове. Будто бы за несколько месяцев до смерти, придя в гости к своим знакомым, он написал в альбом хозяйке такие стихи:

*Всё план за планом в голове
Но жребий рушит эти планы...
О, не одна нам жизнь, а две
И суждены и даны.*

А внизу, вместо подписи, приписал: «*Кончено*». И, как ни просили его присутствующие пояснить смысл написанного, ничего не захотел объяснять...

Больница Всех Скорбящих существовала до самой революции и после, только называться стала больницей им. Августа Фореля, известного швейцарского психиатра. В войну весь комплекс был сильно разрушен, но восстанавливать его с учетом исторического облика не стали, — решили перепланировать под жилье рабочих и служащих Кировского завода. Архитекторы Л.Л. Шретер, Ю.А. Визенталь, Л.М. Гольдвассер и другие построили новые корпуса (**Стачек 140, 142, 172**), перестроили дом № 156 и, увы, до неузнаваемости изменили главное здание. Вместо центральной башни появились две по бокам (почему-то с бельведерами), сам дом надстроили. И сейчас только боковые галереи да колоннада центрального корпуса во дворе напоминают нам о бурной истории дома-дворца. Да, еще во дворе сохранился круглый пруд.

Такова архитектурная история «Кировского жилгородка» — от зрелого барокко через классицизм к сталинскому ампиру. Кстати, трамвайная остановка напротив дома долго еще называлась «Форелью». Это явно гримасы топонимики: фамилия неизвестного народу швейцарского доктора стала просто рыбой.

Если вернуться к платформе «Дачное», то слева от нее среди полей можно заметить доживающее свой век садоводство. Неказистые деревянные домики, иногда даже без труб над крышами: садоводство явно возникло в эпоху «шести соток» и грозных запретов на строительство второго этажа и печное отопление домика. Вид этот почему-то заставил меня вспомнить некий «Устав общества благоустройства пригорода «Дачное»³, изданный в С.-Петербурге в 1910 году.

³ Устав общества благоустройства пригорода «Дачное» — С.-Петербург, Т-во Р. Голике и А. Вильборг. Звенигородская, 11. 1910.

Никаких сравнений «прямо в лоб», но все же...

«Устав» начинается с обращения: *«Милостивый Государь. Имеем честь предложить Вам вступить в члены Общества <...> Вопросы благоустройства местности тесно связаны с материальным благосостоянием жителей, и вот почему нужно идти навстречу этому начинанию».* Далее ограничивается «район деятельности Общества — пригород Дачное и его ближайшие окрестности (в границах Балтийской жел. дороги, владения больницы Всех Скорбящих и имений Ульянка Графа Шереметева».

В Уставе поясняется, какие именно заботы принимает на себя Общество. Это:

— содержание в порядке улиц, пешеходных дорожек, канав, мостов, парка и проч.;

— очистка, поливка и освещение улиц;

— охрана пригорода;

— улучшение пригорода в санитарном и противопожарном отношении;

— улучшение сообщения;

— устройство лечебного пункта;

— устройство, когда будет в состоянии, детских садов, учебных заведений, библиотек, читален, театра и т. п. просветительных учреждений;

— наблюдение за исполнением Членами Общества существующих узаконений и распоряжений Правительства и обязательных постановлений по части освещений улиц, противопожарного и санитарного состояния данной местности, а, в случае нарушений сих узаконений, оказывать воздействие в форме, выработанной Общим Собранием.

Примечание: *«Как крайняя мера воздействия — обращения к подлежащей власти для зависящих распоряжений».* То есть, собирались справляться собственными силами.

И, когда я слышу дебаты, речи депутатов, читаю пространные статьи о механизме местного самоуправления на уровне микрорайона или дачного поселка, я грустно вспоминаю копеечную книжечку 1910 года издания. Как там, в Главной книге христиан? *«Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас».*⁴

⁴ Гл.2. 1 Еккл. 8, 15.

Чтобы распрощаться с Дачным, вспомним еще о расположенной на Петергофской дороге ближе к Автову даче «Левендаль» («Долина льва»), принадлежавшей когда-то обер-шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину, одному из любимцев (не фаворитов) Екатерины II. Императрица говорила, что Нарышкин всегда умел рассмешить ее. Поэтому ли, или потому, что дача находилась по дороге в ее любимый Петергоф, она часто гостила у Нарышкина, посещала его великолепные праздники с фейерверками. Но сад Нарышкина со всеми его затеями был открыт и для широкой публики (разумеется, не в те дни, когда его посещала Екатерина). М.И. Пыляев пишет, что при входе в сад висела доска с надписью, приглашавшей всех городских жителей воспользоваться свежим воздухом и прогулкой в саду «для рассыпания мыслей и соблюдения здоровья».⁵

Гуляя по Дачному, внимательный наблюдатель может еще различить очертания прежних парков, скажем, пруд с островком, оставшийся от дачи Якова Брюса близ пересечения Ленинского и Дачного проспектов. Ну, а нам пора ехать дальше — в Ульянку, имение графов Шереметевых.

Забавное название — Ульянка. Народная топонимика и здесь не даст нам соскучиться. Конечно, держала в этих местах кабачок красавица Ульяна, отсюда и название. Потом легенда обогатилась: Ульяна не только держала кабачок, но и подавала к столу отменную форель (не всплыл ли здесь швейцарский психиатр Август Форель?). Впрочем, легенда почти правдива. Хотя название «Ульянка» выводили когда-то от финской деревушки Уллила, но в 1745 году опись усадьбы Ушакова, бывшей на этом месте, включает в себя «двор трактирщика иноземца Ульяна Ульянова». Так что наша красавица Ульяна просто оказалась мужчиной.

Первым владельцем этих земель был сибирский царевич Василий, потомок знаменитого Кучума. В 1718 году за участие в заговоре царевича Алексея его сослали, а имение отошло к главе Тайной канцелярии А.И. Ушакову. Потом имение переходило от Апраксиных к Глебову, от Паниных к внуку А.Д. Меньшикова, затем снова к Паниным. Но вот в 1806 году Ульянку покупает граф Николай Петрович Шереметев. Соблазнительно, конечно, представить в аллеях парка в

⁵ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга — С.-Петербург, 1889.

Ульянке легкую тень «крепостной актрисы», ставшей графиней Шереметевой. Но, увы, Ульянка была куплена уже после смерти Параши Жемчуговой. По семейным преданиям, Николай Петрович любил Ульянку, искал здесь уединения, потеряв обожаемую жену. И бывала здесь только верная подруга Параши, тоже крепостная актриса, Татьяна Шлыкова-Гранатова, которой и поручила Параша перед смертью своего сына Дмитрия.

Дмитрий Николаевич Шереметев, блестящий кавалергард, принадлежавший и по рождению, и по воспитанию к «золотой молодежи» Петербурга, довольно долго не женился, предпочитая тратить свое огромное состояние на всевозможные холостяцкие забавы, на обустройство имений, и, прежде всего — на строительство в любимой им Ульянке. В 1835 году он опасно заболел. Его наследник граф С.С. Уваров уже чуть ли не вступил во владение громадным состоянием...

*Ты угасал, богач молодой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.*

*А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.*

(А.С. Пушкин «На выздоровление Лукулла»)

Д.Н. Шереметев действительно выздоровел и, может быть, следуя совету поэта:

*Пора! Введи в свои чертоги
Жену-красавицу — и боги
Ваш брак благословят, —*

женился на своей родственнице Анне Сергеевне Шереметевой. Обветшавший усадебный дом в Ульянке был перестроен архитектором И. Корсини (дом стоял на высоком берегу пруда на том же месте, где

ныне — унылое здание школы из серого силикатного кирпича (Стак, 206). Случайно или нет, но школа фактически повторяет очертания шереметевского дома, и поэтому даже обладает некоторой архитектурной ценностью).

Дмитрий Николаевич любил Ульянку, может быть, еще и потому, что она давала ему возможность вспомнить славное кавалергардское прошлое. Дело в том, что по Петергофской дороге проходили войска, направлявшиеся в летние лагеря. Сергей Дмитриевич Шереметев вспоминает: «Когда проходили войска в Красное Село, отец любил выходить на дорогу, в случае же привала всегда хлопотал об угощении». Ну, а Анна Сергеевна занималась хозяйством: «Насколько было возможно, моя мать старалась украсить Ульянку: развела порядочный фруктовый сад с небольшим садиком для меня; она поддерживала оранжереи, которые находились между шоссе и взморьем и славились персиками и ананасами. В саду разбиты были новые дорожки и между ними одна совершенно прямая в версту, которая вела к домику, построенному в лесу еще дедом моим Николаем Петровичем».⁶

Ульянке до поры, до времени везло. До самой революции она находилась во владении Шереметевых. Ее последним владельцем был Александр Дмитриевич, младший сын Дмитрия Николаевича. Он не только не раздробил Ульянку на дачные участки, но и прикупил соседнее имение Чернышевых, назвав его своим именем «Александрино». Купол дворца «Александрино», построенного в 1770-х годах Ж.Б. Валлен-Деламотом и восстановленного после войны, виден из окна электрички в конце прямой аллеи, проходящей по краю лесопарка «Александрино».

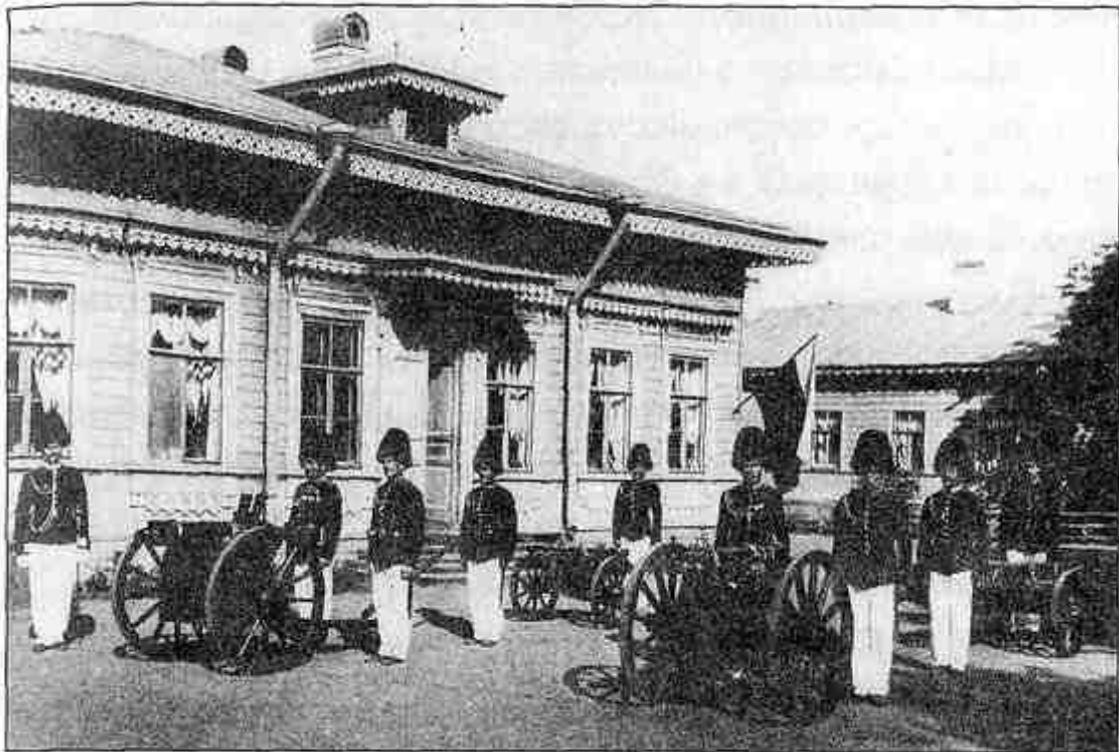
Новые постройки в Ульянке были связаны с увлечением графа Александра Дмитриевича пожарным делом. Он самолично основал пожарную дружину, а внизу, у шоссе, построил здание пожарного депо с каланчой. Имелись в усадьбе и постройки Н.Л. Бенуа — «молочная» и ферма.

Первый ущерб Ульянке был нанесен местными жителями в 1918 году, когда они разрыли плотины и спустили воду из шереметевских прудов в поисках якобы затонувшего там «автомобиля графа с сокровищами». Парк медленно зарастал, строения разрушались, но в целом Ульянка сохраняла свой облик. В 30-е годы даже существовал проект устройства парка, который

⁶ Шереметев С.Д. Ульянка — СПб, 1893.

*Дом в имении Шереметевых
и на фото слева один из его
владельцев с семьей.*

*Была в имении и своя охрана
и колонна, установленная
24 июня 1901 года на месте,
где 8 мая 1897 года
«государыня императрица
соизволила провести смотр
пожарной дружине
им. Петра Великого».*

объединил бы дачи Воронцова, Шереметева и Бутурлина. Но во время войны Ульянка была практически полностью уничтожена. Сейчас в районе улицы Лени Голикова еще можно видеть систему прудов шереметевского парка (привести бы их в порядок!), а в остальном территория Ульянки почти полностью застроена многоэтажными жилыми домами. В середине 50-х годов на месте дома Шереметевых построена уже упоминавшаяся школа из серого кирпича. Забавно, что ее первоначальный проект предусматривал монументальное здание в духе «сталинского ампира», — колонны, портик, даже грот. Но подоспели времена «борьбы с излишествами», и мы имеем то, что имеем. Хорошо это или плохо — сказать трудно, кому что нравится (или не нравится). А вообще район Ульянки — симпатичный, зеленый; правда, метро сюда протянут не скоро. Так что электричка — хорошее дополнение к троллейбусам и автобусам, идущим по пр. Ветеранов (б. Серединная улица) и трамвайной линии, проложенной вдоль старой Петергофской дороги.

Кстати о трамвае. Мало кому сейчас говорит что-нибудь красивое слово ОРАНЭЛа. Это сокращенное название Ораниенбаумской электрической Северо-западной железной дороги. В 1910 году первая в России и третья в Европе электродорога начала действовать. В отличие от трамвайных, вагончики ОРАНЭЛы были зелеными, как и железнодорожные. Планировалось протянуть дорогу от Нарвских ворот до Ораниенбаума, но помешала Первая мировая война. Реально трамвай пошел только до Стрельны, где князь А.Д. Львов пожертвовал земельный участок своего дворца для размещения разворотного кольца.

А если вернуться по Петергофской дороге к Автово, то справа от нынешней трамвайной линии (там, где была когда-то деревня Княжево) мы увидим романтическое, одиноко стоящее здание из красного кирпича (**Стак, 91**). Это тяговая преобразовательная подстанция ОРАНЭЛы. Кстати, трампарк им. И.Е. Котлякова находится как раз там, где располагались депо, ремонтные мастерские и прочие службы электродороги. В 1926 году участок Ораниенбаум — Стрельна разобрали, а демонтированные рельсы, шпалы и другое оборудование использовали при строительстве электрической железной дороги Баку — Сабунчи — Суруханы. На своих местах остались только неразборные железобетонные мосты — их опоры можно и сейчас увидеть, подъезжая к Мартышкино. В 1929 году электрическая железная дорога потеряла самостоятельность и была включена в сеть городского трамвая. Но долго еще первая трамвайная остановка

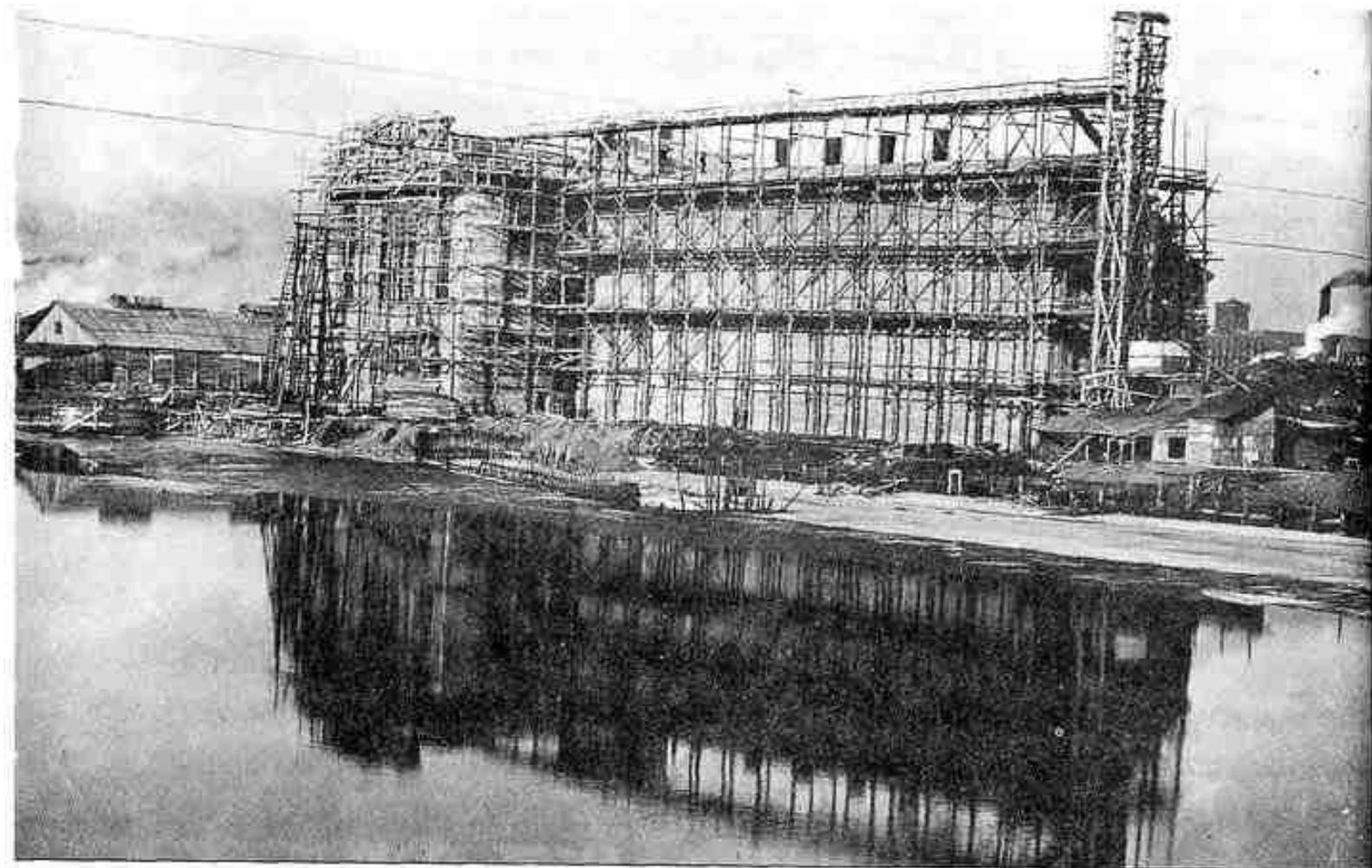
после Автово в сторону Стрельны называлась «Княжево». Добавлю еще, что Александр Блок, ездивший купаться в Стрельну,⁷ несомненно, пользовался ОРАНЭЛой.

А на углу ул. Лени Голикова и пр. Стачек мы увидим симпатичную деревянную церковь Св. Петра Митрополита. Она поставлена рядом с тем местом, где когда-то существовала старая церковь «в Ульянке» или «за Красным кабачком». Первым владельцем этой мызы у Петергофской дороги был стольник П.И. Бутурлин. И, по преданию, Петр I, будучи в гостях у Бутурлина, узнал о победе над шведами и приказал отслужить благодарственный молебен в походной церкви. Потом на месте временной церкви возвели деревянную (она существовала уже в 1716 году), затем — каменную (это уже 1866—1891 годы, архитектор В.Ф. Харламов). В церкви находилась особо почитаемая икона Св. Уара, перед которой родители молились о здравии детей. На деньги владельцев окрестных имений и, в первую очередь, графов Шереметевых, пристраивались новые приделы — Св. Александра Невского и Преподобной Марии Магдалины. А у самой дороги, еще в 1808 году, была построена прекрасная часовня в духе александровского ампира. Гонения 30-х годов прошлого века пощадили церковь Св. Петра Митрополита, ее не закрыли и не снесли. Но во время войны и церковь, и часовня погибли (говорят, что руины часовни еще можно было заметить в 1970-х годах, пока не началась массовая застройка Ульянки). А вместо старой церкви освятили новую, но не на том же месте, поскольку, увы, — там, где была церковь Св. Петра Митрополита, выстроено здание почты (**Лени Голикова, 3**).

Что-то мы слишком задержались в городе. Пора на волю, хотя еще долго Балтийская железная дорога не пересечет городской черты. Но пейзажи Лигово, Горелово и, конечно, Красного Села и Дудергофа (извините, Можайского) к городским уже не причислишь. Вот и полоска воды мелькает слева по ходу поезда. Здесь мы встречаемся с Лиговским каналом.

Вернее, мы заметили его еще перед «Ленинским Проспектом». Но плотно прижался к железной дороге он перед Дачным, а после Ульянки снова ушел в сторону.

⁷ См., например: Александр Блок Записные книжки — 5 июля 1919 г.: «Стрельна и ее парк с купаньем».

Здание электростанции ОРАНЭЛы. 1913 г.

По приказу Петра I в 1718 году инженер Г.Г. Скорняков-Писарев «у деревни Гореловой» строит шлюз, который делит протекающую в той местности реку на две части. Одна часть получает название Дудергофки (с ней мы еще встретимся в Лигово) и направляется по естественному руслу р. Лиги (или Лиговки) в Финский залив. Другая же, ставшая Лиговским каналом, питает фонтаны Летнего Сада. Сначала канал идет по искусственному руслу, затем — по руслу р. Черной, затем снова по искусственному. Общая длина канала — около 20 километров, и строили его три года. Заканчивался Лиговский канал в прудах-накопителях в местности, до сих пор называемой Прудками. Теперь это сквер на углу ул. Некрасова (б. Бассейной) и Греческого проспекта. К сожалению, канал питал фонтаны недолго — наводнение 1777 года разрушило и фонтаны, и водозаборную систему. Потом он некоторое время использовался для на-

полнения прудов Таврического сада, а в 1891 году Прудки и часть канала от Бассейной улицы до Обводного засыпали. Вызвано это было санитарным состоянием канала. Вода в нем застаивалась, засорялась бытовыми и промышленными отходами, и могла послужить (и служила) источником эпидемий. Недаром в народе бытовало выражение «лиговский букет», возникшее из-за специфического запаха воды. К 1926 году засыпали и участок канала до Московских ворот, а в 1965—1969 годах сделали отвод в речку Красненькую у Автова. Но все же старый Лиговский канал (уже без «букета») еще соседствует с Балтийской железной дорогой.

А в середине 1970-х годов добрались и до речки Дудергофки. В мелиоративных целях был построен Дудергофский канал. Он начинается на пересечении Петергофского и Таллинского шоссе, идет параллельно Петергофской дороге до ул. Тамбасова, — после чего, резко заворачивая вправо, впадает в Финский залив.

Но мы уже в Лигово.

Лигово

«*Л*игово, конечно, не столица, но его трудно признать и деревню: оно так близко от Петербурга и так хорошо соединено с ним, что это скорее пригород, форштадт столицы, а не село в обыкновенном смысле этого слова».¹ И Петербург давно не столица, и Лигово — не пригород, а полноправная часть Кировского и Красносельского районов города, но все же, все же, подъезжая к Лигово понимаешь — город остался позади.

Считается, что название Лигово происходит от финского «лика» или «лиге» — «лужа», «слякоть», «грязь». Еще в 1500 году писцовые книги Водской пятины Великого Новгорода упоминали деревню «на усть Лиги до моря». А на шведских картах XVII века обозначена деревня Лихала или Лийханкюля. Так что Лигово — древнее Петербурга!

В 1714–1715 годах Петр I повелел создать здесь царскую мызу. Назначение ее было чисто хозяйственным — молочная ферма, огороды. Однако Высочайшие особы и после Петра жаловали Лигово своей благосклонностью: Анна Ивановна 20 января 1737 года «пила кофе на мызе».

¹ См. Верландер А.П.

а Елизавета Петровна изволила «обедать в шатрах». При мызе были большие фруктовые сады и мельница с плотиной. Из-за этого речка Лига разлилась и образовала озеро или пруд, протянувшийся от нынешней линии железной дороги почти до Петергофского шоссе.

В 1765 году Лигово и обширнейшие земли вокруг него Екатерина II жалует графу Григорию Григорьевичу Орлову. Императрица часто посещала имение своего фаворита, о чем поэт В. П. Петров поведал миру в торжественных виршах под названием: «*На мызу Его Сиятельства Графа Григория Григорьевича Орлова, называемую Лигово, где Ее Императорское Величество в проезд свой из Сарского Села до Ораниенбаума в провождении многих придворных особ кушать изволила*».

Пассажир-профессионал: После такого заглавия стихи как бы уже не требуются, но все же:

*Хотя пространством мал, огромен славой дом.
Богини он в себе Величество вмещает.
Что мечет к нам лучи, на турков страх и гром
Из света гонит злость, в нем правду воцаряет.*

Да, умели красиво писать в осьмнадцатом веке!

Дом Орлова стоял, видимо, на берегу пруда недалеко от плотины. При доме находились хозяйственные постройки, а близ Нарвской дороги — харчевня (кабачок на этом месте существовал еще при шведах). Григорий Григорьевич Орлов был, как бы мы сказали сейчас, страстным мичуринцем. Свое Лигово он превратил в опытную станцию, где испытывались новейшие методы земледелия, выводились новые сорта растений.

Рядом с имением графа Орлова (примерно там, где сейчас находится 25-я городская больница) была дача А. В. Олсуфьева, статс-секретаря Екатерины II. Он знал несколько иностранных языков, увлекался театром, музыкой, много переводил и сам баловался стихами. Одно из его шуточных стихотворений обращено к Орлову и довольно подробно описывает их соседские взаимоотношения. Олсуфьев жалуется Орлову на самоуправство финских крестьян «чухон», живущих на землях графа.

*По счастью моему живу с тобой в соседстве,
Но от чухон твоих теперь в немалом бедстве.*

*Исторгни из меня заботу и тоску,
Из Лигова позволь мне в сад мой брать песку.
Они ж, треклятые, свою всю мертвечину,
Лишь кожу ободрав и с гривой сняв личину,
Во рвы глубокие вдали не зарывают,
И вместо ладона мне под нос в лес бросают.
Четыре с кабака дни сряду не сходили,
Распашку под ячмень верхами боронили,
Умышленно моих убили трех собак,
Вино лишь только пьют и в рот кладут табак.*

После смерти Орлова в 1783 году лиговские земли перешли к его воспитаннице Наталье Алексеевой. Ни для кого не являлось секретом, что на самом деле Наталья была... родной дочерью графа? Или его племянницей, дочерью Алексея Орлова? К тому времени она уже вышла замуж за адъютанта Орлова Федора Федоровича Буксгевдена. Говорят, что это был брак по любви. Но для бедного лифляндского дворянина это была еще и очень выгодная партия. По семейному преданию Буксгевденов старик-отец, провожая юного Теодора на службу в Петербург, дал ему пять рублей, чтобы тот не умер с голоду и пощечину — чтобы никогда не заносился. Пощечина ли отца возымела действие или что другое, но Федор Федорович вошел в историю Санкт-Петербурга, как один из самых рачительных его губернаторов. Правда, он числился вторым генерал-губернатором, первым был наследник Александр Павлович, но мы все понимаем разницу между представительскими функциями и ежедневной черновой работой.

Наталья Буксгевден была ближайшей подругой Екатерины Нелидовой — некрасивой, умной и обаятельной фрейлины, которую Павел I называл своим «сердечным другом». Екатерина Ивановна сумела подружиться даже с императрицей Марией Федоровной, супругой Павла, и часто смиряла гнев императора, направленный не только на подданных, но и на членов его собственной семьи. И когда, будучи в Москве, Павел обратил внимание на юную княжну Анну Лопухину, соответственно перестав «дружить» с Нелидовой, то это событие сравнивали с падением министерства. Несдержанная на язык Наталья Буксгевден что-то такое не тому сказала, последовал высочайший приказ о высылке ее из Петер-

бурга. Тогда верная Нелидова заявила: «Ах так! И я тоже!». Но время ее прошло, опальную фаворитку никто не удерживал, и подруги удалились сначала в Лигово, куда вскоре последовал и граф Федор Федорович, уволенный от всех должностей, а затем в Эстляндию, в замок Лоде.

При Александре I граф Буксгевден снова был призван на службу, но не сошелся характером со всемогущим Аракчеевым. Во время войны со Швецией войска под командованием Буксгевдена захватили то ли 7000 пудов пороха (по одним документам), то ли 5633 пуда (по другим). Аракчеев потребовал объяснений, и разъяренный граф отписал: *«Не было еще примера в российской истории, чтобы главнокомандующий принуждаем был рыться в бумагах, дабы объяснить куда девалось несколько пороху, им же приобретенного»*. На этот раз отставка продолжалась до 1811 года — года смерти графа.

Слева от железнодорожной станции расположена местность, называемая Старо-Паново, давно уже слившаяся с Лигово. Здесь еще сохранился небольшой кусок Старо-Пановского кладбища, но, нет уже кладбищенской церкви Святых Мучеников Адриана и Наталии, в подвальном склепе которой в дубовых гробах покоились тела Натальи Буксгевден, ее мужа, сыновей — Павла и Петра — и их потомков. До Великой Отечественной войны церковь действовала, но дальнейшая ее судьба неизвестна.

Когда-то церковь была просто часовней в стиле ампир и несколько напоминала мавзолей. Мало того — в ней была применена система двойного купола, что являлось характерной особенностью построек, принадлежавших замечательному русскому архитектору Н.А. Львову. То есть, можно предположить... Хотя, увы, никаких документов... Да и самой церкви...

Дом Буксгевденов стоял на берегу озера примерно на трассе Аллеи Славы, перед входом в нынешнее здание детской больницы. По описаниям современников это была двухэтажная, прямоугольная в плане, увенчанная бельведером постройка. Вокруг дома простирался английский парк.

И в 40-е годы XIX века, когда имение Буксгевденов и дача Бландо перешли к графу Г.Г. Кушелеву-Безбородко, мичуринский дух не переставал витать над лиговскими полями. Кушелев-Безбородко продолжил полезную сельскохозяйственную деятельность графа Орлова, и Лигово стало образцовым имением. На полях пасся породистый скот холмогорской, йоркширской и тирольской породы. Исправно действо-

Вокзал в Лигово. Начало XX в.

вала мельница. Проводились опыты по проращиванию разных сортов пшеницы, в том числе зерен, найденных в древнеегипетских захоронениях. В 1850-е годы А.И. Штакеншнейдер составляет проект перестройки дома. Тогда появляется терраса с чугунными вазамн у пруда, а в парке возводятся два грота.

После смерти Кушелева-Безбородко имение постепенно приходит в упадок. Способствовало этому и отмежевание крестьянских земель в результате реформ 1861 года. В 1877 году делается попытка устроить в зданиях возле мельницы санаторий, но в 1879 году большая часть имения переходит в руки купца Курикова. Начинается новый этап в истории Лигова, тем более что в скором времени к нему подходит Балтийская железная дорога. В путеводителе Верландера станция IV класса Лигово описана так: «*Старое, тесное, деревянное здание, крытое железом. Нет ни дамской комнаты, ни мужской уборной с прибором для умывания*

Лигово - Ligoovo

Степановская улица - Rue Stepanoff

Лигово. Степановская улица. Начало XX в.

<...> На станции имеется буфет (вода плохая) и продажа газет отдельными номерами. <...> Ко времени прихода поездов к вокзалу прибывают извозчики: сверх того летом приходит дилижанс».

Что ж, сделаем остановку, окинем взглядом тогдашнее Лигово. «Санитарные условия Лигова несравненно благоприятнее условий тех местностей, которые лежат <...> между Петербургом и Лиговом; тем не менее и здесь довольно ощутима сырость». Далее путеводитель г-на Верландера рекомендует остановиться в гостинице «Лигово», считая ее наиболее приличной, потому что в других гостиницах есть риск встретить в числе постоянных посетителей «людей нрава беспокойного и даже довольно сомнительно репутации». К тому же, может оказаться, что «горячие напитки в избытке, а горячая пища не удовлетворяет самого неприхотливого горожанина, если только он не чернорабочий».

Пассажир-профессионал: К слову — о «горячих напитках». Долгое время среди любителей утиной охоты существовала добрая традиция: оглашать пальбой лиговские камыши. Александр Петрович Верландер комментирует этот факт довольно мрачно: «Запугали дичь страшно. Разумеется, где охотники — там и выпивка, да и приезжают охотиться, по замечанию остроумцев, преимущественно «спириты» (от слова «спирт»). Этим-то обстоятельством и воспользовалась местная промышленность и торговля в лице крестьянина Федора Кириллова, создавшего знаменитую в лиговских летописях «коптилку». Это избушка на курьих ножках, одиноко стоящая на берегу Финского залива на четверть версты от колонии Буксгевдена. Рядом с этой будкой коптят разную рыболовную снасть, а в самой «коптилке» Федор Кириллов коптит петербургских чиновников, приезжающих пугать диких уток ружейной пальбой. Быть «на охоте» и не напиться пьяным в «коптилке» — невозможно для истого заседателя петербургской канцелярии. Миротлюбиво покончив со своими кровожадными замыслами против пернатых, завзятый охотник идет в свою излюбленную будку, угощается селянкою, ухаю, а пуще всего горячительным, оставляет на попечение хозяина весь свой ружейный снаряд и возвращается в Петербург: кто очень «отяжелел», тот тут же остается ночевать на тростниковом матраце Федора Кириллова...». Как тут не вспомнить отчет 1840 года «О преступности в СПб губернии»: «Наблюдения за нравственностью жителей <...> губернии показывает, что особенных склонностей к порокам и преступлениям <...> нет, кроме более или менее общей склонности к пьянству».

Теперь давайте разбираться с географией. «Под словом Лигово понимается, преимущественно, имение г. Курикова (еще недавно принадлежавшее Кушелевым), находящееся в 2-х верстах от вокзала по Красносельскому шоссе». Верландер предупреждает, что не должно смешивать Куриковское Лигово с деревней Лигово. Последняя расположена в 13 верстах от Петербурга на Нарвском шоссе и состоит из 38 крестьянских дворов. «В общем, селение производит довольно приятное впечатление: к востоку от него идет сосновый лес гг. Курикова и Ильина, к югу — поле и парк г. Курикова...».

Пассажир-профессионал: Не напоминает ли вам г-н Куриков персонажа известной сказки Перро? «Чьи это поля?» — «Маркиза де Карабаса». — «А замок?» — «Маркиза де Карабаса». — «А река, мост, луга?» — «Его же».

Купцу Курикову принадлежало 116 дач в Лигово. Имелись также дачи в ближних поселках Позино (23 дачи) и Павлово (7 дач). В общем, целый дачный городок, куда выезжали на лето утомленные петербуржцы, дабы отдохнуть на лоне природы. Лес, поля, речка, свежий воздух... Правда, Верландер предупреждает, что *«в погоне за удобрением местные обыватели допустили свалку на свои поля, неподалеку от дер. Лигово, отбросов с клееварочного завода; отбросы эти, с наступлением теплой погоды, разлагаются и распространяют отвратительный запах по всей окрестности»*. Но воду из «Куриковского пруда», *«если нельзя считать в начале хорошей, то, тем не менее, привыкают к ней довольно скоро»*.

Дачная жизнь в Лигово ничем не отличалась от жизни в других дачных местах под Петербургом. Выезжать на дачу начинали примерно с середины мая. Договаривались с хозяевами заранее. По приезду сразу же обговаривали с молочником, булочником и мясником — когда, что и сколько чего будут брать. Местные жители продавали дачникам молочные продукты, ягоды, фрукты, зелень. Дачи бывали разные — от собственных, довольно затейливых, до обычных крестьянских домов, сдаваемых хозяевами на лето. Близость Лигово к Петербургу и удобство сообщения с ним способствовала строительству постоянных дач. Их покупали или снимали на лето чиновники, приезжающие на воскресенье к семье, актеры, продолжавшие играть до самого закрытия сезона, и вообще все, кто не хотел слишком уж отрываться от городской жизни на лето. И, как повелось с давних пор: *«Едва только петербургские улицы очистятся от снега <...>, со всех сторон Петербурга — несмотря ни на холод, ни на отсутствие правильного летнего сообщения с дачами — вереницы возов с мебелью и разной домашней рухлядью потянутся по направлению за город»*.²

Лигово росло и развивалось. Появились мощные улицы, протянувшиеся от Балтийской железной дороги до Петергофского шоссе, элект-

² Пушкарёв И.И. Николаевский Петербург — СПб., 2000.

рическое освещение, канализация. Дачи были самыми разнообразными, напоминая иногда затейливые терема с башенками, верандами, цветными стеклами. Большой вклад в благоустройство Лигова внесли инженер-технолог К.М. Полежаев и его сын, действительный статский советник Б.К. Полежаев. Недаром долго еще и парк, и пруд (озеро), протянувшийся от железной дороги почти до Петергофского шоссе, назывались Полежаевскими.

Дачная жизнь была ключом. В парке играла музыка, работал театр, в дни спектаклей до Лигова ходили дополнительные поезда. Дачники могли прогуливаться в парке, купаться, кататься на лодках, удить рыбу. Устраивались танцевальные вечера, благотворительные балы...

Пассажир-профессионал: ...а пресловутая дачная свобода, столько раз описанная в романах, диктовала и более свободный образ жизни. Одежда становилась легче, этикет соблюдался не так строго, завязывались «сомнительные знакомства». Дачный флирт превращался почти в обязательную часть летнего отдыха. Появилась в сатирических куплетах и юмористических рассказах фигура «дачного мужа». Это обычно чиновник, отправивший жену с детьми на дачу, а сам тянущий служебную лямку в душном пыльном городе. Он приезжает в выходной день, обвешанный коробами и пакетами, получает выговор от жены за то, что купил не то и не там, и дремлет на террасе, прикрыв лицо газетой, пока не настанет время возвращаться в город. Супруга же в это время заводит легкий флирт с соседом-студентом, участвует в любительском спектакле или просто лежит в гамаке, читая что-нибудь душераздирающее, скажем, роман Андрея Ростовцева «Черные сны женщины».

Принято было иронизировать «над скукой загородных дач», как делали это Александр Блок или Иннокентий Анненский. Помните?

*Как эта улица пыльна, раскалена!
Что за печальная, о господи, сосна!*

Впрочем, кто только не отдал дань «дачной теме». И Чехов, и Аверченко, не говоря уже о бесчисленных газетных фельетонистах. И все-таки переезда на дачу ждали, ему радовались, и, несмотря на мух, комаров и прочие прелести зябкого петербургского лета, умудрялись отдохнуть и вернуться в город, мечтая о следующем дачном сезоне.

Владелец поместья "Лигово"
Полежаев. 1910 г.

А теперь — о знаменитых лиговских дачниках.

В разное время к их числу принадлежали артисты Шаляпин, Стрельская, Варламов, знаменитый адвокат Карабчевский и многие другие. Снимал здесь дачу летом 1878 года и композитор Римский-Корсаков. Интересно, что на рубеже XIX—XX веков Лигово можно было с полным основанием назвать «балетной столицей мира». Три выдающиеся русские балерины, три звезды мировой хореографии так или иначе имеют отношение к Лигово.

«Детство мое было очень счастливое и радостное. Мои родители очень любили своих детей и жили для них. <...> Я родилась 19 августа по старому стилю, или 1 сентября по новому, 1872 года, в местечке Лигово, на 13-й версте по Петергофскому шоссе, где мои родители нанимали дачу, чтобы проводить лето вдали от пыльного города и дать детям простор и чистый воздух. Туда мы несколько

лет подряд уезжали на летние месяцы».³ Так начинается свой рассказ звезда императорской сцены Матильда Кшесинская. Говорят, что счастливое детство на всю жизнь придает человеку уверенность в себе, поддерживает в трудную минуту, заставляет поверить в свои силы. Матильде Кшесинской в этом отношении повезло. И если ее судьба похожа на сказку: роман с наследником престола (будущим императором Николаем II), блистательная балетная карьера, богатство, близкое знакомство с членами царской семьи и, наконец, брак с великим князем — то этому Малечка (так называли ее родители) обязана в первую очередь себе, своему неиссякаемому жизнелюбию и железной хватке. Но, наверное, не последнюю роль сыграли здесь и счастливые дни, проведенные на даче в Лигово. Надо сказать, что в одном из недавних очень популярных романов Бориса Акунина, выведена балерина Изабелла Снежневская, прототипом которой явно послужила Кшесинская. *«Госпожа Снежневская <...> совершила поистине великое открытие на фаворитском поприще: она завела роман не с монархом или великим князем, которые, увы, смертны и непостоянны, а с самой монархией — вечной и бессмертной. <...> Она заслужила прозвище «коронной регалии».*⁴

Действительно, после женитьбы наследника, Кшесинскую «утешали» и великий князь Сергей Михайлович, и великий князь Андрей Владимирович, за которого, уже в эмиграции, она вышла замуж. Малечка из Лигова стала графиней Красинской. Правда, бурная биография Кшесинской иногда заслоняет то, что, прежде всего, была она великолепной балериной, талантливой и трудолюбивой.

А вот воспоминания другой «русской грации» Тамары Карсавиной: *«...лето, проведенное в Лигове близ Санкт-Петербурга. Дом, который мы занимали стоял в парке, принадлежащем усадьбе графа Позена. Мы поселились в нем ранней весной <...> Дом в Лигове казался мне огромным и великолепным, и очень возможно, мои детские впечатления вполне соответствовали действительности, потому что большая круглая комната с купольным потолком и нишами могла находиться очевидно только в каком-нибудь доме богатой загородной усадьбы конца восемнадцатого века. <...> Усадьба, как видно, нахо-*

³ Кшесинская М.Ф. Воспоминания — М., 2001.

⁴ Акунин Б. Коронация — М., 2001.

дилась в запустении, и я даже не помню там ни одной цветочной клумбы. Тенистый парк был также запущен. На некотором расстоянии от дома стоял павильон с минаретами, так называемая «турецкая баня».⁵

Кажется, семья жила в Лигове только одно лето, поскольку в доме было слишком сыро, но все же, все же и Тамару Карсавину можно считать лиговской жительницей. Солистка Императорских театров, она одновременно была звездой «Русских антерприз» Сергея Дягилева. И происходила она из удивительной семьи: отец Платон Константинович — известный танцовщик Мариинского театра, бабушка по материнской линии в девичестве носила древнюю византийскую фамилию Палеолог (вот откуда восточная красота внучки). В 1918 году вместе с мужем, английским дипломатом Генри Брюсом, и сыном Никитой Карсавина навсегда уехала за границу. А ее брат Лев, известнейший медиевист, погиб в 1952 году от туберкулеза в ГУЛАГе.

Красавице и умнице Тамаре Карсавиной посвящали стихи известнейшие поэты своего времени.

*Как песню слагаешь ты легкий танец —
О славе он нам сказал —
На бледных щеках розовеет румянец,
Темней и темней глаза.*

*И с каждой минутой все больше пленных,
Забывших свое бытие,
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твое.*

(Анна Ахматова)

*Вы — Коломбина, Саломея,
Вы каждый раз уже не та,
Но все яснее пламенея
Златится слово «красота»*

(Михаил Кузмин)

⁵ Карсавина Т.П. Театральная улица — Л., 1971.

*М. Киесинская с сыном
Володей в Зимнем саду своего
особняка. 1916 г.*

И третья «лиговчанка» — Анна Павлова.

*Но летит, улыбаясь, мнимо,
Над Мариинской сценой ргіта,
Ты — наш лебедь непостижимый...*

(Анна Ахматова)

Лигово в биографии Лебеда — тоже детство. Маленький домик бабушки, прачечная, которую содержит, едва сводя концы с концами, мать. Бедность на грани нищеты, лампадка перед иконами, дешевые книжки с картинками, лужайка у крыльца, на которой танцует, «крутит фуэте», приезжая на воскресенье воспитанница Театрального училища Нюра Павлова. Тихое, провинциальное Лигово...

*Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.*

(Анна Ахматова)

Слава была впереди, и последние, предсмертные слова: «*Приготовьте мне костюм Лебеда...*» — тоже. А пока — в Лигово цвела сирень...

Что еще сказать о Лигово (ставшем в 1918 году — Урицком, а в 1925 году получившем статус города)? Запустение после революции, разворованные и разобранные в 30-х годах барские дома. Еще сохраняется Полежаевский парк и часть дач, но в начале 1930-х годов в северо-западной части парка строится комплекс домов для треста «Знамя Труда». Их называют «клиновскими домами». Рядом был организован молочно-огородный совхоз «Лигово». По воспоминаниям старожилов, довоенный Урицк — это чистенький, утопающий в сирени городок, а его футбольная команда — одна из лучших в Питере.

Упомянем еще о душераздирающем преступлении, произошедшем когда-то в этих местах. В милицию пришел человек и сказал: «*Я стрелочник Фролов. Служу в Лигове. Ночью воры у меня украли козу*». Интересующихся дальнейшим ходом событий отсылаю к «*Рассказам для детей*» Михаила Зощенко, который сразу после революции служил младшим следователем уголовного розыска именно здесь, в Лигово.

Плотина, озеро, парк и имение — все было сметено войной. Через Лигово проходила линия обороны, поэтому сейчас вместо озера — овраг, фундамент плотины с трудом различим в зарослях, на месте старых дач и парка — новые многоэтажные дома. О войне напоминает Мемориал в память обороны города в 1941–1944 годах, ансамбль «Кировский вал». Обелиск у станции Лигово (1985 год, арх. К.Л. Иогансен, В.А. Петров, В.М. Иванов) хорошо виден из электрички.

Здесь расходятся Ораниенбаумская и Гатчинская ветки Балтийской дороги. И мы прощаемся со старой Петергофской дорогой. Тем, кто стремится к фонтанам Петергофа — направо, а нам — налево. Следующая остановка — Горелово.

Красное Село

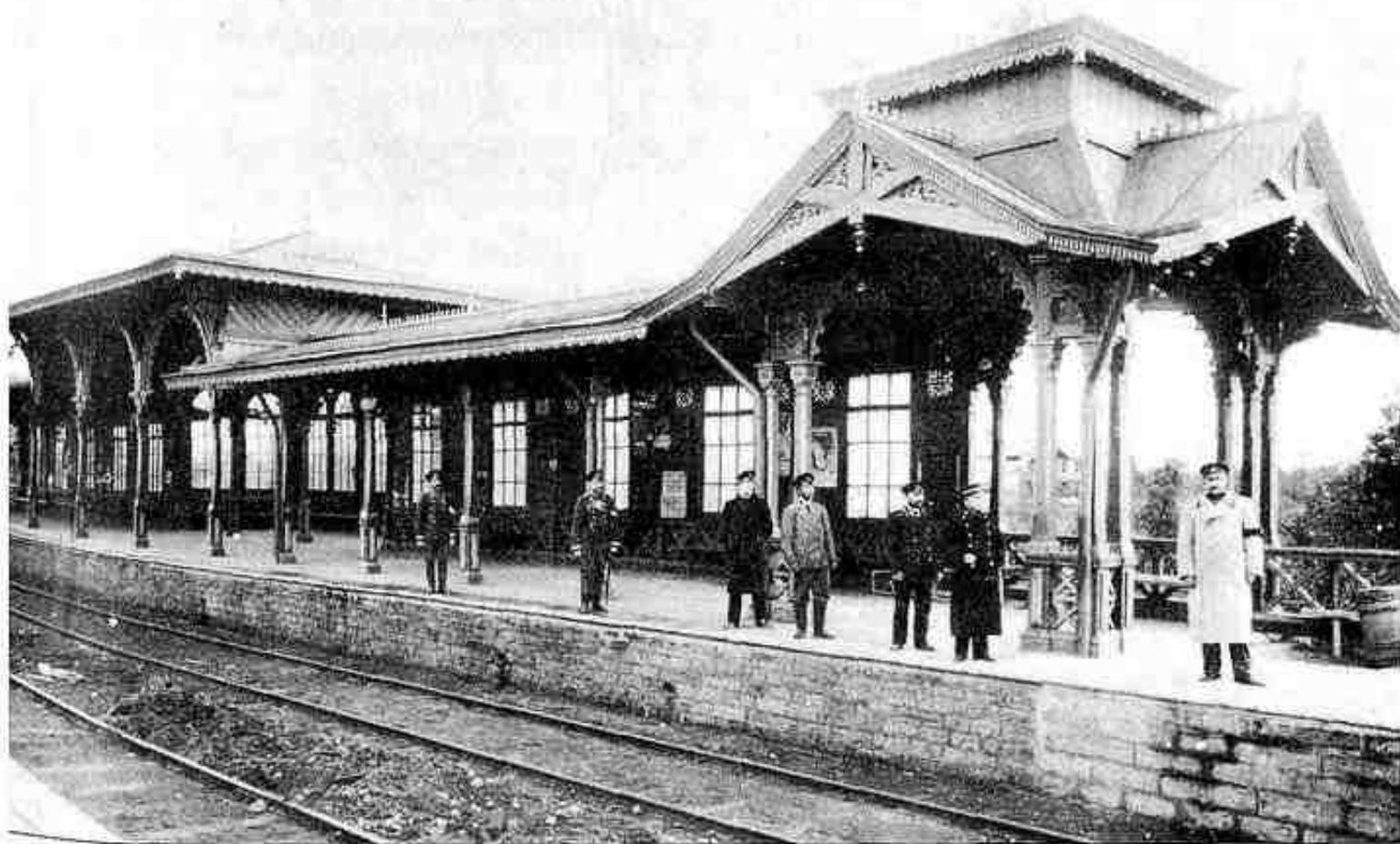
Если честно, то я предпочту проехать Горелово. Небольшое поселение, зажатое между железной дорогой и Таллинским шоссе, примечательно разве только бесконечными дачными участками и смутными слухами, что где-то здесь в Горелово живет “цыганский барон”. Да и следующую остановку “Скачки” мы тоже минуем (потом, правда, вспомним). А вот Красное Село уж никак не проехать. Хотя бы потому, что Александр Петрович Верландер, на которого мы так часто ссылаемся, подробно описал станцию III класса в Красном Селе.

“Вокзал весьма красивый, своеобразной архитектуры. Здание деревянное, крытое железом. Имеются покои для особ Императорского дома. Залы для пассажиров всех 3-х классов. Уборные имеются как мужская, так и дамская... Для станционного водоснабжения, вода проведена из реки Дудергофки к фильтру близ паровозного здания, оттуда накачивается паровым насосом в бак, находящийся в особой пристройке к паровозному зданию... Ключевая вода, употребляемая для питья и варки кушанья, признана всеми специалистами превосходною, и гораздо более здоровую, чем та, которая потребляется населением столицы. Буфет снабжен разнообразным, вкусным и пи-

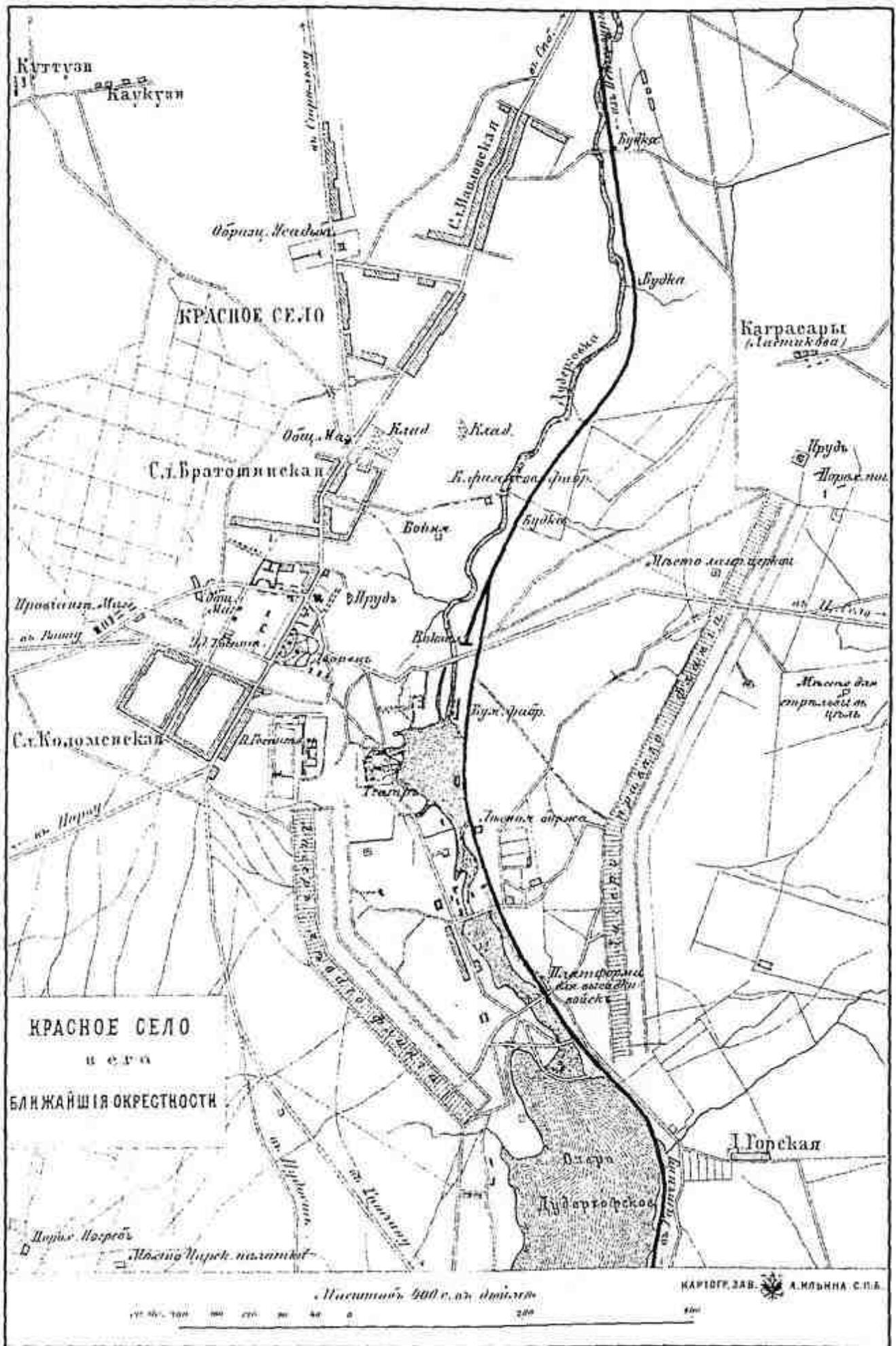
тательным столом и напитками по умеренным ценам: содержатель буфета А.А. Матковский давно известен в среде публики, путешествующей по Балтийской дороге, как вполне добросовестный и отлично знающий свое дело ресторатор. Для чтения публики буфет получает газеты; сверх того летом, газеты отдельными номерами, и книги продаются на вокзале. Марки и все необходимые письменные принадлежности можно получить в буфете”.

Словом, — идеальная станция. Мало того, что здание крыто железом, так еще и буфетчик потрясающей честности, а воды такой и в столице не сыщешь. Надо только помнить, что “начальник железнодорожной станции — Александр Петрович Верландер”. Сам себя не похвалишь...

Старый вокзал, построенный Н.Л. Бенуа в модных когда-то готических формах, погиб во время войны. Новое здание являет собой нечто ам-

Архитектор Н.Л. Бенуа. Вокзал в Красном Селе. Начало XX в.

Красное Село и его ближайшие окрестности. 1883 г.

пирное с колоннами, но сильно обветшавшее. Выйдя из вокзала, оглянемся и сориентируемся, — куда нам идти? Вверх? Направо? Налево?

Пожалуй, правильнее будет сесть на местный автобус и подняться наверх до церкви Св. Троицы (**Ленина, 108**). Она, если и не ровесница Красному Селу, то ненамного его моложе. Кстати: откуда это название — Красное Село? Ответ кажется очевидным. Ведь оно расположено на высоком берегу — глинте — древнего моря, плескавшегося некогда и на месте Петербурга. Перед глинтом лежит обширная долина, по которой протекает река Дудергофка. Она перегорожена системой плотин и дамб, образуя три озера — Безымянное, Долгое и Дудергофское. Место красивое, видное — поэтому и село Красное. Но не все так просто...

Когда-то территория нынешнего Красного Села принадлежала Новгороду и входила в состав Дудергофского погоста Ореховского уезда Водской пятины. Потом отошла московскому государству, а по Столбовскому договору 1617 года стала шведским владением. Новые хозяева начали переселять в эти места финских крестьян, что отразилось во множестве названий окружающих сел и хуторов. Существуют планы и карты 1667 года, позволяющие увидеть, что по нынешнему проспекту Ленина (бывшей Петербургской улице) проходила прямая “перспектива”, а на том месте, где теперь памятник Ленину, стояла кирха (воистину, свято место пусто не бывает). Неподалеку располагался дом пастора со всем, что следует — садом, огородом, хозяйственными постройками. Видимо, пастору принадлежала и значительная часть окружающих земель. На плане можно заметить и фортификационное сооружение — редут. Это земляное укрепление с валом и рвом. Конечно, русские близко, надо быть готовыми ко всему. Кстати, остатки редута можно увидеть и сейчас неподалеку от памятника Ленину в районе нынешней улицы Свободы.

Вполне возможно, что в ходе Северной войны редут успел поучаствовать в боевых действиях, но это шведам не помогло, и все ижорские земли, в том числе и те, о которых мы рассказываем, вернулись к России.

Да, так вот: о названии. Чтобы усилить “русский элемент” среди населения Ижорской возвышенности, Петр I приказывает переселять сюда крестьян из срединных российских губерний. Переселялись целыми селами — и везли с собой не только нехитрый скарб, но и память о родных названиях. Так, крестьяне подмосковного Красного Села, поселившись на новых землях, образовали три слободы, привычно назвав их Брато-

шинская, Коломенская и Павловская, а всё вместе — Красным Селом. Впрочем, версия со словом “красивое” тоже не исключается. Действительно, красивое место.

Петр I с присущей ему бешеной энергией осваивает новые земли. В 1709 году в долине Дудергофки ставится бумажная мельница. Идет бурное строительство. Центром Красного Села, как и сейчас, являлась церковь. Сначала это был деревянный храм во имя Св. Екатерины, но уже в 1733—1735 годах его перестраивают в камне и нарекают церковью “во имя живоначальной Троицы с приделом великомученицы Екатерины”. Считается, что строил ее архитектор И.И. Бланк, а в 1854 году перестроил и расширил А.Н. Резанов. Судьба церкви похожа на судьбы сотен и сотен других церквей. Закрыта в 1939, сильно пострадала в войну, после войны стала Домом культуры. В 1996 году передана верующим, и с 1998 года восстанавливается. Уже возведена колокольня, в церкви идут богослужения.

Вдоль всего красносельского глинта тянется парк. Сейчас в нем, правда, как грибы, возникают краснокирпичные “дворцы” за высокими заборами, но все же, миновав памятник Ленину, еще можно пройти под старыми деревьями. И вспомнить о самой славной странице истории Красного Села.

“...то обстоятельство, что за Красным лежит обширнейшее поле, местами весьма ровное, впервые обратило на себя внимание Императрицы Екатерины II: в 1765 году, 14 июня, около Дудергофа, собраны были войска для маневров. Затем в 1819, 1820 и 1823 годах войска выводили на 1 месяц под Красное Село для маневров, а с 1824 года село это делается постоянным лагерным расположением гвардейских войск”.¹ Произошло это по инициативе императрицы Марии Федоровны, предложившей своему сыну императору Александру купить Красное Село как единственное место под Петербургом, подходящее для проведения маневров.

“С этого момента Красное Село до того бедное и невзрачное, как и вообще наши деревни, начинает постепенно <...> принимать вид благоустроенный и в последнее время представляет уже одну из красивейших окрестностей Петербурга, как редкая картина гармонического сочетания и сельского, и военного быта”.²

¹ См.: Верландер А.П.

² См.: Верландер А.П.

И началось. Огромное скопление людей в летние месяцы предполагало полную переделку внешней среды и приспособление ее к нуждам лагеря. Поэтому возникают шоссейные дороги, проводится дренаж местности, строятся мосты. Во времена А.П. Верландера весь лагерь делился на Авангардный и Большой. Кавалерия квартировала отдельно в ближайших деревнях (что, думается, весьма способствовало улучшению демографической ситуации в этих местах).

В Большом и Авангардном лагерях каждый полк занимал по 15000 кв. саженой земли. Перед фронтом батальонов проходила дорога, далее следовало 8 рядов палаток, сады и обязательные хозяйственные заведения — цейхгаузы, лазарет, офицерские столовые, кузницы, конюшни, бани и т.д. В Большом лагере позади расположения полков находились валы для стрельбы в цель, в Авангардном лагере место для стрельбы было отведено на Военном поле. Позади полков находились пруды для мытья ружей.

Но, как известно: *“Строя солдатам новые шинели. / Не забывай, чтоб они пили и ели”*.³ — и появляется вторая в Европе корпусная хлебопекарня (впервые подобное заведение организовали в Шалонском лагере во Франции); в Авангардном же располагается комплекс Красносельских боев. На голом поле, где от солнца можно было укрыться только в

Красное Село. Дежурный офицер “снимает пробу пищи”. 1907 г.

³ См.: Козьма Прутков.

палатках, постепенно появляются тенистые аллеи и сады, ведь: *“В летнее время, под сенью акации, / Приятно мечтать о дизлокации”*⁴ Господа офицеры не должны были особо страдать от дискомфорта в полевых условиях — и строятся деревянные павильоны, иногда затейливо украшенные, для офицерских столовых. При столовых устраиваются буфеты, библиотеки, комнаты для собраний. Словом, быт налаживается. Ах: *“При виде исправной амуниции / Как презренны все конституции!”*⁵

Если мы пройдем по парку вдоль пр. Ленина, то скоро (**Ленина, 114**) увидим двухэтажное деревянное здание с деревянными же колоннами. Это дворец великого князя Михаила Павловича (арх. З. Дильдин, 1827—1828) — единственный сохранившийся дворец из всех, когда-то построенных в Красном Селе. Были здесь и дворцы Николая Павловича, и наследника цесаревича, и здания штабов гвардейских войск и различных управлений. Строили из дерева — это ведь были летние помещения. Некоторые хозяйственные постройки возводились из камня, например, кухня дворца Михаила Павловича (**Ленина, 117**; арх. Х. Ф. Мейер, 1827—1828). Выглядели дворцы довольно скромно, но их окружал великолепный Дворцовый (или Царский) парк, — с прудами, затейливыми дорожками, цветниками, березовыми и липовыми аллеями. Начал его разбивку садовый мастер Грей, продолжили — садовник Михайловской дачи Фрост и ропшинский садовник Геккель.

То, что войска стояли в Красном Селе каждое лето, накладывало на него особый отпечаток. Как пишет А.П. Верландер: *“Пришли войска — момент общего возрождения для быстрого и пышного расцвета; ушли — жизнь прячется в могилу”*. Ну, а то, что каждая дивизия имела свое постоянное, закрепленное за ней место в лагере, способствовало устройству военного быта, постройке легких, но постоянных беседок, офицерских столовых, разбивке цветников и оборудованию мест для отдыха. Один такой комплекс еще можно увидеть на территории бывшего Авангардного лагеря (западный берег Дудергофского озера). В перечне зданий и сооружений, охраняемых государством, — восемь деревянных зданий казарм, дом командира, водонапорная башня, железобетонные поилки для лошадей, беседка-ротонда с гротом, фонтан с чашей, лестница к фонтану и т.д.⁶

⁴ См.: Козьма Прутков.

⁵ Опять-таки он (Козьма Прутков).

⁶ Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную художественную ценность (учетных зданий) — СПб., 2001.

*Дворцы великих князей в Красном Селе:
Владимира Александровича, начало XX в. (вверху)
и Михаила Павловича, начало XXI в.*

Элемент привычности, возвращения год от года на прежнее место, прослеживается в цикле стихов великого князя Константина Константиновича (К.Р.) “В дежурной палатке”, часть которых написана здесь, в Красном Селе:

*Гаснет день. Я сижу под палаткою
И гляжу, как гряды облаков
Мчатся тенью прозрачной и шаткою
Над зеленым простором лугов.
Приутихли беседы веселые:
Вечер... Все разбрелись на покой;
Только поступью ровной, тяжелою
Ходит взад и вперед часовой.*

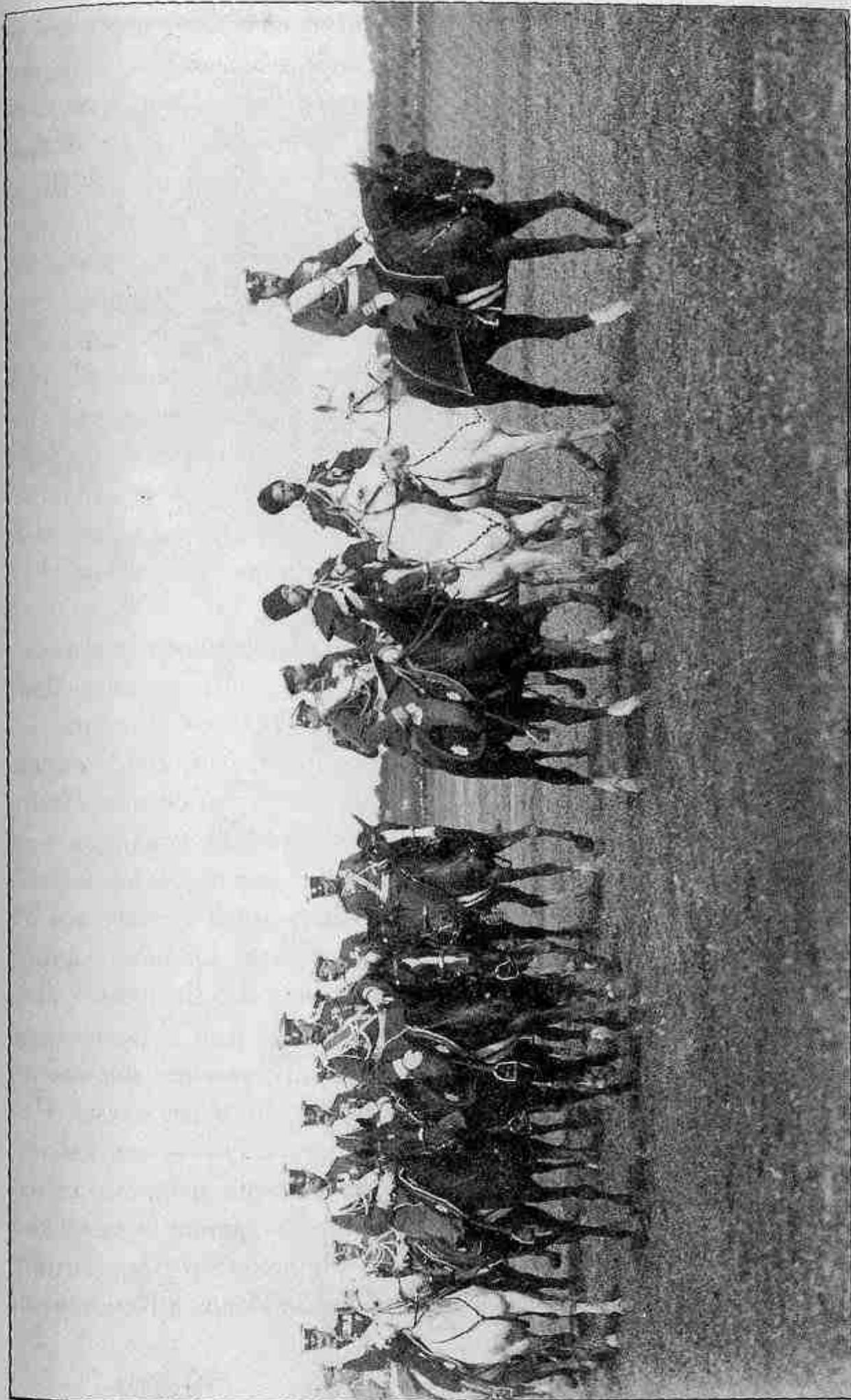
Стихотворение датировано 14 июля 1886 года. Следующее — 31 мая 1888 года:

*Снова дежурю я в этой палатке;
Ходит, как в прежние дни, часовой...*

И нет ничего удивительного, что стихотворение от 5 июля 1889 года начинается:

Вот и опять под этой же палаткой...

Вообще, в Красном Селе Константином Константиновичем написано много стихотворений, посвященных, естественно, военному быту. По складу характера, склонности к мистицизму и меланхолии, конечно, предпочел бы Константин Константинович другую жизнь, далекую от муштры и стрельбы. Но — Романовы должны были служить Царю и Отечеству в первую очередь на военном поприще. Это не обсуждалось. Поэтому пришлось поэту К.Р. с самого рождения стать шефом 15-го Тифлисского гренадерского полка, юношей — начать службу в Морском Ведомстве, которым руководил его отец, великий князь Константин Николаевич, а в дальнейшем — командовать Преображенским полком, быть начальником, затем — генерал-инспектором военно-учебных заведений. Из всех

Парад в Красном Селе по случаю производства в офицеры. 1904 г.

Романовых только сын Константина Константиновича Олег поступил до военной службы в высшее гражданское учебное заведение — Царско-сельский лицей, и успешно окончил его. К учебе князь Олег относился серьезно, даже в день своего совершеннолетия умудрился между обязательными придворными церемониями защитить реферат на тему “Феофан Прокопович и правда воли монаршей”. “...я <...> говорил около часу совсем спокойно. Профессор во всем, за исключением одной подробности, со мной согласился и поставил “весьма”. (Для рефератов нет баллов, есть только “весьма”, “хорошо” и “неудовлетворительно”). После этого я поехал слушать “Севильского цирюльника”. Играл Шаляпин. Весь театр и мы хохотали”, — так весело и еще совершенно по-детски описывает князь Олег отцу день своего совершеннолетия. Кстати, именно Олег Константинович издал на свой счет рукописи Пушкина, сам писал стихи (правда, довольно слабые), — словом, пытался отойти от обязательных канонов поведения семьи Романовых. Но в Красном Селе ему все же приходилось бывать.

Сразу после начала войны 1914 года Олег Константинович и его братья уехали в армию, участвовали в боевых действиях. “Мы все пять братьев идем на войну со своими полками, — пишет Олег в дневнике. — Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне даже радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне”. 27 сентября 1914 года князь Олег был смертельно ранен и скончался 29 сентября, успев перед смертью увидеться с родителями. Один из братьев Олега Гавриил вспоминает: “На минуту он узнал их. Великий князь привез умирающему сыну Георгиевский крест его деда”.⁷ Всего пару месяцев не дожил князь Олег до своего 22-летия. Думая о нем, мне иногда кажется, что история России могла пойти по другому пути, раз в семье Романовых появились молодые люди, подобные Олегу... Но — не судьба.

А Константин Константинович ненадолго пережил любимого сына. В 1915 году он умер. Не увидел, как обрушилось здание Российской Империи, как погибла императорская семья. Не довелось Константину Константиновичу и узнать, что его сыновья Иоанн, Игорь и Константин

⁷ Великий князь Гавриил Константинович — В Мраморном дворце — СПб., 1993.

Великий князь Константин Константинович с женой Елизаветой Маврикиевной и детьми Иоанном (1886-1918), Гавриилом (1887-1955), Татьяной (1890-1970), Константином (1890-1918), Олегом (1892-1914) и Игорем (1894-1918). Начало 1900-х гг.

вместе с великой княгиней Елизаветой Феодоровной, великим князем Сергеем Михайловичем и князем Владимиром Палеем были живыми сброшены в шахту близ Алапаевска. Из всех “Константиновичей” мужского пола смогли спастись только Гавриил (его буквально вырвала из лап чекистов балерина Нестеровская, на которой позднее в эмиграции князь Гавриил женился), да пятнадцатилетний Георгий. Не дай Бог никому — продолжать жить, когда все рушится. Уж лучше прожить меньше, но так:

*Здесь далеки мы от шумного света,
Здесь мы не знаем тревожных забот.
Жизнь наша рвеньем горячим согрета,
Каждый здесь царскую службу несет.*

*Вот отчего мне так милы и любы
Эти стоянки под Красным Селом,
Говор солдатский веселый и грубый,
Шепот кудрявых березок кругом.*

*Эта укромная наша палатка,
Этот широкий простор луговой...
В лагерной жизни труда и порядка
Я молодею и крепну душой!*

(Красное Село, 31 мая 1888).

И кажется, что эта крепкая, слаженная жизнь — навсегда.

Впрочем, мы отвлеклись от экскурсии. Теперь, если вы не очень устали — спустимся к Безымянному озеру по широким, когда-то ухоженным аллеям. Так и кажется, что сейчас промелькнет за деревьями какая-нибудь прелестная всадница (как на картине Брюллова). Сие не лишено основания, — аллеи ведут нас (как вели когда-то всадниц и всадников, кареты и коляски) к тому месту, где на берегу озера располагался Красносельский театр.

Великий князь Михаил Павлович первым додумался до того, что для господ офицеров, проводящих все лето вдали от Петербурга, и для их гостей необходимы какие-то развлечения. Нет, и прежде сердца замирали, скажем, при объезде лагеря Государем Императором, ночной тревоге войск или так называемой “заре с церемонией”, когда играли одновременно до 700 военных музыкантов. Были еще маневры (“*На берегах Ижоры и Тосны / Наши гвардейцы победоносны*”⁸) и скачки (о коих позже). Но все же чего-то не хватало — и явился театр.

В августе 1850 года, в день праздника всех гвардейских войск, на берегах Дудергофского озера был устроен великолепный фейерверк, и состоялось импровизированное гулянье в присутствии императора Николая I и членов его семьи. Праздник, что называется, удался. Полковник Н.Н. Синельников, его организовавший, получил благодарность, а Высочайшие особы высказали пожелания о том, чтобы какие-нибудь развлечения для офицеров устраивались регулярно. Явилась мысль о театре, ее поддержал наследник цесаревич. Помог и актер Я.Г. Брянский. И уже через год на берегу Безымянного озера красовался деревянный театр. Архитектором театра считается Н.А. Сычев, но ему принадлежит только первоначальный проект здания. Дело в том, что театров Сычев никогда не строил, его проект не понравился, и сделать другой план поручили А.К. Кавосу, построившему и перестроившему на своем веку немало театров в Петербурге и Москве. Проект Сычева был взят за основу, но сильно изменен.

Итак, в 1851 году на берегу Безымянного озера появился уникальный театр. Доступ в него был разрешен только господам офицерам и членам их семей. М.И. Пыляев рассказывает,⁹ что один известный богач-театрал предлагал за кресло в театре 3000 рублей (сумму по тем временам астрономическую), но ему отказали. Внешне здание театра не казалось особенно привлекательным, но внутри было роскошным. Стены зрительного зала, оклеенные белыми обоями под мрамор, ложи, украшенные золоченой резьбой по дереву... Эффектно смотрелась люстра — парящий орел, держащий в когтях лавровый венок с лампами. Занавес театра изображал вид Красносельского лагеря ранним утром.

⁸ См.: Козьма Прутков.

⁹ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга — С.-Пб., 1889.

Пассажир-профессионал: Строительство театра обошлось в... (сейчас, наверное, читатель понимающе кивает головой: знаем, знаем — выделили столько-то, а украли в два раза больше, как у нас принято) — так нет: строительство обошлось всего в 9000 рублей, — при том, что на постановку одного балета из Кабинета Его Величества ежегодно выделялось около 12000 рублей.

А оркестр театра, собранный из полковых музыкантов, не всегда справлялся с водевильными куплетами, частенько сворачивая на марши и увертюры, поэтому его разбавляли оркестрантами Александринского театра.

Репертуар Красносельского театра был разнообразным, но всегда — развлекательным. 4 июля 1851 года первый сезон открылся милыми пьесами “Белая камелия”, “Провинциалка” и “Домашняя история”. В дальнейшем ставились одноактные комедии И.С. Тургенева, водевили Ф.А. Кони и переводные с французского и немецкого водевили и комедии с куплетами. Но играли в них ведущие актеры русской сцены: И.И. Сосницкий, П.А. Каратыгин, А.М. Максимов и др.

Актеры свидетельствовали, что ни в одном театре им не доводилось видеть такого порядка. А декорации менялись настолько тихо, что Николай Павлович привел однажды за кулисы директора императорских театров А.М. Гедеонова, дабы тот перенял полезный опыт. Естественно, все работы за сценой выполняли специально обученные солдаты.

Вообще-то, актеры считали поездки в Красное Село веселыми загородными прогулками. К 9 часам утра к подъезду Александринки подавались дилижансы, а в Красном Селе актеров уже ждал обильный завтрак в павильоне у озера. Затем — репетиция, потом — прогулки по аллеям парка верхом или в колясках. Роскошный обед (вино и шампанское в неограниченном количестве), отдых, спектакль, ужин — и дорога домой. Если спектакль шел и на следующий день, то актеры оставались ночевать. Следует учесть и то, что плата за спектакль была выше обычной. Позднее, после того, как полковник Синельников оставил заведование театром, все изменилось в худшую сторону — не стало обедов, выдавали только “кормовые” деньги, отменили лошадей для прогулок и т. д. Но все же поездки в Красное Село (даже когда они стали совершаться по Балтийской железной дороге) актеры любили.

С 1880-х годов предпочтение в Красносельском театре стали отдавать балетному репертуару. Мода на балет была тесно связана и с “модой” на балетных танцовщиц. Известно, что не чурались этой моды и великие князья. Так, великий князь Константин Николаевич, второй сын императора Николая I, открыто жил с балериной Анной Кузнецовой, называя ее “законной женой”, а свою жену Александру Иосифовну “казенной”. А с именем великого князя Николая Николаевича связана история перестройки Красносельского театра. Будучи главнокомандующим Петербургским военным округом, Николай Николаевич в 1868 году легко добился разрешения перестроить театр. Новое здание характеризовали, как первую попытку “устроить театр в русском стиле”. Действительно, две боковые царские ложи имели вид изб с коньками, барьеры лож и окна снаружи здания покрывал соответствующий орнамент. На плафоне были изображены крестьянки в одеждах разных губерний.

Николай Николаевич любил балет пламенно. Он мог сам выйти на сцену и поправить балетмейстера, показав тому, как надо, скажем, протанцевать *Galop Infernal*. (Только представьте себе долговязую фигуру в эполетах, выделяющую балетные антраша!). Его “балериной” стала Екатерина Числова. Катенька — особа цепкая, без предрассудков (мать ее была прачкой), закатывала великому князю такие скандалы, что весь Петербург застывал в недоумении: как всё это можно терпеть? Она читала его корреспонденцию, лупила великого князя туфлей и бдительно следила, чтобы ни одна из ее товаров по сцене “случайно” не попала на глаза балетоману Николаю Николаевичу.

Матильда Кшесинская: “Много лет спустя, когда стали ремонтировать театр и поставили леса, было установлено, что одна из женских головок, нарисованных в медальонах, была Числовой, и можно было даже прочесть под ней надпись, которую раньше издали разглядеть было нельзя”.¹⁰

И опять названо имя, тесно связанное с историей русского балета, семьи Романовых, Красносельского и Мариинского театров. Это она — блистательная Матильда Кшесинская, “коронная регалия” Императорского дома. И ее первый роман с наследником цесаревичем Николаем Александровичем начался здесь, в Красном Селе.

¹⁰ Кшесинская М.Ф. Воспоминания — М., 2001.

“Я ждала этот день с замиранием сердца. Моей главной мечтой было увидеть Наследника и, может быть, встретиться с ним во время спектакля. <...> Мои мечты сбылись. Не только в первый день, но и на всех представлениях Наследник приходил на сцену и разговаривал со мной”. А вот строчки из дневника Николая II (тогда еще наследника цесаревича): “17 июля, вторник. Кшесинская 2-ая мне положительно нравится”.

Увы, кажется, Матильда Кшесинская преувеличивала чувства своего кавалера. Довольно скоро он покинул ее ради Алисы Гессенской, которой предложил не только руку, но и, действительно, — сердце.

“После возвращения Наследника из Кобурга, после его помолвки <...> мы условились встретиться на Волконском шоссе, у сеного сарая, который стоял несколько в стороне.

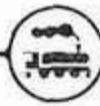
Я приехала из города в своей карете, а он верхом из лагеря. Как это всегда бывает, когда хочется многое сказать, а слезы душат горло, говоришь не то, что собиралась говорить, и много осталось недоговоренным. <...> Когда Наследник поехал обратно в лагерь, я осталась стоять у сарая, и глядела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся вдали. До последней минуты он ехал все оглядываясь назад”.¹¹

Не будем особо жалеть Малечку Кшесинскую. Уж она-то взяла от жизни все, что можно. Но почему-то, читая ее мемуары, верится, что Николая Александровича она действительно любила и, может быть, не только за то, что он был Наследником Цесаревичем...

Красносельский театр сгорел во время войны, сейчас на его месте — поляна и пляж. Но сохранились широкие пологие аллеи, по которым когда-то проезжали если не брюлловские всадницы, то вполне реальные актеры и актрисы Императорских театров. А пляж — что ж, он и есть пляж, и, перед тем, как продолжить исследование красносельских достопримечательностей, можно немного освежиться.

¹¹ Кшесинская М.Ф. Воспоминания — М., 2001.

Скачки и фабрики

Пассажи́р-профессионал: Вообще-то, все это неправильно. Платформу “Скачки” мы уже проехали, так? Значит, надо было рассказать о ней раньше. Таковы законы путеводителя — последовательность и еще раз последовательность. Но мы с Авторм подумали и решили: без истории Красного Села и военных лагерей историю Красносельских скачек рассказывать бессмысленно. А фабрики — что ж, это на любителя. Кто захочет — пойдет, посмотрит, кто не захочет — поедет дальше. Итак...

Красносельские скачки прославлены в литературе, как никакие другие. Мы знаем, какую ошибку сделал Вронский, как упала Фру-Фру, как вскрикнула Анна... Но есть в истории скачек и несколько любопытных моментов, которые не пожелал отразить в своей “Анне Карениной” Лев Толстой. Впрочем, в его задачу это и не входило.

Не призываю вас выходить на станции “Скачки”. Ничего схожего с когда-то существовавшим там ипподромом вы не увидите. Домики, сотки, грядки... Поэтому лучше сесть на берегу Безымянного озера в районе бывшего театра с книгой Верландера в руках и представить себе, что “име-

ется платформа, где поезда Балтийской железной дороги останавливаются только в день скачек. Здесь же устроена Императорская беседка, а по бокам ее — четыре галереи”.

Красносельские скачки зависели исключительно от императора — он назначал день и час скачек. Подразделялись они на три разряда. Первый — четырехверстные скачки с препятствиями, “на призы, особо жалуемые Государем Императором и членами Императорской фамилии. <...> На четырехверстную скачку с препятствиями допускаются строевые офицеры и адъютанты всей гвардейской и полевой конной артиллерии и всех казачьих и иррегулярных войск, на лошадях всех лет и пород, но только рожденных в России”.¹

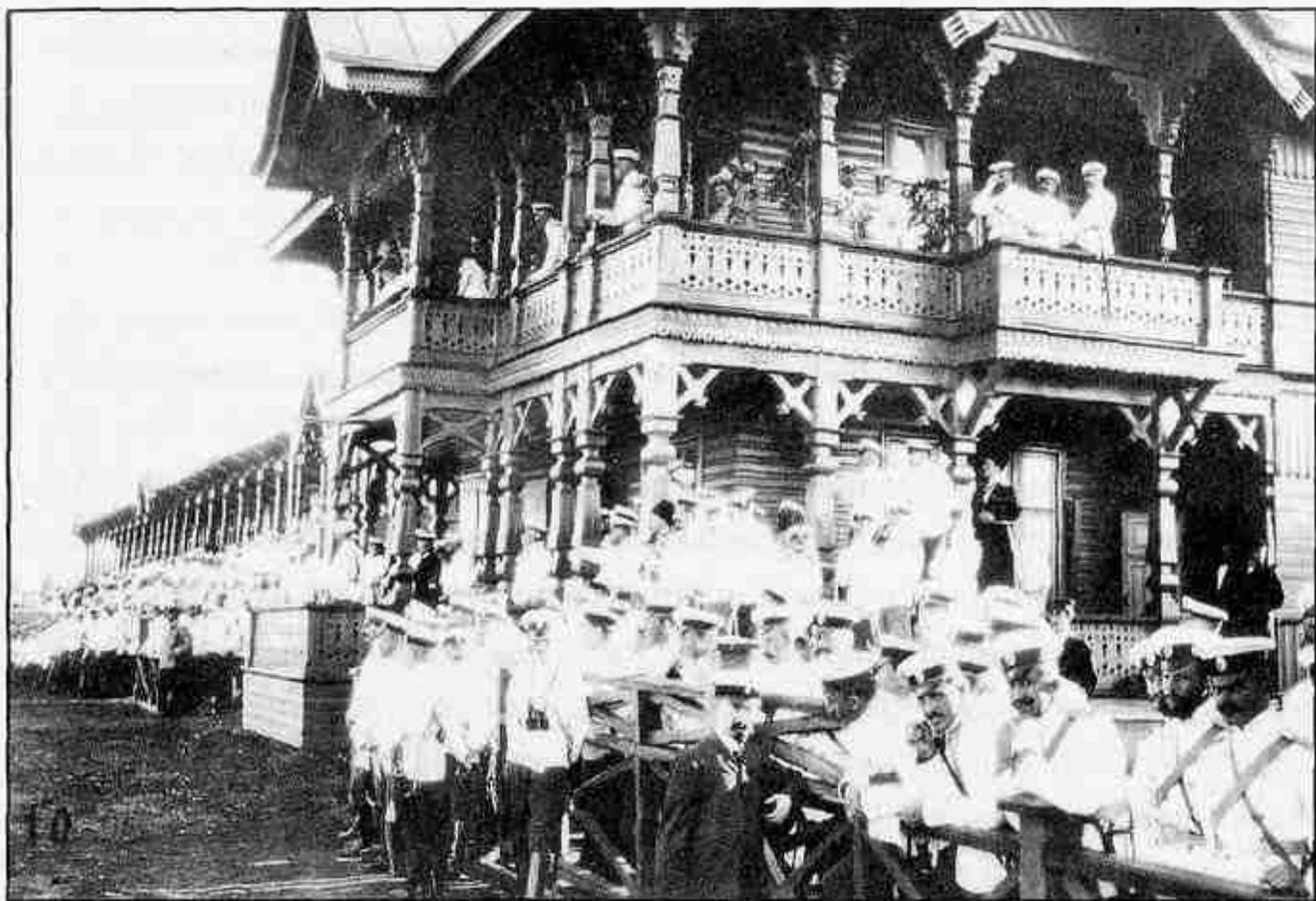
Второй — высшей езды и трехверстной скачки с препятствиями, на призы из сумм, ассигнованных военным министерством.

Третий — двухверстные частные гладкие скачки. Призы — по добровольной подписке между офицерами.

Существовали и специальные правила, которые облегчали военным участие в Красносельских скачках. “Тех офицеров, которые пожелают участвовать в упомянутой скачке <...> со времени отправления их и до возвращения в свои части, считать во временной командировке. <...> За несколько дней до времени скачки, в назначенный день, офицеры, участвующие в скачке, являются со своими лошадьми в Красное Село, в указанное место, для окончательной записки, — при чем каждый офицер предъявляет <...> а) записку, в которой показывается: название части, чин, имя, отчество, фамилия офицера, название, шерсть и приметы его лошади, каких лет и роста, какой породы и завода, а также была ли лошадь ездока на скачке в прошедшие годы и какой приз получил ездок на этой лошади, и б) аттестат или свидетельство: какого завода лошадь. Если аттестата не имеется, то представляется свидетельство ближайшего начальства, что лошадь не выводная из заграницы, а родилась в России”.² Уф! Достаточно для того, чтобы понять, как поощрялось отечественное конезаводство в “проклятое царское время”. То, что мы сейчас называем “протекционистскими” мерами и от чего шарахаемся, как черт от ладана, приносило когда-то неплохие плоды.

¹ См. Верландер А.П.

² Там же.

Открытие Красносельских скачек. 1906 г.

Тотализатора на Красносельских скачках не было. Делались робкие попытки ввести его, но все командующие Петербургским гарнизоном были против, угрожая отставкой. И тотализатор не прошел.

Конечно, на ипподроме присутствовал весь бомонд. Помните, как собиралась на скачки Анна Каренина? Лето, тепло, возможность появиться в легком ажурном платье и парижской шляпке — дамы трепетали в ожидании скачек. Впрочем, мужчины тоже. Тем более что, как сообщает нам А. П. Верландер: *“в день скачек, за зданием галереи, открываются временные палатки, в которых можно получить холодные закуски, пиво и разные напитки...”*.

Не всегда скачки проходили гладко. Разнообразные препятствия: ров, ручей, дощатый забор, вал, живую изгородь, барьеры не так-то просто было преодолеть. Но *“не забудьте, что скачут военные, которые выбрали эту деятельность, и согласитесь, что каждое призвание имеет свою оборотную сторону медали”*. Это говорит нелюбимый Львом Толстым Алексей Александрович Каренин, но, кажется, с ним можно согласиться. Впрочем, скачки, описанные в романе, *“были несчастливы, и из семнадцати человек попадало и разбилось больше половины. К концу скачек все были в волнении, которое еще более увеличилось тем, что государь был недоволен”*.³

Ну, и, чтобы закончить со скачками, скажу только, что существуют проекты восстановления ипподрома, Царского павильона, галерей... Честно говоря, — не верю.

Подняв глаза от томика Верландера (или вы уже взялись за “Анну Каренину”?), предлагаю обратиться к презренной прозе. “Презренной прозой” у нас принято считать архитектуру промышленных зданий. Ах, эти закопченные краснокирпичные с выбитыми окнами корпуса, где, как все мы учили в школе, проходила бессовестная эксплуатация рабочих. Но существует и другой взгляд на вещи, приведенный, в частности, в одной из статей архитектора М. С. Штиглиц: *«Ментальность советского периода, с ее сугубо классовым подходом, полностью уничтожила память не только о прежних владельцах и заводоуправляющих, но и о строителях заводских зданий и сооружений, характеризуя последние как наследие “проклятого прошлого, орудие эксплуатации трудящих-*

³ Толстой Л. Н. Анна Каренина — М., 1998.

ся". Люди, работающие на предприятии, перестали замечать качество окружающей архитектуры, отличать ее от более поздних построек низкого уровня, захлывавших территории».⁴

Красное Село — живой тому пример. Два уникальных предприятия — бумажная мельница, заложенная по приказу Петра I, и фабрика Печаткина — почти соседствуют, и, если отринуть "сугубо классовый подход", могут поведать нам немало интересного.

Пойдем по шоссе вдоль берега Безымянного озера от места, где когда-то был театр, направо, — и довольно скоро увидим плотину и какие-то полуразваленные сооружения возле нее. Вывеска на одном из наиболее прилично выглядящих зданий гласит, что здесь располагается завод пластмасс. Но, перейдя плотину, можно остановиться и взглянуть на противоположный берег. Вот эта низкая, и, скажем прямо, находящаяся не в самом лучшем виде постройка, должна помнить, если не самого Петра Великого, то, по крайней мере, его ближайших преемников. Основана бумажная мельница была действительно по личному повелению Петра в 1709 году (тому есть свидетельства), но и дальнейшая ее история не менее интересна. К строительству приступили в 1714 году. Строили солдаты и другие "казенные люди". В первые годы эта бумажная мельница представляла собой "в земле амбар большой, каменный, в нем поставлены в два ряда двенадцать ступ. У ступ сорок восемь пестов дубовых и оные песты окованы железом...".⁵ Кстати, за границей оковку пестов железом впервые предложил Понти в 1746 году. Так что наша мельница построена была по передовой технологии.

Какое-то время Красносельская бумажная мануфактура находилась в ведении Адмиралтейства, потому что из специальной бумаги, изготавливаемой здесь, делались картузы — мешочки для оружейных зарядов. А вообще на этой бумажной мельнице выделывались все сорта бумаги — от гербовой до технической.

В 1730 году мельница была отдана в аренду компании петербургских купцов Маслова, Солодовникова и Фейфера. Но через 23 года камергер барон Сиверс предложил продать ему Красносельскую мануфактуру и

⁴ Штиглиц М. С. Проблема менталитета в сфере "индустриального наследия" Петербурга. В сб. Санкт-Петербург в конце XX века. Современная жизнь исторического города — СПб., Институт ПРО АРТЕ, 1999.

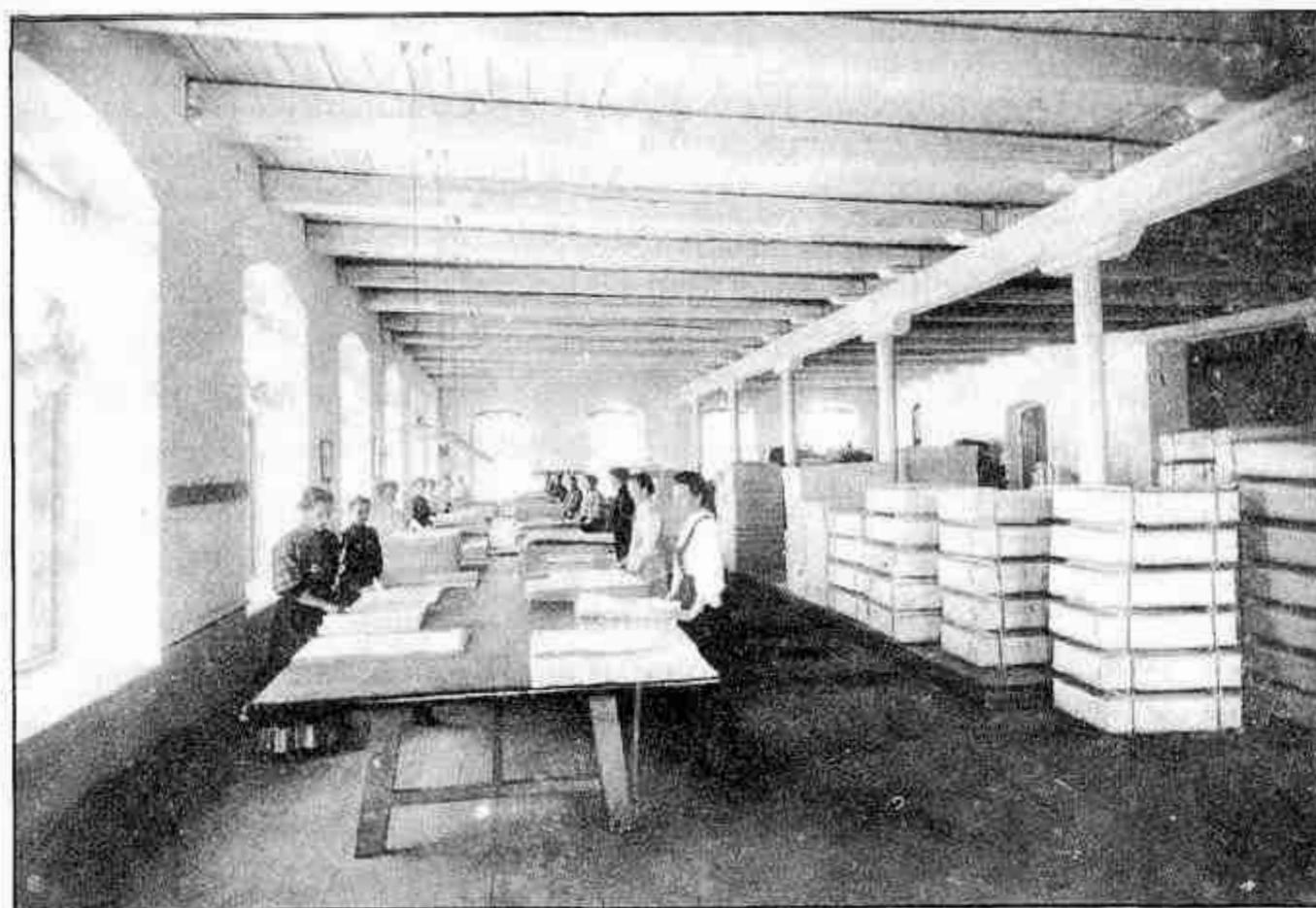
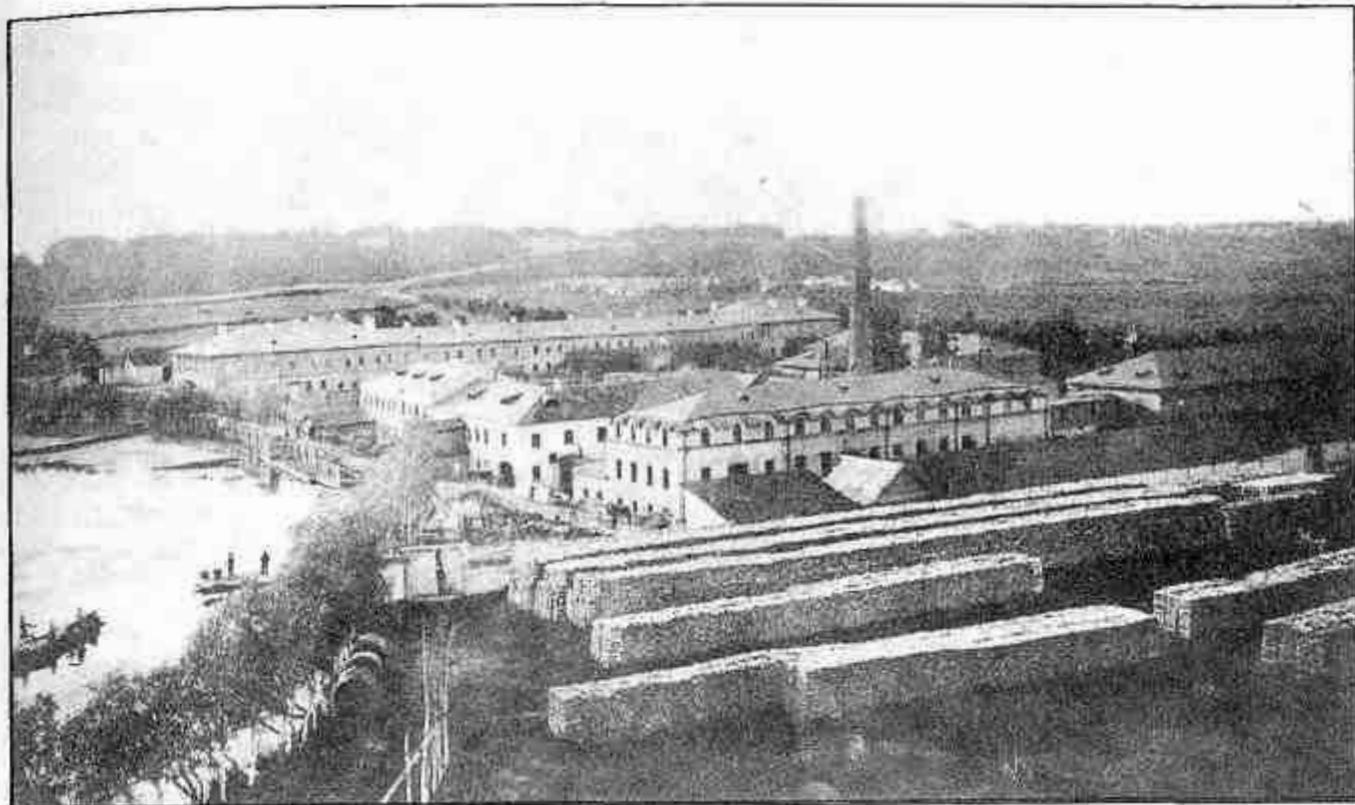
⁵ Тихонов Л. И. Красное Село — Л., 1968.

обещал “уступать” казне по 10 копеек с каждой стопы. Предложение понравилось. Сиверсу даже предоставили своеобразную монополию: все государственные предприятия Петербурга должны были покупать бумагу только в Красном Селе и сдавать туда же на переработку старую бумагу, а также отходы канатного и парусного производства. После смерти Сиверса фабрика переходила из рук в руки, пока не была продана в 1825 году Департаменту уделов. В это время ее уже именовали “верхней”, потому что ниже по течению реки Дудергофки возникла еще одна фабрика — нижняя, специализировавшаяся, в основном, на выпуске оберточных сортов бумаги.

Верхняя бумажная фабрика Департамента уделов мирно просуществовала до революции и даже сохранила с XVIII века Малый каменный корпус. Сейчас, как мы уже видели, здесь находится завод пластмасс, а Малый корпус, конечно, нуждается в реставрации. Место живописное — плотина, запруда, — если же перейти речку и свернуть налево (как бы возвращаясь по другому берегу озера назад), то вскоре под ногами мы почувствуем мощеную дорогу, а впереди покажется желтое здание — вернее, коробка здания, именуемого дворцом Александра I (**Железнодорожная, 5**). Увы, — дворец, построенный в конце XVIII века, стоит “без окон, без дверей”. А пышная растительность вокруг и смутно угадываемая планировка дорожек напоминает о некогда бывшем здесь саде. Жаль.

Теперь вернемся к месту, где когда-то стоял театр, и пройдем чуть дальше по берегу озера, держа курс на высокую фабричную трубу. Это Красносельский целлюлозно-бумажный комбинат, бывшая фабрика Товарищества наследников К. П. Печаткина — та самая, “нижняя” бумажная фабрика.

Годом основания Красносельской нижней бумажной фабрики считается 1764-й, когда английский купец Ричард Козенс купил у голландца Генриха фон Пиляра ситцевую и полотняную фабрики в дворцовом Селе Красном. Полотняная фабрика в том же году была перестроена в писчебумажную. Дела, видимо, шли неважно, потому что в ноябре 1782 года фабрика перешла за долги к Светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому. Фабрикой Светлейший заниматься не стал, а продал ее некой вдове Хлебниковой. Не будем перечислять всех владельцев фабрики, укажем только, что в 1831 году Анна Федоровна Полторацкая сдает фаб-

*Красносельская бумажная фабрика К.П. Печаткина (вверху)
и один из её цехов. Конец XIX в.*

*Вид с плотины на Верхнюю бумажную фабрику. 1990-е гг.
(фото В. Лелиной)*

рику в аренду ораниенбаумскому купцу Петру Печаткину и севастопольскому 1-й гильдии купцу Андрею Панину.

Что представляла собой Красносельская бумажная фабрика в то время? Несколько каменных и деревянных корпусов, плотина, водяные колеса, кузница... В качестве материалов употреблялись *"тряпье, квасцы, клей, краска лазурь, купорос и прочие припасы"*. Бумага белилась естественным путем под действием солнца и ветра. Делилась она на два сорта: писчая — вся клееная, и печатная неклееная — любская, комментарная, лимонная и оберточная.

Красносельская фабрика считалась небольшой, на ней в то время работало только 108 человек, — в основном, крепостные крестьяне Полторацкой из разных деревень. Но вот в 1838 году фабрика переходит в собственность П.А. Печаткина, а в 1839 году ею начинает заведовать молодой инженер, сын владельца, Константин Петрович Печаткин.

Новый управляющий энергично берется за дело. Постепенно заменяется оборудование, проводится механизация производства. Меняются технологии. Фабрика начинает вырабатывать разные сорта писчей

*В этом доме когда-то жили рабочие бумажной фабрики К.П. Печаткина.
2003 г. (фото автора)*

бумаги, а также бумагу эстампную, печатную (Супер-рояль №№ 1, 2 и Рояль №№ 2, 3, 4, 5), нотную, карточную, афишную, картузную, сахарную белую и сахарную синюю. Меняется и состав работников: если, скажем, в 1839 году на фабрике числился один приказчик, он же управляющий, бумажный мастер-иностранец, по 10 черпальщиков, валяльчиков, выметчиков, отметчиков, 6 рольщиков, 2 формовщика и т. д., то в 1850 году при фабрике состояли управляющий, инженер-технолог, мастер-англичанин по бумажной части, машинист-немец, приказчик, а также 12 человек при машинах, 12 рольщиков и 8 белильщиков. Появились кочегары, слесари, кузнецы. Бумагу стали белить хлором, затем — белильной известью. Изменилось ее качество, начали выпускаться такие экзотические для нас сорта, как китайская, александрийская, мундштучная, цветная разных форматов. Кстати, на бумаге Красносельской фабрики печатались “Отечественные записки”, “Голос”, “Петербургский листок” и другие издания. В воспоминаниях метранпажа М.А. Александрова приводится текст записки Ф. М. Достоевского, бывшего тогда редактором “Гражданина”, в типографию: “Любезнейший и многоуважа-

емый Михаил Александрович <...> Мы написали Печаткину, чтоб в типографию было доставлено 38 стоп бумаги, но сомневаемся в том, что поставили плохой адрес, так что письмо к Печаткину могло и не дойти. Итак: если Вы в типографии еще не получили бумагу и не получите до понедельника, то пошлите в понедельник к Печаткину напомнить там и объяснить.

До свидания, жму Вашу руку.

Ваш Ф. Достоевский”.

Появился и совершенно новый сорт продукции — лента для телеграфных аппаратов. До 60-х годов XIX века она в России не изготавливалась. К.П. Печаткин лично занялся разработкой технологического процесса выделки телеграфной бумаги. С 1861 года, когда был получен первый заказ, фабрика вырабатывала катушки ленточной бумаги на всю Россию.

И дальше, дальше. Новая техника, новые технологии, энергичный управляющий — и новые здания. Часть из них в каком-то виде сохранилась до наших дней, но увидеть их можно, только попав на территорию Красносельского ЦБК. При фабрике существовал и поселок с казармами для неженатых рабочих, жилыми домами для семейных и служащих, баней и купальней на озере. Кроме того, были церковь, народный дом с аудиторией на 800 человек, библиотека, лавка общества потребителей, медпункт, столовая, ясли, двухклассное училище. Все это содержалось на средства Товарищества наследников К.П. Печаткина.

Один из потомков Константина Петровича Г.В. Малков-Панин, работавший здесь инженером, вспоминает, что на фабрике никогда не случилось беспорядков и забастовок. “Первая и главная причина была в том, что рабочие были в большинстве потомственные бумажники, деды и отцы которых работали еще при наших дедах. Вторая причина — правление принимало все меры, чтобы для рабочих на фабрике была сносная жизнь”.⁶

Обратите внимание на деревянные двухэтажные дома с резными наличниками. Вот они-то, а также каменная баня и перестроенное до неузнаваемости здание церкви (**1-го Мая, 2**) сохранились с тех далеких времен. Дома аккуратные, добротные, в них по-прежнему живут люди. Стро-

⁶ Малков-Панин Г.В. На рубеже двух эпох // Невский архив — Вып.5 — СПб.: “Лики России” — 2001.

ились они в 1905 году по проекту инженера-технолога П. М. Горбунова, служившего на фабрике. Вода в квартиры была проведена из озера, устроены ватерклозеты, имелось электрическое освещение и канализация. Еще можно увидеть сад вокруг домов, запущенный, конечно, но все-таки сад. Жаль только, что подходы к озеру перекрыты современными строениями из силикатного кирпича.

Да, а церковь была освящена во имя Св. Благоверного Константина Ярославского и Св. Великомученицы Варвары. Эти имена носили первый директор фабрики инженер Печаткин и его жена.

Поселок и сейчас кажется уютным, зеленым, спокойным. Конечно, те, кто живет в деревянных домах прошлого века, могут со мной поспорить — какой уж тут уют. И будут правы. Но все равно жаль, что, практически сохранившийся, рабочий поселок начала прошлого века медленно разрушается, уходит в небытие. Пока еще его можно увидеть...

И еще несколько слов о самой фабрике. Она была, естественно, национализирована в 1918 году, до 1924 года бездействовала. Сильно пострадавшая во время войны, фабрика восстановлена и сейчас по-прежнему выпускает разную бумагу. К сожалению, историческая архитектура комплекса обезображена навесными водяными и газовыми трубами, берег озера захламлен. А ведь сооружения фабрики и поселка официально считаются памятниками истории и культуры. Но, кажется, это им не очень-то помогает.

Пассажир-профессионал: Странное дело. Когда-то заводские и фабричные здания казались современникам грубым вторжением в природу, уродливыми “храмами Молоха”. Михаил Кузмин в 1907 году писал:

*Тихие воды прудов фабричных,
Полные раны запруженных рек,
Плотно плотины прервали ваш бег,
Слышится шум колес ритмичных.*

*Запах известки сквозь запах серы
Вместо покинутых роцц и трав.
Мирно вбирается яд отрав,
Ясны и просты колес размеры.*

Но сейчас, глядя на старые кирпичные корпуса, на деревянные дома рабочего поселка, начинаешь чувствовать их поэзию, живописность, гармонию. И такими романтичными кажутся они на фоне построек из силикатного кирпича 60-х—70-х годов XX века. Хочется, чтобы старые здания пожили еще.

А вообще Красное Село — красивейшее место. В силу многих причин (прежде всего — война), здесь сохранилось не так много достопримечательностей. Не увидим мы царских дворцов и ипподрома, театра и затейливых дач. Но осталось место. И вот тут-то приходится отворачиваться каждый раз, когда взгляд натывается на очередное краснокирпичное жилище местного нувориша. И торчат эти трансформаторные будки с крылечками на самых видных местах. Великолепные виды на долину реки и ближние горы уже достаточно изуродованы. Но строительство продолжается. “Что хочу, то и ворочу”, — и не указ нам какие-то рекомендации ЮНЕСКО, принятые еще в 1962 году: *“Сохранение пейзажей и местностей из-за их красоты и характера <...> необходимо для жизни человека, являясь для него мощным восстановителем физических, моральных и духовных сил и одновременно содействуя художественной и культурной жизни народов, как об этом свидетельствуют многочисленные всемирно-известные примеры”*. Красное Село вполне могло бы стать таким примером, но, кажется, превращается в “пример” другого рода. Впрочем, еще можно успеть прогуляться по аллеям вокруг исчезнувшего театра, посидеть на берегу озера, постоять у старой плотины... А потом сесть на электричку и отправиться дальше — в Дудергоф.

Дудергоф

А Дудергофа-то и нет. Есть поселок Можайский со станцией Можайской, названные в честь события весьма почтенного — испытаний первого русского самолета (построенного опять-таки Можайским), которые состоялись именно в этих местах. Вообще, здешние окрестности самые, что ни на есть «воздухоплавательные». Неподалеку от Гатчины, в деревне Салюзи, в 1912 году прошли испытания первого русского ранцевого парашюта. (В честь изобретателя деревня уже при советской власти переименована в Котельниково). Далеко не все в начале века были уверены в необходимости парашюта. Так, великий князь Александр Михайлович (кстати, немало сделавший для развития воздухоплавания в России) считал, что парашют в авиации — вещь вредная, так как летчики при малейшей опасности будут спасаться на парашюте, предоставляя самолет гибели. Видимо, великий князь судил по себе.

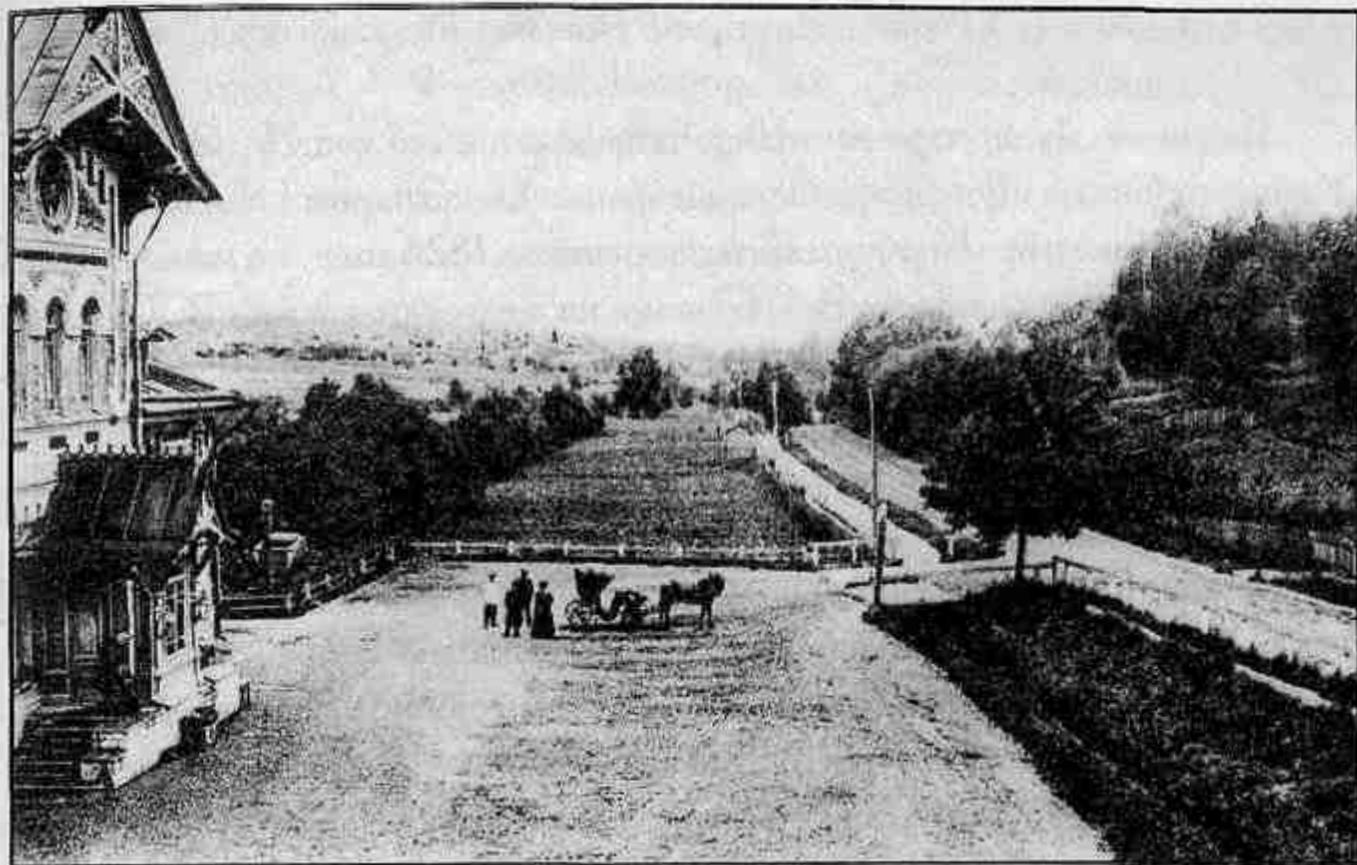
А в Гатчине в 1910 году Главное инженерное управление открывает первую в России воздухоплавательную школу. И первая в России школа гражданских летчиков «Гамаюн» тоже находилась в Гатчине. Мало того, — именно в деревне Салюзи совершил в 1926 году посадку дирижабль Умберто Нобиле «Норвегия», направлявшийся к Северному полюсу.

Вокзал в Дудергофе. 1899 г.

Но Дудергофа нет. Жаль. Название старинное, красивое. Как и место. Нынешний Можайский лежит у подножия двух гор — Ореховой (176 метров над уровнем моря) и Вороньей (147 метров). Неподалеку есть и третья гора Кирхгоф (170 метров). Вода Дудергофского озера всегда славилась чистотой, ее возили даже в Петербург. Озеро, горы, пышная растительность — клены, ясени, дубы, буки, заросли орешника, калины, смородины — все это дало основание нашим предкам говорить о Дудергофе, как о «Русской Швейцарии». А когда по приказанию императрицы Александры Федоровны, жены Николая I, был составлен гербарий Дудергофа, то он включил в себя 495 видов растений!

Что ж, сойдем на станции Можайской и осмотримся. Здание вокзала очень милое, уютное, вполне соответствующее тому, как называет его А.П. Верландер: «Дудергофская полустанция железной дороги». Действительно, полустанция. Построен вокзал в 1890 году архитектором С.П. Лазаревым-Станищевым. Жаль только, что давно не было здесь ремонта, и часть старинного здания заколочена. Поднявшись с маленькой привокзальной площади по небольшой лесенке, мы выходим на проспект 25 Октября (пока еще не переименованный) — главную

Дудергоф. Бульвар. Конец XIX в.

улицу Можайского. Свернем и, не спеша, пойдем направо, вспоминая по пути историю Дудергофа.

Мы уже говорили, что в XV—XVI веках здесь находился административный центр Дудоровского Введенского погоста Водской пятины Великого Новгорода, а затем — Московского государства. После 1622—1624 годов, когда эти земли перешли к Швеции, ими владел Юхан Шютте, основатель, между прочим, Тартусского университета. На старинных шведских картах можно увидеть Дудергофское озеро, плотину с мельницей, мызу у подножия Вороньей горы и часовню на Кирхгофе.

Мыза продолжала существовать и в петровские времена, — по крайней мере, в одном из писем к А.Д. Меншикову царь упоминает не только о свинцовой жиле, найденной в окрестностях Дудергофа, но и о местном сыре, и даже посылает его другу с пожеланием *«употреблять во здравие»*.

Из событий печальных отметим, что в 1711 году здесь, в Дудергофе, скончался на обратном пути в Курляндию новоиспеченный супруг царевны Анны, племянницы Петра I, герцог Фридрих Вильгельм. Местный сыр был здесь ни при чем: полагают, что герцог умер с перепоя. Молодая вдова почти двадцать лет влачила жалкое существование в Курляндии,

чтобы только в 1730 году вернуться в Россию. Но уже государыней Анной Иоанновной...

Близость Дудергофа к столице повлияла на его судьбу. Окрестности Красного Села и Дудергофа были выбраны Александром I для постоянной летней дислокации петербургского гарнизона в 1824 году, но маневры проводились здесь и раньше. В 1765 году на них отличился А.В. Суворов, будущий великий полководец. Екатерине II нравились виды, открывающиеся с гор; так, в 1772 году она *«шествовала в каретах к Дудергофской горе, и по выходе из кареты у подошвы горы следовала на высоту оной»*.

Уникальная растительность Дудергофа (здесь встречаются растения, занесенные в Красную книгу) во многом ведет свое происхождение с XVIII века. А именно с весеннего дня 1792 года, когда некие «архитектор», «граф» и «ботаник» поднялись на Ореховую гору и устроили здесь ботанический пикник. «Архитектором» был замечательный человек, Николай Львов. Современники дивились разнообразию его талантов. *«Не было Искусства, к которому он не проложил тропинки; все его занимало, все возбуждало его ум и разгорячало сердце. Он любил и стихотворство, и Живопись, и Музыку, и Архитектуру и Механику. Казалось, что время за ним не поспевает»*. Наверное, таким и должен был быть человек Возрождения — неумная жажда знаний, постоянное совершенствование, оригинальность мыслей и поступков. Друг Державина, автор необычных церквей (вспомним хотя бы знаменитую «Кулич и Пасха» на пр. Обуховской Обороны или церковь Св. Екатерины в Мурино), дворцов, таких, как «землебитное строение» — Приоратский дворец в Гатчине, — Николай Львов и в своей частной жизни оставался выдумщиком, легким человеком. Взять хотя бы историю его женитьбы на Машеньке Дьяковой. Родители Машеньки считали Львова незavidным женихом и несколько раз отказывали ему. Тогда влюбленные тайно обвенчались и три года жили врозь, храня свою тайну даже от близких друзей. И только когда семейство Дьяковых всерьез обеспокоилось: почему это Машенька отказывает самым завидным женихам, молодые бросились в ноги родителям и — сразу или не сразу, но — получили прощение.

Мне почему-то представляется, что Николай Львов был человеком веселым, любящим стакан доброго вина и хорошую шутку. Поэтому идея ботанического пикника, или «путешествия», как он сам пишет в своем полупрозаическом-полупоэтическом сочинении «Ботаническое путеше-

ствие на Дудорову гору», должно быть, пришла в голову именно ему. Приятели — граф А.А. Кушелев-Безбородко и некий «ботаник Бибер», поддержали. И вот, они поднялись на Дудорову гору (надо сказать, что Ореховая и Воронья тогда считались одной горой) и посадили там новые, ранее не встречавшиеся в окрестностях Петербурга, растения.

«...Тут с общего согласия, развернув связки древесных цветных семян, положили мы украсить великолепным нарядом Чухонскую химеру и от востока к западу перепоясать всю гору черным поясом, в котором вместо драгоценных камней

*Все с нами бывшие Британски,
Сибирски и Американски
Древесны, злачны семена
С благоговением грядой мы посадили
И славы фундамент растущий заложили.
Где наши имена
Цветами возрастут на вечны времена».¹*

Пассажир-профессионал: Да, бывали же раньше пикники. Не банки и бутылки после них оставались, не сломанные ветки и вытоптанная трава, а наоборот — цветы, деревья...

Конечно, слава Красного Села всегда несколько затмевала Дудергоф. Но наивысшего расцвета они достигли примерно в одно и то же время — в царствование Николая I. Летние месяцы императору частенько приходилось проводить в Красном Селе: маневры, смотры, учения. Обычно его сопровождала супруга Александра Федоровна с детьми — император был нежным мужем и отцом. Отношение его к жене было покровительственным, рыцарственным, а Александра Федоровна охотно подчинялась своему властному супругу, никогда ему не перечила, принимала его «*страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует*».² При всем великолепии николаевской эпохи, пышности двора, наверное, император чувствовал потребность в уединении, в простых семейных радостях. Поэтому и строился Коттедж в Петергофе, бывая в котором, Николай Павлович с удовольствием называл себя «*петергофским*

¹ Ботаническое путешествие на Дудорову гору. 1792, май 8 // Северный вестник — 1805. — №2.

² Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник. — М.: Захаров, 2000.

помещиком». А Александра Федоровна — существо хрупкое, сентиментальное — приходила в полный восторг от «хорошенькой Дудергофской горы с ее дикой природой». Поэтому нет ничего удивительного, что в 1826 году Николай Павлович дарит Дудергоф с окрестностями жене.

Начинается строительство. На вершине Ореховой горы возводится дворец, не дворец — скорее, домик, — деревянное двухэтажное сооружение, напоминающее швейцарское шале. Мода той эпохи требовала «китайских павильонов», «готических замков», «гrotов», «мельниц». Они в изобилии возникали в Петергофе. А Дудергофу досталось шале. Внизу, в долине, были построены «молочня» и, несколько дальше — «ферма».

Воспоминания гостей Дудергофа рисуют нам мирные картины быта императорской семьи, не особенно стесненного этикетом. В 1846 году адъютант шведского принца Оскара-Фридриха В.В. Гаффнер записывает в своем дневнике: «После полудня мы были приглашены на чай к императрице в ее швейцарскую виллу в Дудергофе. Вилла эта расположена на холме, который находится рядом с лагерем. Войдя туда, чувствуешь себя как бы чудом перенесенным в одну из красивейших долин Норвегии или Швейцарии...».³ А вот совершеннейшая идиллия: «На этой горе находится швейцарский домик, принадлежащий государыне, которая сама принимала гостей, а молодые великие княжны предлагали нам, иностранцам, молоко и фрукты, с любезностью, заставлявшей позабыть придворный этикет».⁴ Это уже из дневника полковника Гагерна, состоявшего в свите голландского принца Александра Оранского. Прелестный домик стоял в окружении чудесного Нагорного парка, в котором были проложены пейзажные дорожки, аллеи для прогулок верхом и в коляске.

Так, вспоминая славные дни Дудергофа, мы уже дошли до конца проспекта 25 Октября, который почти упирается в здание больницы Общины сестер милосердия Св. Георгия (дом 105), построенное в стиле романтического модерна. Оно возведено на крутом склоне горы в 1901—1902 годах, и напоминает маленький замок. Особенно эффектно бывшая больница смотрится с ближних полей. (Когда-то, будучи еще молодым специалистом, я удостоилась чести собирать турнепс на можайских зем-

³ Гаффнер В. В. Три недели в России // Исторический вестник — 1914. — Т. 135 — №1.

⁴ Фридрих Гагерн — Дневник путешествия по России в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. — Л., 1991.

Дудергоф. Молочный домик. Конец XIX в.

лях. И мне всегда казалось, что «замок с башенками» на склоне горы — дом помещика, а мы — бедные крепостные. Отношение к подневольному труду было соответственным).

Сейчас здание ремонтируется, в нем находится (и даже работает) спортшкола. Можно было бы продолжить наш путь вниз по дороге, в которую плавно перешел проспект, и дойти до самого Кирхгофа, но, пожалуй, мы начнем подъем на Ореховую гору. А сначала — встанем спиной к больнице Св. Георгия, и слева от нас окажется сильно перестроенное здание, в котором только глаз специалиста определит черты бывшего хлебного магазина николаевских времен. А справа — большая поляна, посередине которой установлен деревянный крест. Когда-то на этом месте находилась церковь Св. равноапостольной княгини Ольги при инвалидном доме общины Св. Георгия. Построена она была в 1879–1883 годах архитектором В.И. Токаревым и закрыта в конце 20-х годов XX века. Когда она исчезла с лица земли — трудно сказать. Дальше, вправо за поляной, — несколько деревянных сооружений в «русском» стиле, постройки того же архитектора Токарева. Это и есть инвалидные дома (пр. 25 Октября 99, 101, 103), сохранившиеся с 1879–1883 годов.

*Кладбище на Кирхгофе. 1990-е гг.
(фото В. Лелиной)*

Дорога на Ореховую гору начинается за инвалидными домами. Сначала проходим «краснокирпичный» район, где каждый владелец дал волю своей, прямо скажем, небогатой фантазии, придумывая башенки, арочки и балкончики родной «фазенды». Дальше — территория Нагорного парка, пока что худо-бедно охраняемая государством. Дорога пологая, широкая, — спасибо Александре Федоровне, которая, конечно, ездила в свой Швейцарский домик в коляске. Незаметно мы поднимаемся на вершину Ореховой, где можно еще увидеть остатки фундамента «шале», погибшего в войну, как и большинство строений Дудергофа. О временах николаевских напоминает сеть аллей и дорожек, о наших недавних — скотовод-

*Здание бывшей больницы Св. Георгия (вверху)
и один из бывших инвалидных домов в Дудергофе. 2003 г.
(фото автора)*

ческий комплекс, возведенный в 70-х годах XX века в красивейшей долине между Ореховой и Кирхгофом (другого места, конечно, не нашли)

С вершины Ореховой горы хорошо виден Кирхгоф, вершину которого сейчас украшает грубо сваренная металлическая вышка. А когда-то стояла церковь. Само слово «Кирхгоф» — архаическое немецкое «погост». На картах XVII века здесь действительно можно увидеть кирху и кладбище. В 1832–1836 годах архитектор Х. Мейер построил на Кирхгофе новую лютеранскую церковь Св. Троицы. Она была видна издалека, служила доминантой окружающего пейзажа, а с Кирхгофа был хорошо виден Петербург. Он виден и сейчас — в дымке днем, в зареве огней вечером и ночью, но церковь погибла в войну. Говорят, что петербургские финны собираются восстановить ее, и даже возобновили древнюю традицию празднования Иванова дня на Кирхгофе. Не знаю, так ли это. И единственной приметой давно ушедших лет остается старое кладбище в леске на вершине. Кованые, покосившиеся, почти незаметные в зарослях кресты с непривычно закрученными концами, похожие на мечи, воткнутые в землю. Кто и когда был похоронен здесь — Бог весть!

Оторвем свой взгляд от загадочного Кирхгофа, оглянемся по сторонам. Если вы поднялись на Ореховую гору осенью, вам повезло — такой тишины, такого буйства медных, алых, золотых красок, такого прозрачного воздуха и распахнутых далей вы не увидите нигде. Лето и весна здесь тоже хороши, а зима, может быть, заставит вспомнить стихотворение К.Р., написанное где-то в этих местах, в Красном Селе, в Дудергофе...

Обыкновенная картина:

Кой-где березовый лесок,

Необозримая равнина,

Болота, глина и песок.

Пускай все это и уныло,

И некрасиво и бедно;

Пусть хорошо все это было

Знакомо нам давным-давно —

Налюбоваться не могли мы

На эти ровные поля...

О, север, север мой родимый,

О, север, родина моя!

Дудергоф. Источник. Концы XIX в.

*Заведение минеральных вод А. II. Верландера.
Концы XIX в.*

Но пора спускаться вниз — по той же дороге или, если вы предпочитаете преодолевать трудности — прямо по крутому склону. Так или иначе, мы скоро доберемся до вокзала и, проверив расписание (поезда ходят раз в час), выясним, что немного времени у нас еще есть. Значит, отправимся по тому же проспекту 25-го Октября в другую сторону. Идти совсем недалеко. Вскоре мы увидим скопление машин, людей, несущих бидоны и пластмассовые многолитровые бутылки — а вскоре узнаем причину такого оживления. Слева от дороги, напротив **дома 15**, — источник чистой родниковой воды. Чай, заваренный на этой воде, действительно обладает необыкновенным вкусом. Источник исправно служит людям уже не одно столетие. В 80-х годах XIX века его облагородили: заключили в трубу и облицевали камнем. В 70-е годы XX века архитектурное оформление обновили. А на другой стороне проспекта за высоким забором до сих пор стоит здание завода (или павильона) искусственных минеральных вод Верландера (вторая половина XIX века), принадлежащее сейчас заводу пластмасс. И тут вам придется поверить мне на слово, что павильон похож на загородный дом с элементами «русского стиля», что высокое крыльцо украшено затейливой резьбой, а окна — наличниками. Потому что из-за высокого непроницаемого забора ничего не рассмотреть.

Павильон относится уже к другому периоду существования Дудергофа — дачному. В 1873 году владельцы имения (члены царской семьи) разрешили всем желающим постройку дач с арендой земли на 90 лет. «Русскую Швейцарию» оценили по достоинству. А.П. Верландер пишет: *«Горный и влажный воздух Дудергофа, сосновый лес и вообще богатство флоры <...> поставили эту местность в самое выгодное положение относительно других излюбленных дачниками окрестностей Петербурга»*. Надо сказать, что архитектура дач контролировалась владельцами имения, поэтому даже такие производственные постройки, как завод искусственных минеральных вод, стилизовали под «дачный дом». Конечно, бурное развитие дачного Дудергофа началось с постройкой железной дороги. Петербургские старожилы Д. Засосов и А. Пызин называют Дудергоф *«царством дачников»*. Наверное, летняя жизнь здесь походила на жизнь других пригородов Петербурга: купание, прогулки на Ореховую и Воронью горы, а иногда и на Кирхгоф, танцы, игры на открытом воздухе. Завязывались дачные романы, маманьки присматривали дочкам женихов...

Дудергофское озеро. Открытка начала XX в.

А на другом берегу озера находились летние лагеря петербургских военных училищ. Шлюпки каждого училища имели свой кормовой флаг, и вот в хорошую погоду, после занятий, весь этот «флот» выходил на озеро. Устраивали гонки, перебрасывались шуточками со знакомыми из других училищ, — словом, развлекались. Случались и водные баталии: так, у юнкеров Павловского пехотного училища — «павлонов» — было в обычае подходить с двух бортов к шлюпке воспитанников Пажеского корпуса и раскачивать ее, пока в шлюпку не набиралось порядочно воды. Затем «павлоны» полным ходом уходили к своей пристани, а пажи, сидя по колесо в воде, с трудом выгребали к берегу. Правда, если на озере присутствовал дежурный офицер, он мог записать номер шлюпки, и «пиратам» потом сильно доставалось.

Бывали происшествия и посерьезней. Однажды юнкера Николаевского кавалерийского училища, будучи сильно навеселе, пытались увезти пушку из расположения Михайловского артиллерийского. Часовой был в растерянности: не стрелять же. Но дать увезти пушку — значит, попасть под суд. Только своевременное прибытие караульного начальника с другими сменами караула выручило часового.

Вообще-то летние лагеря юнкера вспоминали с удовольствием, несмотря на походные условия и ежедневные, иногда довольно нудные, занятия. Так, например, когда лошади были в разгоне, отдавался приказ: «пеший по конному». Суть дела заключалась в том, что каждый пеший считался всадником, и команды были те же, что и при верховой езде. И вот, вместо лихих заездов, приходилось совершать скучные пешие переходы, да еще и по самому солнцепеку.

На противоположном берегу озера шла другая жизнь. Дачный быт был достаточно хорошо устроен: работали бани знаменитых братьев Туляковых, имевших подобные заведения по всему Петербургу. На озере было построено 10 купален, но не возбранялось купаться и с берега. Два ресторана, курзал — что еще нужно для веселого летнего времяпрепровождения...

От того давнего Дудергофа почти ничего не осталось. Последняя война дважды прокатилась по этим местам — когда немцы взяли Дудергофские высоты, и когда мы отвоевывали их обратно. Здесь, у Вороньей горы, стояли 406- и 410-миллиметровые страшилища, из которых обстреливали Ленинград.

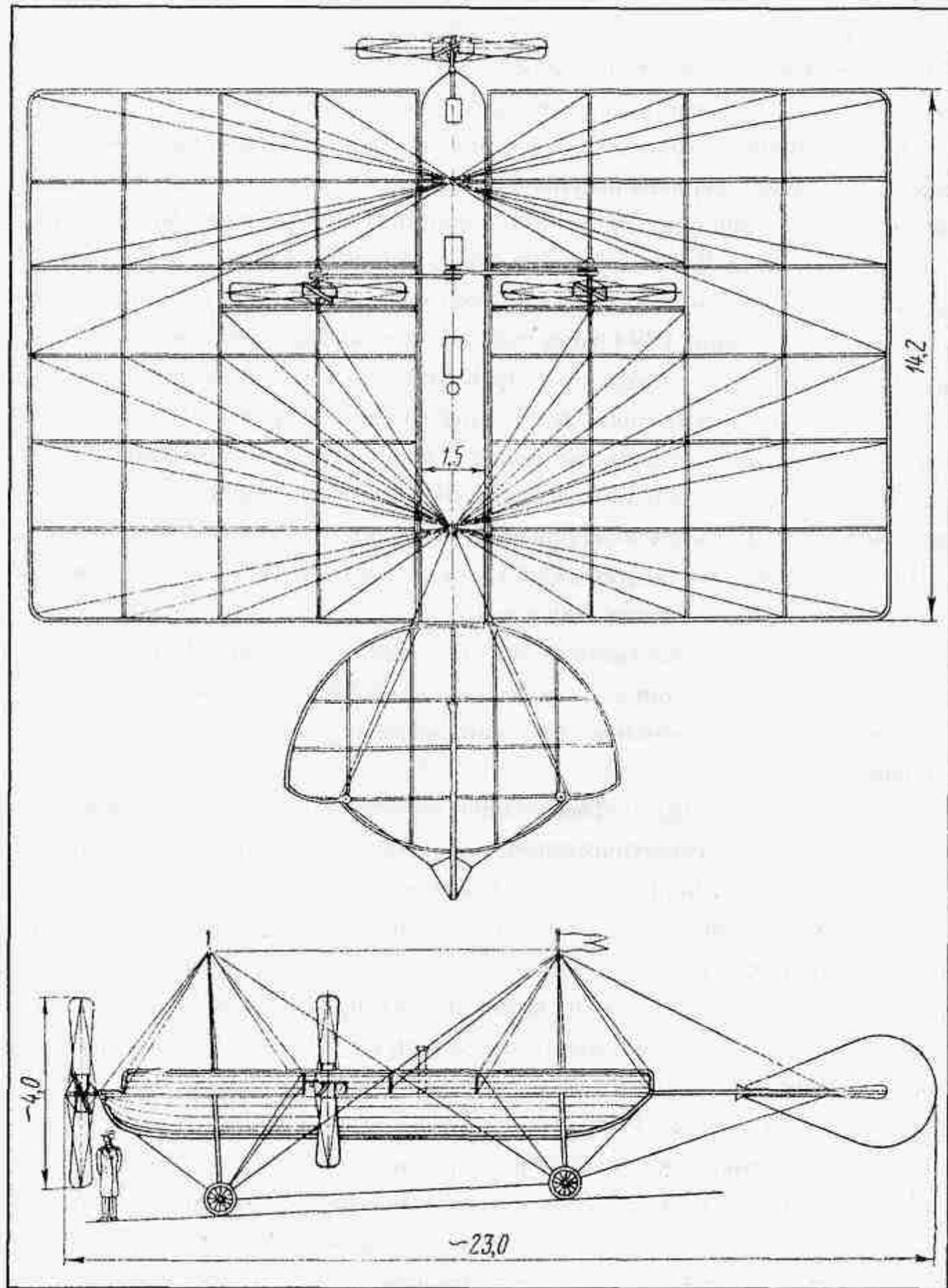
*Весь Ленинград как на ладони
с горы Вороньей виден был.
И немец бил с горы Вороньей.
Из дальнобойной «берты» бил.
Прислуга
в землю «берту» врыла,
Между корней,
между камней.
И, поворачивая рыло,
отсюда «берта» била,
била
все девятьсот блокадных дней.*

(Михаил Дудин)

А в 1950 году, во время «борьбы с космополитизмом», Дудергоф потерял свое древнее имя и стал поселком Можайским. Так что сейчас нам придется обратиться к истории воздухоплавания.

Со школьной скамьи мы знаем, что Александр Федорович Можайский — создатель первого русского самолета. Но вот, что интересно. Читаю я книгу об авиации, 50-х годов издания. В ней самолет Можайского *«гордо парит над Военным полем»*. В статье 80-х годов аэроплан *«поднялся... в воздух и пролетел несколько метров»*. Ну, а в энциклопедии «Авиация», издания 1994 года, черным по белому написано: *«...была произведена попытка поднять самолет в воздух. Во время разбега по горизонтально уложенным деревянным рельсам самолет накренился и потерял крыло»*. То есть, не взлетел. Да и не мог взлететь, потому что тяги паровых двигателей было недостаточно для устойчивого горизонтального полета, а двигателей внутреннего сгорания (с помощью которых в 1903 году поднялся в воздух аэроплан братьев Райт) еще не существовало. Думается мне, что роли Александра Федоровича Можайского в развитии русского воздухоплавания это несколько не умаляет. Он сделал то, что сделал, а другие пошли дальше. Но, если бы не энтузиазм Можайского, не его энергия — неизвестно, как развивалось бы в России воздухоплавание.

О судьбе Александра Федоровича можно написать авантурный роман. В нем будут романтические приключения: чего стоит одно путешествие на фрегате «Диана», начавшееся, как кругосветное, в 1853 году. В ноябре 1854 года фрегат встал на якорь у японского города Симодо, а 11 декабря произошло сильное землетрясение. «Диана» получила повреждения и, несмотря на все усилия команды, затонула. И тогда по чертежам, взятым из «Морского сборника», имевшемся в корабельной библиотеке, офицеры и матросы строят новый корабль и добираются на нем до Петропавловска на Камчатке. Потом Можайский служит в военном ведомстве, в 1882 году выходит в отставку в чине генерал-майора (с 1886 года — контр-адмирала) и посвящает все свое время, силы и энергию совершенно несерьезному занятию — «летанию», как тогда говорили. В 1876 году он строит планер, на котором поднимается в воздух. Увлекается опытами с моделями самолетов, запускаемыми с помощью пружины или резинки — «летуньями» или «летунчиками». И, наконец, в 1877—1878 годах разрабатывает проект самолета, а в 1881 году получает первый в России патент

Реконструкция самолета А.Ф. Можайского.
 Из книги В.Б. Шавров. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г.
 М. 1969 г.

на летательный аппарат. «Привилегия, выданная из Департамента торговли и мануфактуры капитану 1-го ранга А.Ф. Можайскому на воздухоплавательный снаряд» — так называется этот документ.

Летом 1882 года начинается постройка и сборка самолета Можайского на Военном поле под Дудергофом. И во второй половине июля 1885 года была осуществлена попытка поднять самолет в воздух. Не получилось. Можайский решает увеличить мощность силовой установки, заказывает новые двигатели на Обуховском сталелитейном заводе. Но не успевает. В 1890 году Александр Федорович Можайский скончался.

Дальше начинается довольно таинственная история. Сыновья Можайского пытаются продать почти готовый самолет Военному министерству за 200 тысяч рублей. Им отказывают, и дальнейшая судьба самолета неизвестна. Почти одновременно, во время пожара, погибают паровые машины, снятые с самолета и переданные для хранения на Балтийский завод. И, в довершение всего, личный архив Александра Федоровича Можайского, все его расчеты и чертежи пропали...

Читая недавно выпущенную книгу по истории петербургской авиации, я с удивлением обнаружила в ней всего лишь три строчки о Можайском, как об авторе тех самых моделей: «летуний» и «летунчиков». И это все? Да, самолет Можайского, конечно, не «парил над Военным полем», как писали борзописцы 50-х годов. Но он был, и забывать об этом, наверное, не следует...

А прогулка наша по Дудергофу-Можайскому окончена. И, подхватив нас на маленькой «полустанции железной дороги», электричка отправляется дальше. В Тайцы.

Тайцы

Тайцы — веселое, звонкое слово. Такое же веселое и звонкое, как его значение: «ключи, тайные подземные воды». Известны Таицкие (или Орловские) ключи с давних времен. Еще в 1774 году был сооружен таицкий водовод, по которому вода из ключей шла прямо в пруды Царского Села и Павловского парка. Открытый канал длиной около 20 километров перемежался кирпичными трубами, а в средней части переходил в подземную галерею. Водовод исправно служил до 1905 года, когда старую систему заменили водонапорной.

А вот история наших дней. На заре перестройки, когда вошло в моду спасать культуру не только на митингах, но и на субботниках, группа ленинградских спелестологов¹ (не путать со спелеологами) провела очистку галереи Таицкого водовода. Работало здесь несколько сотен человек; в основном, добровольцы. Говорят, после этого вода некоторое время текла по назначению.

Мызу Тайцы и окружающие ее земли еще во времена Северной войны Петр I подарил адмиралу И.М. Головину. Пушкин, правда, пишет в

¹ Спелестологи — люди, занимающиеся исследованием рукотворных пустот: подземных храмов, ходов, катакомб (см. Мирошниченко П.О. «Легенда о ЛСП» / Ночные призраки большого города — СПб.: 1994).

своим «Начале автобиографии», что деревни в Петербургской губернии — Суйда, Тайцы и Кобринно — были пожалованы императрицей Елизаветой Петровной его предку, арапу Ганнибалу. На самом деле Абрам Петрович Ганнибал скупил эти земли, округляя свои владения. В 1768 году мыза Тайцы со всеми строениями перешла от Ганнибалов к Е.Т. Аничковой, у которой их купил Александр Григорьевич Демидов — потомок знаменитого горнозаводчика Никиты Демидовича Антуфьева, больше известного под фамилией Демидов. Никите Антуфьеву и его сыну Акинфию Петр I предоставил право на добычу руды на Урале и изготовление оружия для Пушкарского приказа. Семья Демидовых была одной из богатейших в России. Александру Григорьевичу, например, принадлежало семь заводов на Урале. Демидовы находились в родстве со знатнейшими семействами, — так, Григорий Демидов женился на княжне Екатерине Лопухиной. А их дочь Наталья вышла замуж за Ивана Старова, одного из крупнейших русских архитекторов того времени. Он и построил своему деверю Александру в 1774—1778 годах прекрасный загородный дом в Тайцах. По легенде, строился дом для дочери Демидова, больной туберкулезом. Говорят также, что несчастная девушка недолго прожила в новом доме, умерла и была похоронена здесь же на лужайке близ солнечных часов.

Пассажир-профессионал: Легенды — вещь ненадежная. Только я приготовился всплакнуть над судьбой Машеньки (Лизаньки? Олиньки?) Демидовой, как судьба завела меня в имение Сиворицы (село Никольское). Сейчас там — психоневрологический диспансер имени Кащенко («Дом скорби», как говорил Булгаков), а когда-то была усадьба другого деверя И.Е. Старова — Петра Демидова. Видимо, был он не столь удачлив, как брат Александр, — дом поскромнее, хотя тоже очень красив (строил опять-таки Старов). Да, а перед самым входом в усадебный дом — такой же пьедестал для солнечных часов. Или — мор на семью Демидовых, или с легендой о Лизаньке (Олиньке?) придется распрощаться.

От железнодорожной станции «Тайцы» к бывшей усадьбе ведет почти прямая асфальтированная дорога — Санаторское шоссе. Вокруг — неяркая ижорская природа, поля, дальние Дудергофские горы. Идти около часа, и довольно скоро в конце дороги возникает темная масса деревьев, и

Бывший усадебный дом Демидовых в Тайцах. 2003 г. (фото автора)

становится видна чугунная ограда с гранитными столбами. Шоссе упирается прямо в ворота...

Одна створка ворот отломана, по обеим сторонам высятся какие-то хозяйственные постройки. Собаки, греющиеся на солнце, лениво облаивают нас, больше для порядка. Особенно усердствует маленький серый пес. «Он и укусить может, — предупреждает, высунувшись из окна, хозяин. — Скажите ему: Миша, Миша — и он отстанет».

Минуя бдительного Мишу, мы входим в старый усадебный парк. И — два одинаково сильных чувства возникают и сопровождают нас во время всей прогулки: восхищение и печаль. Восхищение — потому что розово-белый двухэтажный дом, увенчанный бельведером, действительно прекрасен. Угловые террасы-лоджии, — когда-то, по замыслу архитектора, открытые, а теперь застекленные, — делают здание воздушным. Хороша широкая каменная лестница, которую сторожат каменные львы. За домом прихотливо вьется река Верева, виден луг на другом берегу, мостик из дикого камня. Старые липы, дубы, клены и лиственницы образуют настоящий лабиринт дорожек и аллей. Но все заброшено, заросло, полуразрушено — и невыносимо печально видеть, как прекрасный английс-

кий парк медленно растворяется в буйных зарослях, мелеет речка, разрушаются каменные мостики. Правда, дом не так давно подновлен, подкрашен, — но все равно кажется, что усадьба находится на краю гибели.

На лестнице, рядом с каменными львами, сидят два интеллигентного вида бомжа. Говорят, что приехали сюда из самого Питера: посмотреть. Младший бомж явно что-то слышал о Демидовых, да и о самом доме что-то знает. Горячась, доказывает, что статуи львов — «новодел», поставлены после войны, и вообще не из гранита... Старший бомж молча покуривает, слушает. Потом они обходят дом, и долго еще в тишине парка слышен голос младшего: он рассказывает приятелю что-то из жизни Демидовых. Привирает безбожно, но все равно эта встреча кажется мне трогательной, хотя, конечно, привел бомжей в Тайцы явно не интерес к усадебной архитектуре. (Как тут не вспомнить предков: *«нищенство здоровых и способных к труду лиц <...> не могло быть терпимо и считалось равным вымогательству и воровству»*).²

Перейдя речку по горбатуму каменному мостику, мы углубляемся в дебри, бывшие когда-то пейзажным английским парком. О нем напоминают то разросшиеся кусты сирени, то круглое озерцо и остатки небольшой плотины — искусственного водопада. Из парковых затей прошлых веков остались только полуразрушенные Готические ворота возле дома (раньше в них был вмонтирован часовой механизм с колоколом), Турецкая беседка, Грот-ручеек (это его остатки у озерца)... Вблизи дома еще чувствуется рука садовника, — так, еще не совсем зарос прекрасный луг. Но, чем дальше, — тем больше парк начинает походить на лес.

Возвращаемся к дому. Бомжи ушли, покинул свой сторожевой пост пес Миша. Тишина. Перед домом, там, где когда-то был цветник, просматривается мраморный кубический пьедестал. Подходим ближе — и различаем на его гранях полустертые линии и цифры. Это остатки тех самых солнечных часов, рядом с которыми, по легенде, похоронена дочь Демидова. Но, конечно, никаких следов могилы несчастной девушки не видно.

Наступает вечер. Несколько женщин — наверное, жительницы ближних дач — прогуливают в парке своих собак, среди которых — две породистые русские борзые. Невольно думаешь, как подходят эти великолепные собаки дому и парку, и представляешь себе усадьбу Демидова во всей ее славе...

² Раевский Ф. Петербург с окрестностями — СПб.: 1902.

Да, грустная прогулка. Но история Таицкой мызы не исчерпывается ее усадебным прошлым. Помните, мы шли сюда от станции по Санаторскому шоссе? Это уже совсем другая история, и началась она в 1895 году, чтобы продлиться почти до наших дней.

Тогда мыза Тайцы принадлежала казне. И в это время среди петербургских врачей возникла мысль об устройстве рядом со столицей образцового туберкулезного общедоступного санатория. Эту идею горячо поддержала императрица Мария Федоровна, вдова Александра III. Ведь один из ее сыновей — Георгий — был болен туберкулезом и впоследствии скончался от этой болезни. Уговорила ли Мария Федоровна Николая II, или он сам пришел к такому решению, но в 1895 году мыза Тайцы и 286,5 десятин прилегающих земель перешли в ведение «Общества русских врачей в Санкт-Петербурге» для устройства в Тайцах туберкулезного санатория. Кроме того, на нужды нового лечебного заведения было передано 476255 руб. 98 коп. из благотворительного капитала, созданного императором Александром II в память его супруги Марии Александровны, умершей от болезни легких.

В отчетах Таицкой санатории (так называлось новое заведение) сохранились имена тех, кто помогал благородному делу лечения туберкулезных больных. Так, некий А.И. Балаев построил за свой счет каменный мост в парке санатории. Н.К. Кашин передал полотна для белья на 200 рублей, а лицо, пожелавшее остаться неизвестным, — медицинскую аппаратуру. Издатель А.С. Суворин бесплатно печатал объявления санатории, а в санаторскую библиотеку так же бесплатно поступали «Петербургский листок», «Новое время», «Нива», «Родина» и другие печатные издания. Не забывала о новом заведении и императрица Мария Федоровна. По ее инициативе имевшийся на мызе деревянный дом (магнитная обсерватория) был перестроен в церковь. Руководил перестройкой князь И.А. Наташидзе при непосредственном участии архитектора А.А. Бруни. Как сказал, обращаясь к пациентам санатории, на освящении нового храма 7 ноября 1898 года протоирей А. Сперанский: *«Вас обильно питают тленной пищей, но здесь будет преподаваться вам пища нетленная, источник бессмертия...»*. А Мария Федоровна пожертвовала новой церкви богатую серебряную ризу.

К 1900 году Таицкая санатория имела 50 мест и два отделения — мужское и женское. Женское (названное Мариинским) располагалось в

усадебном доме, а для мужского (Георгиевского, в память великого князя Георгия) построили отдельное двухэтажное здание. Георгиевское отделение строилось и оборудовалось с учетом самых передовых медицинских и гигиенических требований того времени. Все комнаты выходили на юг, балконы были застеклены. Имелись центральное отопление, вентиляция, дезинфекционная камера. За установку оборудования заводу Сан Галли было выплачено 14480 руб. и еще 12 руб. за три кочерги.

Согласно правилам, принимались в Таицкую санаторию больные с начальными формами туберкулеза легких, «подающие надежду на значительное поправление или выздоровление».³ Они должны были строго соблюдать режим, не выходить за ограду парка и обязательно иметь пару галош (последнее объясняется, видимо, необходимостью защиты от сырости). Кроме того, каждому больному выдавалась специальная плевательница, и категорически запрещалось при кашле сплевывать на пол или на землю в парке.

Санаторией управлял Комитет, долгое время возглавлявшийся известной благотворительницей графиней Е.А. Воронцовой-Дашковой и состоявший, в основном, из врачей. Из 50 мест санатории девять были бесплатными и девять — льготными. Бесплатные места имели названия: «имени доктора И.А. Маева», «имени кн. М.А. Мещерской», или просто — «в память Григория» (почему-то последнее особенно трогает: на мгновение разделяешь печаль того или той, кто, потеряв любимого человека, — сына? мужа? брата? — не воздвиг в память о нем пышный мраморный мавзолей, а позаботился о других несчастных). Больные, поступавшие на бесплатные места, обеспечивались в случае необходимости одеждой, бельем, обувью, причем все это оставалось у них при выписке из санатории.

32 места, как легко подсчитать, являлись платными. Но, судя по всему, плата за лечение не была особенно велика. Если посмотреть отчеты,⁴ то среди пациентов санатории мы видим «лиц письменного и близкого ему труда» — 36 человек, студентов — 22, врачей и фельдшеров — 4, а вот рабочих, дворников, извозчиков — 18, сапожников и портных — 3, столяров и маляров — 3, типографских рабочих — 9, и т. д. То есть, Таицкая санатория принимала на лечение представителей всех классов

³ Правила приема больных в состоящую под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны Таицкую санаторию Общества русских врачей в Петрограде — Пг., 1915.

⁴ Отчет Таицкой санатории О-ва русских врачей в С.-Петербурге за 1896—1900 гг. — СПб., 1902.

городского населения. Наверное, 50 мест — это немного, но ведь такая санатория была не единственная.

«Санаторная» традиция не прерывалась до последнего времени. Еще на картах Ленобласти 1998 года усадьба обозначена, как «санаторий». Правда, уже в советское время было установлено, что микрофлора Тайц с ее вековыми дубами, пихтами и елями очень полезна при лечении гипертонии и склероза, но совсем не показана туберкулезным больным. Впрочем, сейчас санаторий закрыт, хотя внешне выглядит вполне прилично — сделан косметический ремонт.

Если вы не слишком устали, гуляя по усадебному парку, а, вернувшись на станцию, обнаружили, что до электрички еще есть время, — можете осмотреть церковь Св. Алексия Митрополита Московского. Она расположена недалеко от вокзала (**Гатчинское шоссе, 24**). Построена церковь в 1913—1914 годах инженером и архитектором И.В. Экскузовичем. Он, правда, больше известен как инженер петроградских театров и автор замечательной книги «Техника театральной сцены в прошлом и настоящем». Храм в Тайцах принадлежит к ряду церквей, построенных в честь празднования 300-летия дома Романовых. К сожалению, художественное убранство храма утрачено; в архивах сохранилась только полная схема росписи церкви, составленная известным мастером академической церковной живописи В.В. Беляевым в 1915 году. Трудно сказать, что из задуманных росписей и мозаичных панно было выполнено. В 1939 году, церковь, естественно, закрыли, действовала она в 1941—1944 годах, потом снова была закрыта, а в 1992 году восстановлена (внешне) и передана верующим. Не скажу, что этот каменный храм является выдающимся памятником архитектуры, но смотрится он симпатично — белостенный, с оригинальными «фантазийными» шлемовидными куполами.

По слухам раньше местное население через подвалы церкви спускалось в подземный ход, выложенный кирпичом и белым камнем. Ход шел наклонно вниз, а на глубине 5 метров от поверхности уходил под воду...

С церковью Св. Алексия Митрополита Московского связано имя отца Петра Белавского, потомственного тайцкого священника. Отец его Иван Петрович Белавский, окончил тверскую семинарию, преподавал русскую словесность в духовных училищах Вышнего Волочка и Старицы. Ему уже было далеко за тридцать, и он подумывал о монашестве, но знакомство с семьей о. Дмитрия Шишова в Тайцах в 1889 году кончилось женитьбой на его дочери Екатерине Димитровне.

*Церковь Св. Алексия
Митрополита Московского
в Тайцах. 2003 г.
(фото автора)*

Приняв сан, о. Иоани унаследовал приход отца Димитрия — церковь во имя Св. Благоверного князя, Александра Невского в Александровке, близ поселка Тайцы. Александровка — старинное село, некогда принадлежавшее Демидовым. Священнический дом с небольшим садом и хозяйственными постройками располагался рядом с церковью, возведенной архитектором И.Е. Старовым и перестроенной в 1901–1906 годах архитектором А.А. Степановым. Здесь отец Димитрий прослужил 55 лет, а его преемник отец Иоанн Белавский — 38 лет. И по сие время у стен полуразрушенного храма сохранились могилы предков о. Петра.

Отец Иоанн Белавский, возглавив приход в 1889 году, создал в Александровке церковно-приходскую школу и стал в ней законоучителем. Преподавал он Закон Божий и в Таицкой земской школе.

В семье Белавских было пятеро детей — две дочери и три сына. Будущий отец Петр родился 18 декабря 1892 году (по церковному календарю). Родители отдали Петра вместе с младшим братом Димитрием в духовное училище при Александро-Невской лавре.

Уже в преклонных годах отец Петр часто и с большой теплотой вспоминал свое детство в родительском доме. А дом отца Иоанна отличался широким гостеприимством. Особенно оживленно бывало летом. Приезжали погостить многочисленные родственники. Недалеко от Тайц, в окрестностях Красного Села проходили военные учения и смотры, нередко в Высочайшем присутствии. Две артиллерийские бригады стояли в Александровке. В праздничные и воскресные дни офицеры считали своим долгом зайти поздравить батюшку и гостей. Особенно памяты были отцу Петру семейные торжества по случаю Иванова дня (Рождества Иоанна Предтечи 24 июня/7 июля). В этот день для многочисленных гостей накрывался щедрый стол с разнообразными рыбными блюдами.

После духовного училища Петр Белавский поступил в семинарию. Правда, сначала он два года проучился в юнкерском училище (видимо, соблазнила близость военного Красного Села), но все же вернулся на духовное поприще. Учась в семинарии, Петр был назначен псаломщиком в Красносельский военный госпиталь. Там, наряду с выполнением обязанностей чтеца он проводил с ранеными беседы, за что был даже награжден орденом. Впрочем, об этой награде сам отец Петр ничего не знал, а сведения о ней были обнаружены уже после его кончины.

События 1917 года вынудили Петра поступить на гражданскую службу. Он стал работать на Тайцком водоводе, в свободное время помогал отцу в церкви и готовил себя к принятию сана. Дело было за невестой.

Наступил 1920 год. Как-то летом в дом Белавских приехала Елизавета Александровна Бондырева с дочерью Ксенией. Отец Ксении протоиерей Василий Бондырев служил тогда в Троицком соборе Красного Села. Когда Екатерина Дмитриевна увидела Ксению, которой в ту пору было около 20 лет, она сказала сыну: «Вот тебе и невеста!».

Ксения окончила гимназию с золотой медалью. Глубокая религиозность проявлялась в ней с раннего детства. Девушка всей душой тянулась к монашеству, но встреча в Александровке определила ее выбор. Она сознательно стала женой священника в такие непростые для православия годы.

Первые два года священства отец Петр служил вместе со своим отцом в александровском храме, а в 1922 году его назначили настоятелем церкви в Тайцах.

В тайцкой церкви отец Петр служил до своего ареста в 1929 году. В те трудные годы с Тайцами были связаны многие видные деятели петроград-

ской церкви. Среди них был и епископ Григорий (Лебедев). В 1923 году по определению Святейшего патриарха Тихона Григорий приехал в Петроград в качестве викария — епископа Шлиссельбургского. Глубокая духовная настроенность и высокая образованность отличали нового викария. К тому же он обладал блестящим даром проповедника. Недаром Святейший патриарх Тихон, назначая нового епископа, произнес слова, адресованные петроградской пастве: «*Посылаю вам жемчужину*». За пять лет служения в Петрограде епископа Григория не раз арестовывали по ложным доносам. От тревожений и нервной обстановки города он находил отдых в Тайцах, где для него снимали дачу. Владыка нередко служил и проповедовал в Тайцкой церкви. Посещал он отца Петра и в тайцком доме, и в старом родовом доме в Александровке. Бывало, запрягали зимой в легкие сани лошадь, и епископ Григорий с отцом Петром отправлялись прокатиться по тихим заснеженным дорогам. Летом, теплыми светлыми вечерами ходили на прогулки пешком, ведя долгие душевные беседы.

Весной 1927 года семья Белавских прощалась в александровском храме с отцом Иоанном, который прослужил здесь без малого 40 лет. Погребение состоялось возле храма, где уже образовалось маленькое семейное кладбище Шишовых—Белавских. К концу 1927 года после появления декларации митрополита Сергия (Страгородского) церковная жизнь стала еще напряженной. В ответ на декларацию митрополит Иосиф вместе с другими иерархами подписал официальный акт о несогласии и об отделении от митрополита Сергия, усматривая в этой декларации полное подчинение церкви атеистической власти.

Тайцы становятся одним из центров иосифлянства. Во главе петроградского духовенства, сохранявшего верность митрополиту Петру как Местоблюстителю, и поддерживавшего митрополита Иосифа, встал архиепископ Гдовский Дмитрий (Любимов), в прошлом — один из самых почитаемых пастырей церкви Покрова Божией Матери в петербургской Коломне (старинный храм, упоминаемый еще А. Пушкиным, снесен в 1936 г.). В 1928 году епископ Дмитрий поселился в Тайцах на втором этаже дома, где с семьей жил отец Петр. Поскольку Владыка был на положении правящего архиерея, в Тайцах стало бывать много иосифлянского духовенства. С некоторыми из них отец Петр особенно сблизился.

В 1929 году усилились аресты. Первым из семьи арестовали тестя отца Петра — протоиерея Василия Бондырева. В ту пору он служил в

церкви Преподобного Серафима Саровского на станции Горелово Балтийской железной дороги (1905 год, архитектор Н.А. Еремеев, деревянное здание сохранилось). К иосифлянству отец Василий отношения не имел. Он примирился с церковной политикой митрополита Сергия, хотя в долгих разговорах с отцом Петром и близкими признавал нравственную правоту митрополита Иосифа. 8/21 мая в день св. Апостола Иоанна Богослова протоиерей Василий был расстрелян в тюрьме на Шпалерной.

Шло лето 1929 года, последнее лето служения отца Петра в родном таицком храме. Он подолгу молился в алтаре, иногда сослужил Владыке Димитрию. По-прежнему приезжал епископ Сергей, бывали и другие священники из города. Таицкие старожилы помнят те летние богослужения с их напряженной молитвенной тишиной в предчувствии грядущих событий...

Отец Петр прожил долгую жизнь. Он перенес тюрьмы и ссылки, смерть родных и близких. Но была и награда — общее признание, мирная кончина, погребение у стен родного храма (уже в Мариенбурге) рядом с почившей прежде Ксенией Васильевной, что было в те времена (1983 год) исключительным событием.⁵

История каждой семьи — уникальна и, вместе с тем, типична для своего времени. Поэтому мы так подробно рассказали о судьбе таицких священников. Они не были выдающимися церковными деятелями, не достигли высоких постов — они просто делали свое дело, следовали своим убеждениям, и, если надо, умирали за них...

* * *

Ну и на прощание вспомним о дачных Тайцах. Они имеют свою, может быть, не слишком известную, но почтенную историю. Летом 1880 года здесь, на даче своего родственника В.Ф. Пургольда, провел три недели композитор Н.П. Римский-Корсаков. Тогда он как раз заканчивал «Снегурочку». Дача была казенная — огромное белое каменное здание возле самых ключей. На следующий год Римские-Корсаковы заняли двухэтажный деревянный дом рядом. Дворец Демидовых тогда считался в казне, но пустовал. Управляющий разрешал дачникам устраивать во дворце домашние спектакли. Видимо, Тайцы понравились композитору. Он

⁵ Для рассказа об о. Петре Белавском использованы данные <http://pokrov.gatchina.ru>.

снял здесь дачу и в 1883, и в 1884 году. Здесь написана «Симфониета», начата Четвертая симфония, составлен учебник гармонии.

А вот письмо еще одного дачника своей двоюродной сестре 25 июля 1924 года: «Помнишь тринадцать лет назад возвращались из Мерре-кюля. Помнишь, как звучали названия станций Вруда, Пудость, Тикопись? Мы их потом никогда не вспоминали. Они попадались впоследствии в датировках Северянинских стихов. <...> Слушай, как чудно, как безрадостно чудесно. Я пишу тебе из Тайц, со станции, смежной с Пудостью. Ты — петербуржка, тебя этот язык Балтийской дороги не может удивить и привести в возбуждение, ты летами, вероятно, возобновляла прямо или косвенно звучание этих чухонских заклятий. Но можешь себе представить, что делает этот словарь со мной». И в следующем письме: «Вот на всякий случай наш адрес: Тайцы Балтийской ж. д. Евгеньевский пер., 3, дача Карновского».⁶

Борис Пастернак прожил в Тайцах недолго — всего лишь несколько летних недель. И вообще Петербург в его творчестве присутствует мало, поэтому все множество его «дачных» стихов традиционно относят к природе Подмоскovie. Но как соблазнительно представить, что все же тень таицкого сырого лета и «молочной» белой ночи мелькнула, скажем, здесь:

*Когда на дачах пьют вечерний чай,
туман вздувает паруса комарьи,
и ночь, гитарой брякнув невзначай,
молочной мглой стоит в иван-да-марье,
Тогда ночной фиалкой пахнет всё:
Лета и лица. Мысли. Каждый случай.
Который в прошлом может быть спасен
И в будущем из рук судьбы получен.*

Стихотворение называется «Любка», а в ранней редакции его была такая строчка: «Зовут их любкой. Александр Блок... — ночной фиалкой». Ну а где же еще вспоминать о Блоке, как не в окрестностях Петербурга?!!

И на этом, пожалуй, расстанемся с Тайцами.

⁶ Переписка Бориса Пастернака — М.: 1990.

Пассажир-профессионал: Не могу умолчать о том, что при написании этой главы мы с Автором пользовались Интернетом. Нашли не так уж много интересного, но названия некоторых сайтов повергли нас в шок. «Тайцы принялись за разведение тараканов». «Тайцы равнодушны к русским женщинам» и тому подобное. Что это случилось с нашими мирными Тайцами? Оказывается, ничего плохого. Это все творят тайцы — жители Таиланда, а Интернет Тайцы от тайцев не отличает. Вот так.

Сентиментальная остановка

(Пудость)

Следующая остановка за Тайцами — Пудость. Справочники производят название «Пудость» от древнерусского «пудас» — поток. Вполне может быть: рядом и река Ижора (в просторечии — Ижорка), и маленькая полузаросшая речка Парица. Места вокруг Пудости известны с давних пор своими залежами туфообразного известняка, называемого «пудостским». Этот легкий, золотисто-солнечный камень применяется для облицовки многих петербургских зданий. Его достоинство в том, что он довольно легко добывается («ломается») и обрабатывается, а затем на воздухе твердеет. Древние каменоломни и сейчас можно увидеть вблизи Пудости. В них, рискуя жизнью, проникают питерские спелестологи (см. главу «Тайцы»).

Если пойти налево от железнодорожного полотна, то метров через 500 дорога приведет нас к мосту. Место это называется Мызой Ивановой.

Сразу же за мостом — старинный деревянный барский дом, находящийся в аварийном (если не сказать хуже) состоянии. Еще видны резные

наличники, картуш для герба, но рухнула веранда, обращенная к реке, и видно, что дом доживает последние дни. У моста сохранились развалины мельницы и остатки плотины. Недалеко от дома — следы старинного парка с группой лиственниц. Но теснят, теснят старую усадьбу дачные домики, и все труднее отыскать в окружающем пейзаже «следы веков минувших». А ведь когда-то на доме висела мемориальная доска, напоминавшая нам о хозяевах усадьбы.

В 1791 году некий выходец из Германии Штакеншнейдер арендовал в Пудости мельницу *«о двух поставах с принадлежащими к оной полями и санными покосами»*. Дела, видимо, шли хорошо, потому что в 1798 году мельник построил на берегу реки каменный дом с цветником, украшенный вазами и мраморными статуями. Немаловажно, видимо, было и то, что наследник Павел Петрович с супругой и свитой любил заезжать к мельнику Штакеншнейдеру. Так, 5 ноября 1796 года Павел Петрович и Мария Федоровна в четырехместных санях с генералом Котлубицким на запятках выехали пикником на Гатчинскую мельницу, где состоялось «обеденное кушание» у мельника Штакеншнейдера. Здесь же произошло знаменательное событие. Граф Ростопчин рассказывает, что перед обедом Павел Петрович вдруг рассказал присутствующим свой сон: будто некая невидимая сила возносит его к небесам. К общему удивлению, Мария Федоровна призналась, что видела в эту же ночь тот же сон. И вот, когда они уже возвращались в Гатчину после обеда у Штакеншнейдера, им навстречу выехал гусар и сообщил, что дома их ожидает князь Николай Зубов, явившийся с важным известием. Теряясь в догадках (как известно, князь Платон Зубов, брат Николая, был последним фаворитом Екатерины II), ожидая неприятностей, Павел Петрович и Мария Федоровна поспешили в Гатчину. И там они узнали, что императрица при смерти, и что наследник престола должен срочно прибыть в Петербург.

Итак, мельница Штакеншнейдера (и ее владелец) пользовались благоволением «сильных мира сего», и детство родившегося здесь в 1802 году мальчика Андрея было счастливым. Впоследствии он тепло вспоминал о годах, проведенных на Мызе Ивановке, часто приезжал сюда. Одного из известнейших архитекторов эпохи эклектики Андрея Ивановича Штакеншнейдера мы знаем по множеству построек в Петербурге и его окрестностях. Это и дворец Белосельских-Белозерских на углу Невского и Фонтанки, и Мариинский дворец на Исаакиевской площади, и вели-

ко княжеские резиденции вдоль Петергофской дороги. А здесь, в Пудости, была его родина. Став владельцем отцовского имения в 1856 году, он расширил его, украсил, осушил болота. Вот об этом и напоминала когда-то мемориальная доска на нынешних развалинах дома Штакеншнейдеров.

Дом всегда был полон гостей. Здесь подолгу жили поэты А. Майков, Н. Щербина, В. Бенедиктов. А душой дома была не хозяйка популярного светского салона, супруга Андрея Штакеншнейдера, а их дочь Елена. Сюда, на Мызу Ивановку, приезжала она каждое лето до самой смерти.

Удивительным человеком была Елена Андреевна Штакеншнейдер. Инвалид с детства, она, волею обстоятельств, много читала, думала, вела дневник. Ею восхищались известнейшие литераторы того времени. «Горбунья с умным лицом». — называл ее И. Гончаров. «На костылях и с больными ногами, умная, добрая и приветливая». — писал о ней В. Микулич. Своим другом считал Елену Андреевну Достоевский, но, в то же время, именно ей доверил свой архив и народоволец П. Лавров. Всю свою короткую жизнь Елена Штакеншнейдер вела дневник.¹ Это ценнейший источник по истории 60–80-х годов XIX века. Краткие меткие характеристики — и перед нами, как живые, встают Николай Михайловский и Людмила Шелгунова, Федор Михайлович и Анна Григорьевна Достоевские, семья Федора Толстого. Это дневник для себя — но он тактичен, когда дело касается, скажем, несостоявшейся женитьбы Петра Лаврова на Жозефине Рюльман. Сколько в записях Елены Штакеншнейдер негодования против тех, кто вмешивается в чужие судьбы, пусть даже с самыми благими намерениями — и разрушает их. (Жозефина Рюльман после смерти первой жены поэта Я. Полонского выходит за него замуж, становится известным скульптором. И только в дневнике Елены Штакеншнейдер остается образ девушки, чьи первые надежды на счастье были так неуклюже разрушены «доброжелателями»). Кстати, Я. Полонский и его первая жена Елена Устюжская были частыми гостями Ивановки. И после трагической смерти жены Полонский пишет Елене Штакеншнейдер: «Нет, не могу я быть у вас в Ивановке <...> мне беспрестанно в саду и в доме слышен голос моей Елены».

¹ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886) — М.—Л., 1934.

Записи в дневнике Елены Штакеншнейдер, касающиеся политических событий того времени, сентиментальностью не страдают. Вот как описывает она время после 1861 года — года освобождения крестьян “...едва протерев глаза, все заговорили о новом, захотели нового. Все принялись что-то делать, не то строить, не то разрушать, я не разберу; конечно, на словах”. Не есть ли это краткий и точный портрет русского либерализма, верный и в XIX, и, увы, в XXI веке. А вот емкая, уместившаяся в одной фразе характеристика «передовой женщины» Людмилы Шелгуновой: «Она умна, то есть может говорить обо всем».

Может быть, я несколько отвлекаюсь от темы путеводаителя, но не могу не привести здесь выдержку из дневника Елены Штакеншнейдер от 5 марта 1861 года (всего через пару недель после знаменитого Манифеста от 19 февраля).

«От царского подъезда и до Невского во всю длину торцовой стоял народ. <...> День был чудесный, светлый и теплый, но на улицах грязь невылазная, и так же на площади перед дворцом все мерзлый снег, лужи, лед и грязь. Расчищена была торцовая для проезда царя, но зато весь снег и вся грязь с нее была накинута по сторонам, и на ней-то и стоял народ.

На адмиралтейских часах пробило час дня, когда подали царскую коляску и на крыльце явился Александр Николаевич. <...> Сняв шапки, не переставая кричать “ура!” — народ упал на колени.

Царь ехал бледный, как полотно, и по мере того, как подвигалась его коляска, народ все падал при ее приближении, а задние вставали и бежали за коляской, и все гудело “ура!”

Только “ура!” и больше ни с одной стороны, ни с другой, ничего. Бледный и безмолвный человек в коляске и мокрый, опускающийся в грязь и поднимающийся из грязи народ и это “ура!”. Точно единственное слово, единственный звук речи глухонемого.

<...> Бедный, бедный царь и бедный народ. Не понимающие друг друга, и которым нужно, чтобы понять <...> это немецкое “ура!”.

Бледный царь ехал в коляске, по колени мокрый народ бежал за ним”.

Только что прогремел Манифест об освобождении крестьян. Всеобщая эйфория! Сбылась вековая мечта передовых людей России! Герцен из дальних краев приветствует Александра II евангельскими словами: «Ты победил, Галилеянин!». А тихая горбатая женщина записы-

*Развалины "Розовой дачи". 2003 г.
(фото автора)*

вайт в своем дневнике пророческие слова: «Бедный, бедный царь и бедный народ».

В 1850-х годах на месте старого дома Андрей Штакеншнейдер строит новый, деревянный — тот, что сейчас разрушается на наших глазах. Его до сих пор называют Розовой дачей. В каменном здании мельницы до недавнего времени был небольшой заводик по производству упаковки. Потом, как рассказала нам с Пассажиром-профессионалом симпатичная женщина, местная жительница, владелец заводика уехал на историческую родину, а обитатели ближних домов, немного подождав, растащили все, что могло пригодиться в хозяйстве, вплоть до черепицы с крыши. Потом мальчишки баловались с огнем... словом, сейчас от мельницы остался лишь закопченный каменный остов.

Сделав несколько снимков (через год здесь уже нечего будет фотографировать), мы уходим. Но долго еще в прозрачной осенней тишине слышится звук отдираемых досок и уханье топора. На Розовой даче есть еще чем поживиться. А бывшая мемориальная доска с гордым «Охраня-

*Мельница в Пудости. 2003 г.
(фото автора)*

ется государством...» канула в вечность, куда уходит навсегда и любимая Мыза Ивановка Елены Штакеншнейдер. И почему-то хочется сказать: «Простите нас...»...

* * *

Но история продолжается. И в начале XX века солнечным майским днем некий молодой человек, весело насвистывая, совершает прогулку вдоль Балтийской железной дороги.

*Я шел Балтийской линией. Мой отдых
Был в Дудергофе сладостно-картинном,
У озера, похожего на лужу.
Потом я шел на Тайцы, встретил Пудость
Впервые на пути своем, где речка
Ижорка малахитовой водою
Своей меня совсем зачаровала
И где я мимоходом нанял дачу...*

Молодой человек живет в Пудости, к нему приезжает из Петербурга подруга — Евгения — которую поэтически настроенный молодой человек называет Златой. За ее ли золотые волосы или за ремесло (Евгения работала в золотошвейной мастерской). Молодые люди счастливы.

*Июнь во всем: и в шепоте дремотном
Зеленых струй форелевой реки,
И в золотисто-желтых неньюфарах...*

Но вот под мостом через Ижорку застревает лодка. Молодой человек, как истый джентльмен, помогает сидящим в ней дамам. И начинается роман с некоей Диной...

*Я забывал про все, и к ней в объятия
Бросался как в кипучий водопад.
Я круто прекратил бывать у Златы,
Не отвечал на письма, сильно запил,
Страдая, упивался новой страстью,
Совсем запутался в противочувствах,
И вскоре переехал с дачи в город...*

Злата не простила своего возлюбленного. Несмотря на рождение дочери Тамары, она порвала с ним. Вышла замуж за порядочного человека, уехала с ним в Германию...

А наш молодой человек на следующий год уже отвечает на страстные письма Зины, сестры Дины, предлагая ей поселиться в той же Пудости.

*Мне Зина приглянулась и тогда же
Я предложил ей переехать в Пудость,
Она охотно сразу согласилась,
И вскоре мы поехали в деревню...*

Но, увы:

*Еще в начале года я расстался
С любовницейю третьей: поведение
Ее меня принудило. Хозяин
Избы такие сообщил мне вести,
Что поступить иначе я не мог бы...*

Да, видимо, то, что прощается мужчине, никогда не прощается женщине. И молодой человек на следующее лето снова приезжает в роковую Пудость и пускается во все тяжкие.

*С Перунчиком, поэтом-анархистом,
Моих же лет, с которым я случайно
У Фофанова сблизился весной,
Уехали мы в Пудость, где избушку
На курьих ножках сняв, ловили рыбу,
Мечты, стихи и девок деревенских!*

Не знаю, как с рыбой в реке Ижорке, а с деревенскими красавицами в Пудости все было в порядке. Молодого человека утешала некая «кума Матреша».

*Я называл ее тогда Предгрозей: имя
Я произвел от душного: «предгрозье».
Она томила, как перед грозой
Томит нас воздух...²*

И, с прощальным: «Ах, хороша была кума Матреша!», молодой человек покидает Пудость...

Можно по-разному относиться к творчеству поэта Игоря Северянина. Кого-то тошнит от его «качалки грэзерки» и «каретки куртизанки», но кто-то не может забыть горькое:

*Как хороши, как свежи будут розы?
Моей страной мне брошенные в гроб.*

Или ироническое:

*Сантиментальничать ли создан мужичина
Без положенья в обществе и чина.*

² Эти и предыдущие стихотворные строчки взяты из: Северянин И. Падучая стремнина (Роман в стихах) в 2-х ч. — Berlin, O. Kirchner und K., 1922.

Ре-ми (Ремизов). Игорь Северянин. Шарж.
"Новый Сатирикон", 1916, № 6

Но, как бы-то ни было, через 16 лет знаменитый поэт Игорь Северянин, живущий в Эстонии, получает письмо от Златы — ныне фрау Евгении Менеке. Она рада услышать, что он жив, что не затерялся в революционном вихре, предлагает свою помощь. Поэт и его молодая супруга Фелисса Круут едут в Берлин. *«Приехали мы в Германию нищими: я — в рабочей, заплатанной куртке, Ф.М. в пальто из одеяла. Злата нас устроила у знакомой дрессировщицы собачек, бывшей цирковой наездницы на Gipsstr».* Увы, Фелисса Круут не была готова к тому, что вместе со Златой Игоря Северянина встретит его 16-летняя дочь Тамара. Та самая, о которой — мучительное стихотворение 1910 года:

*Ты ко мне не вернешься даже ради Тамары,
Ради нашей дочурки, крошки вроде коралла...*

Не удивительно, что *«вскоре Ф.М. поссорилась со Златой и отстранила ее от участия в совместных наших вечеринках».*

Так и окончился давний роман, разгоревшийся в Пудости, на берегах форелевой реки. Но слишком часто в стихах Игоря Северянина появляется малахитовая река, мельница, старинный гатчинский парк — и имя Евгения.

*Это имя мне мстило жестоко
за забвенье, позор, за измену.*

А Пудость то и дело всплывает, как истинная форель:

*У мельницы дряхлой, закутанной в мох
Рукою веков престарелых,
Где с шумом плотины сливается вздох
Осенних раки т пожелтелых,*

*Где пенятся воды при шуме колес,
Дробя изумрудные брызги,
Где стаи форелей в задумчивый плес
Заходят под влажные взвизги*

*Рокочущих, страстных, падучих валов,
Где дремлет поселок пустынный....*

Что еще можно добавить к этой давней истории. Разве только слова нашего современника:

*Когда идет поэтов собиранье,
Тех, кто забыт и кто полузабыт,
То забывать нельзя про Северянина —
Про грустного Пьеро на поле битв.
(Евг. Евтушенко)*

И еще. Вы заметили, что на протяжении всех наших пудостских воспоминаний насмешник Пассажир-профессионал не сказал ни слова? Может быть, иногда не стоит бояться показаться немножко сентиментальным? Скажем, выйдя на станции Пудость...

Царская охота (Мариенбург)

Следующая остановка за Пудостью — Мариенбург. Собственно, это уже Гатчина, по крайней мере, сразу за железнодорожным переездом начинаются дворцовые парки. А по другую сторону железной дороги, прямо от переезда отходит необычная улица, вся сплошь застроенная одинаковыми деревянными домами, украшенными резьбой. Это бывшая Егерская слобода — место, где жили егеря придворной охоты.

Гатчинские земли славились своей охотой еще при графе Орлове, но большая царская охота начала свое существование в этих местах с тех времен, когда Екатерина II подарила Гатчину наследнику Павлу Петровичу. Нельзя сказать, что будущий император Павел очень любил охотиться. Скорее он воспринимал внешнюю сторону событий: яркие костюмы, веселую суету, звонкий лай собак, звуки рожков и приподнятое праздничное настроение, сопутствующее охоте. Громадное впечатление на него произвела охота на оленя в Шантийи, которую во время пребывания наследника русского престола во Франции (июнь 1782 года) устроил для него принц Конде. «Ах, Боже мой, как это красиво!» — неоднократно

Вокзал в Мариенбурге. 1899 г.

восклицал Павел во время этой охоты. Принц Конде пожелал, чтобы великий князь Павел сохранил приятные воспоминания о Шантийи. Поэтому художнику Лепану было поручено запечатлеть на холсте заключительный эпизод охоты. Наверное, вот этот: «Принц велел гнать зверя от боскета <...> и взят он был только в большом канале против зверинца, после погони за ним по всему парку. <...>. Канал сразу окружило множество любопытных всевозможных состояний и всяких цветов одежды, и воды, отражая столько разных двигающихся предметов, представляли замечательное зрелище»!

Картина Лепана до сих пор хранится в Гатчинском дворце. Но, по воспоминаниям современников, скажем, князя Долгорукова, будущий император "...не был охотником, но в угоду графу Пушкину, страст-

¹ Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. — Спб., 1995.

ному охотнику до собак, выписывал на всю осень к себе придворную большую охоту. <...> Охотники выезжали рано утром; гоньба продолжалась и после обеда, и возвращались во дворец поздно вечером, иногда с очень хорошей добычей”.² А “сердечный друг” великого князя фрейлина Екатерина Нелидова пишет князю Куракину “Псовая охота на оленей, которой Вы интересуетесь, совсем не такова, как Вы себе, наверно, представляете. <...> Все удовольствие от охоты — заставить оленя бежать, и думаю, что именно в этом и заключается самое полное удовольствие”.³

Охоты эти бывали в Гатчине каждую осень, хотя участие в них Павла часто ограничивалось пикниками у лесничего Гундиуса. Но в те времена охота считалась одним из главных развлечений благородного человека, и Павлу приходилось поддерживать традицию. В гатчинском парке до сих пор существует павильон «Темпль», называемый также Павильоном Орла. По преданию, стоя на этом месте, Павел подстрелил орла. А там, где несчастная птица упала на землю, воздвигли Колонну Орла. Правда, на самом деле, колонна эта существовала задолго до Павла и, скорей всего, была связана с ненавистным ему именем Орлова. Но с легендой не поспоришь — она упорно связывает воедино павильон и колонну.

Расцвет гатчинской охоты начался в 50-е годы XIX века, когда в Мариенбург перевели большую придворную охоту. В то время считалось, что она «едва ли не самая богатая, как по количеству охотничьих собак, так и по разнообразию и ценности их пород». ⁴ Тогда-то и была построена вдоль берега реки Колпанки Егерская слобода — целая улица домов для егерей, двухэтажный дом главного егеря, здания конторы, пекарни, лавки Общества потребителей. Для холостых егерей был предусмотрен отдельный дом с квартирой повара. Была здесь и школа. Строилась Егерская слобода по проекту тридцатилетнего Георга Гросса. Проект был признан настолько удачным, что его зачислили архитектору вместо обязательной программы на звание академика.

Пятистенные рубленые бревенчатые дома обращены фасадами на одну улицу (еще недавно — ул. Комсомольцев-подпольщиков) и богато укра-

² Гатчина при Павле Петровиче, цесаревиче и императоре. — Спб., 1995.

³ Там же.

⁴ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. — Л.: Лениздат, 1991.

шены резьбой. Навесы над крыльцом, карнизы, наличники окон придают живописность однотипным зданиям, заставляя вспомнить старинные северные избы. За каждым домом — добротный каменный сарай.

Охотничьих собак — борзых, гончих, легавых, сеттеров — натаскивали за Гатчиной, возле деревни Вероланцы. Место было малонаселенное — леса, вырубки, поля — поэтому летом туда вывозили царскую псовую охоту. Свидетельство очевидцев: *«Интересная картина была при выезде в поле. Впереди седой старший егерь на лошади с большим медным рогом. За ним, образуя каре, остальные егеря, тоже с рогами и арапниками. В центре каре гончие, некоторые на сворках по пяти. Когда все выстраивались, старший егерь снимал шапку, крестился и говорил: "С Богом!". Кавалькада отъезжала на натаскивание собак. Если какой-нибудь неразумный гончак от нетерпения преждевременно выскочит, ближний егерь, перегнувшись с седла, так его ожжет арапником, что тот навсегда забудет, как нарушать порядок. Но с какой радостью собаки бросались в гон, когда их спускали и раскрывали каре!»*⁵

Когда-то у борзятников для собаки имелась своя терминология, вероятно, столь же обширная, как у моряков для корабля. Шерсть называли «псовиной», отсюда термин «густопсовый», хвост — «правилом», морду — «щипцами». Любопытно было бы, наверно, послушать разговор знатоков...

Пассажир-профессионал: Из всех русских царей, державших охоту в Гатчине, самым заядлым охотником был, пожалуй, Александр II. В воспоминаниях современников то и дело встречаются связанные с этим анекдоты. На медвежью охоту императора частенько сопровождал полицейский надзиратель из Малой Вишеры лысый толстяк Пальмовский, «бочонок», как называл его Александр. Отличался Пальмовский тем, что всегда умел рассмешить государя — например, вскочить на тушу убитого медведя, схватить зверя за уши и сделать вид, что скачет на нем. И когда Пальмовского уволили за взяточничество, достаточно было Александру по-

⁴ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. Записки очевидцев. — Л.: Лениздат, 1991.

⁵ См. Д.А. Засосов, В.И. Пызин.

*Бывшая Егерская слобода в Мариенбурге. 2003 г.
(фото автора)*

интересоваться: «А где же бочонок?»», как проштрафившегося полицмейстера сразу же вернули на прежнее место.⁶

А «князь-республиканец» П. В. Долгоруков, комментируя царскую охоту, ехидно замечал, что «охоты эти отличаются большой веселостью... Ужины на этих охотах бывают отличные и, говорят, — продолжительные».⁷

В центре Егерской слободы возвышается нарядная, недавно отреставрированная церковь в русском стиле. Это храм Покрова Пресвятой Богородицы, возведенный по эскизному проекту академика архитектуры Д.И. Гримма (**Круговая, 7**). Проект был утвержден лично Александром III, и в 1886 году в Высочайшем присутствии состоялась закладка церкви. Семь колоколов для храма изготовили здесь же в Мариенбурге на меднолитейном заводе А.С. Лаврова. Александр Степанович Лавров,

⁶ См. Садовской Б. Записки (1881–1916) / Российский архив: История Отечества и свидетельства и документах XVIII–XX вв. — М.: 1991.

⁷ Долгоруков П.В. Петербургские очерки — М., 1992.

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Егерской слободе
в Мариенбурге. 2003 г. (фото автора)*

отставной генерал-майор артиллерии, изобрел способ получения фосфористой бронзы и наладил отливку церковных колоколов, которые получались более совершенными, чем отливаемые по традиционному методу. В строительстве церкви участвовали известные петербургские фирмы. Так, каркасы куполов, кресты, покрытия, металлические балки выполнил знаменитый чугунолитейный завод Ф.К. Сан-Галли. В механической лаборатории Института инженеров путей сообщения испытывались на прочность кирпичи и каменные плиты. Иконы для нового храма исполнил московский художник Н.М. Софронов. Храм был освящен, и, по повелению Александра III (как известно, любившего Гатчину, да и охоту тоже), включен в число придворных церквей. Судьба церкви сложилась относительно счастливо. После упразднения Царской охоты с 15 мая 1917 года храм стал приходским. В 1932 году его закрыли совсем, но в 1942 году во время немецкой оккупации по ходатайству прихожан службы возобновились. Так что с 1942 года по нынешний день церковь действует.

И с этим храмом связана судьба отца Петра Белавского, потомственного тайцкого священника, о котором мы уже рассказывали. Последние годы своей жизни (с 1955 года) он был священником церкви в Мариенбурге.

Причина перевода его из большого Гатчинского собора была, очевидно, скрыта в настороженном и подозрительном отношении к нему властей, как к представителю старого, консервативного духовенства. Уполномоченному явно не нравилось и то, что к отцу Петру из разных мест съезжались богомольцы, многие из которых знали его еще с 20-х годов.

Когда-то храм в Мариенбурге имел богатое убранство. В нем, бывало, служил сам Иоанн Кронштадтский. Дружеские отношения связывали его с настоятелем Василием Левитским, чья могила находится здесь же, у алтарной стены храма. С приходом отца Петра мариенбургский приход стал расти. Многие из гатчинской паствы последовали за своим батюшкой. Потянулись прихожане из Тайц, Пудости, Красного Села из Ленинграда и даже из Кронштадта. Хрущевские гонения 60-х годов, по счастью, обошли стороной мариенбургский приход.

За двадцать с лишним лет служения в Мариенбурге о. Петр получил много наград, включая третий Патриарший крест и право служения с открытыми Царскими вратами до Херувимской.

Весной 1976 года отец Петр по возрасту был снят с должности настоятеля и переведен за штат. Настоятелем Мариенбургской церкви был

назначен архимандрит Кирилл (Начис). Последнюю настоятельскую службу в своей любимой Покровской церкви о. Петр отслужил в день Жен Мироносиц — 9 мая 1976 г. Он очень тяжело переживал этот неожиданный указ. Особенно угнетало его сознание, что заштатные священники с хрущевских времен лишены были права служить (разрешалось только сослужение при архиерее). А жизнь без богослужений казалась отцу Петру тяжелым испытанием на склоне лет. Но по благословению Святейшего Патриарха Пимена и по указу митрополита Никодима отец Петр получил возможность совершать богослужения по согласованию с настоятелем. Обычно батюшка служил литургию по субботам, а в праздничные дни сослужил архимандриту Кириллу.

В ясный осенний день 1979 года скончалась матушка Ксения Васильевна. И ее разрешили похоронить на церковной территории, хотя кладбище у церкви уже давно было закрыто (запрет распространялся даже на урны).

После смерти матушки отец Петр начал быстро слабеть. Все хуже становилось зрение. И вечером в среду 30 марта, в день преподобного Алексия, человека Божия, отец Петр неожиданно для близких тихо и безболезненно отошел в мир иной.

С ходатайством митрополита Антония поехали в горсовет просить разрешения похоронить почившего отца Петра у церкви рядом с матушкой. Разрешение получили быстро и легко, готовили могилу. Казалось, все было благополучно. Но как только уполномоченный узнал от митрополита Антония, что скончался протоиерей Петр Белавский, он захотел узнать, где его хоронят. Выяснив, что около храма по разрешению гатчинских властей, чиновник был весьма недоволен: «Если бы я знал раньше, — сказал он, — я бы запретил. Народ будет ходить...» Но могила возле алтаря была уже готова...⁸

* * *

Егеря жили в своей слободе до 1917 года, пока существовала царская охота. (Кстати, в 1896 году в одном из домов был даже открыт музей истории егерей). Сейчас в домах Егерской слободы тоже живут (уже не егеря, конечно). Некоторые дома заколочены и медленно разрушаются, а

⁸ См. <http://pokrov.gatchina.ru>

в некоторых наоборот — приделаны новые крылечки, вставлены новомодные оконные рамы. Если честно, то и то, и другое — грустно. Не понимают нынешние владельцы, какое сокровище им досталось, как уродуют они старинный дом белыми рамами из металлопластика. И все же Егерская слобода еще сохранила черты старой Гатчины. И, хотя, наш путь лежит дальше — в Егерской слободе стоит немного задержаться, ощутить ту вечно ускользающую атмосферу подлинности, которую не может возродить никакая реставрация. Здесь была царская охота.

Но Мариенбург — это не только Егерская слобода. Главные улицы поселка Набережная и Крайняя (ныне Кустова) были проложены еще в XVIII веке. К сожалению, построек того времени не сохранилось. Известно только, что при Марии Федоровне (супруге Павла I) здесь был «сельский воспитательный дом». А сейчас о старом Мариенбурге напоминает только несколько деревянных дач конца XIX начала XX века, разбросанных по поселку. Среди них — дом №5 по улице Кустова и дом №9 по улице Рошалья (Мариенбургской), принадлежавшие когда-то известному художнику-анималисту Р. Ф. Френцу. О нем говорили, что он «приписан» к царской охоте, и действительно художник с виртуозным мастерством изображал лошадей. Основными заказчиками Френца были члены царской семьи, и он сопровождал их в путешествиях, на охоте, на маневрах — всюду, где можно было рисовать лошадей в стремительном движении и неожиданных ракурсах.

Расставаясь с Мариенбургом, отметим «продвинутость» местных жителей. Еще в 1879 году мариенбуржцы поняли выгоду железнодорожного сообщения, и по их ходатайству (и за их счет) были построены платформа и станционное здание (арх. П.С. Купинский, автор старого вокзала «Гатчина Балтийская»).

Гатчина известная и неизвестная

Нет, “неизвестная” — это слишком сильно сказано. Существуют прекрасные книги, в которых достаточно полно и интересно изложена история не только гатчинского дворца и парка, но и самого города. И все же, все же... Мало кто из петербуржцев (и гостей нашего города) отклонится от накатанного маршрута: дворец — парк. С одной стороны, это понятно — великолепный гатчинский ансамбль восхищает, зачаровывает — а времени мало (его всегда мало). И город Гатчина остается в стороне не только от традиционных туристских маршрутов, но и просто от “маршрутов выходного дня” петербуржца. А жаль...

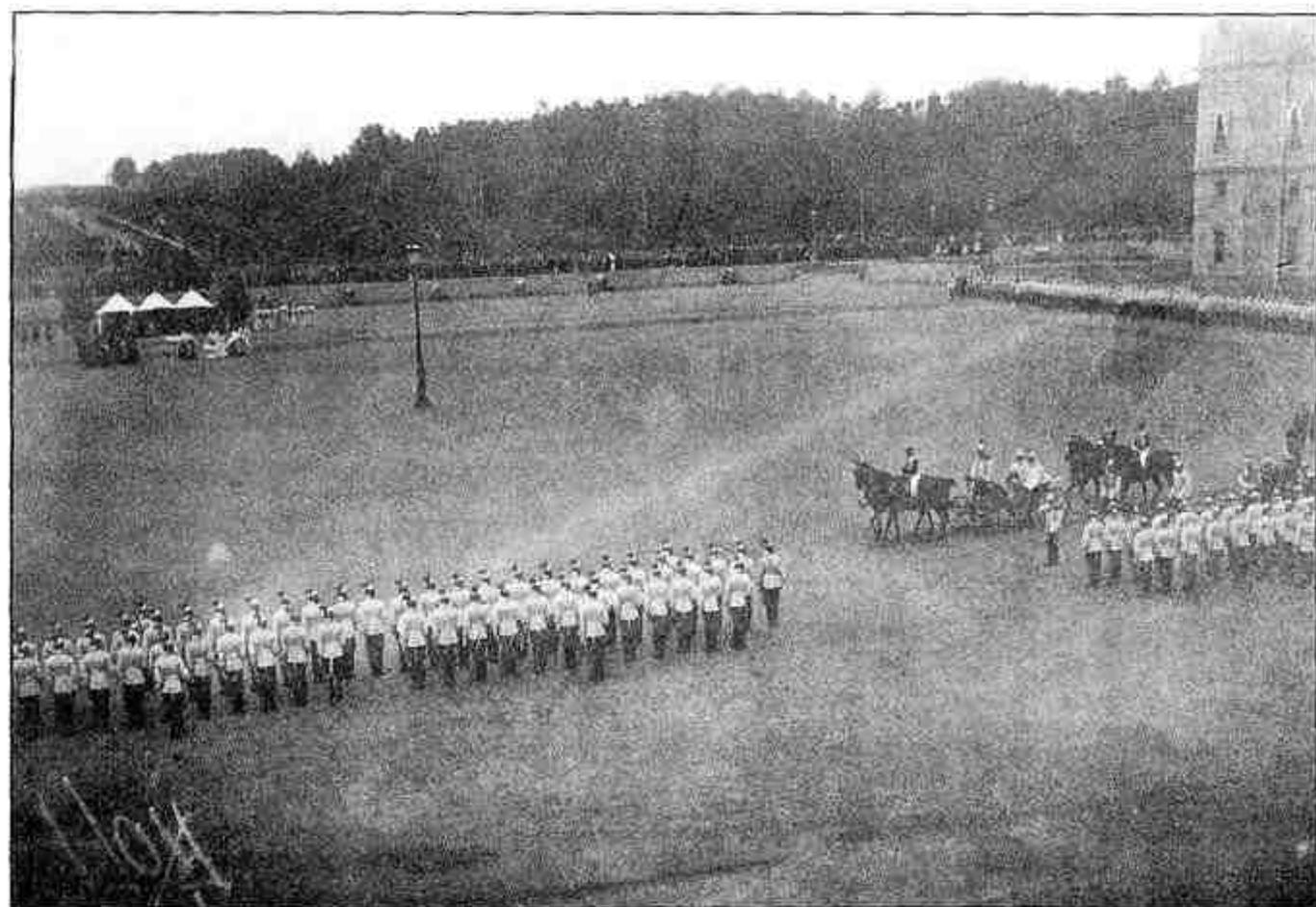
И тут **Пассажиру-профессионалу** пришла в голову мысль.

А почему бы нам хоть немножко не разнообразить привычный маршрут, и, выйдя в Гатчине, повернуть не к парку, а, наоборот, — в город? И пройти от вокзала станции Гатчина Балтийская до станции Гатчина Варшавская? Не скажу, что мы подробно осмотрим все гатчинские достопримечательности, но, может, что-то новенькое узнаем и увидим. А позже, если захотим, можно будет вернуться сюда с подробным путеводителем. Итак...

Итак, мы на станции Гатчина Балтийская. Современное здание появилось, конечно, уже после войны, а самое первое стояло прямо перед

*Памятник Павлу I перед Гатчинским дворцом.
Открытка конца XIX в.*

*Один из парадов на плацу перед Гатчинским дворцом.
Конец XIX в.*

дворцом. Оно было построено в 1873 году архитектором П.С. Купинским. Судя по старым фотографиям, здание это чем-то напоминало боярский терем. Бревенчатый с двускатными и четырехскатными крышами, множеством резных украшений — полотенца, гребешки, ажурные балясины балконов — вокзал простоял чуть больше десяти лет и уже к 1885 году оказался тесным. Новое здание построили на новом месте, так как император Александр III потребовал, чтобы вокзал не заслонял вида из дворцовых окон. Проектировал второй вокзал тот же архитектор П.С. Купинский. Теперь он построил строгое здание с гладкими стенами, а рядом — Царский павильон, увенчанный высокой шатровой башней. Открытие нового вокзала состоялось в 1899 году.

Выйдя на маленькую привокзальную площадь, мы увидим прямо перед собой великолепный романтический дворец, скорее замок, и памятник Павлу I перед ним. (Памятник выполнен по модели скульптора И. Витали и поставлен здесь в 1851 году). Вспомним, что дворец построен Антонио Ринальди для графа Григория Орлова, тогдашнего владельца Гатчины. Это конец 60 — начало 80-х годов XVIII века. Для облицовки замка использовались местные материалы — пудостский камень, парицкий известняк, черницкая плита. Как писал поэт Василий Рубан:

*Огромно здание из камня именита,
Которым Пудостка окружность знаменита,
Величием равно величию тех громад,
При Нильских берегах которые стоят.*

Тогда же вокруг замка были разбиты великолепные парки — Дворцовый, Сильвия, Зверинец... Но, собственно, история города Гатчины начинается с Павла I.

Нет, конечно, территория, на которой расположена Гатчина, известна с давних времен. Она числилась уже в составе Дятлинского погоста Водской пятины. В переписной книге, составленной в 1499 году московским писцом Дмитрием Васильевичем Китаевым, в связи с присоединением Ижорских (Водских) земель к Московскому государству, значится село «Хотчино над озерком Хотчиным». «Гатчина» (производное от Хотчино), скорей всего, восходит к слову «гать» — плотина, дорога через болото. Но это — всего лишь один из вариантов происхождения названия Гатчины.

По Столбовскому договору 1617 года ижорские земли на 85 лет становятся частью Ингерманландского генерал-губернаторства. А во время Северной войны со шведами, 13 августа 1702 года, вблизи реки Ижоры в решительной схватке русские пехотный и конный отряды, которыми командовал Ф.М. Апраксин, одержали победу над войсками генерал-губернатора Крониорта. Этой датой открывается новая страница в истории Гатчины.

Уже в 1708 году Петр I подарил Гатчинскую мызу любимой сестре царевне Наталье Алексеевне. За восемь лет мыза была благоустроена и стала походить на остальные имения, принадлежавшие членам царской фамилии. В каждой такой усадьбе существовали господский дом, избы для «ближних» и «дворовых людей», скотный и птичий дворы, теплицы, конюшни, погреба. Вблизи господского дома находились фруктовый сад, грядки с цветами и огороды. Видно, что утилитарное начало было выявлено сильнее, чем художественное, но живописное размещение всех строений и красота окружающего ландшафта способствовали тому, что позднее небольшие мызы превращались в обширные нарядные поместья и пышные резиденции.

Царевна Наталья Алексеевна умерла в 1716 году. В начале октября того же года Петр I велел «приписать» Гатчинскую мызу к госпиталю, но уже в середине ноября ее передали царской аптеке. В 1718 году Петр предоставил мызу медику Роберту Арескину, а через год после его кончины ее отдали президенту «медицинской канцелярии и аптеки» И.Л. Блюментросту.

По указу от 8 июля 1732 года, в связи с уходом И.Л. Блюментроста в отставку, Гатчинская мыза «отошла в казну». Через полтора года, 28 февраля 1734 года, Анна Иоанновна пожаловала Гатчинскую мызу с приписанными к ней деревнями обер-шталмейстеру князю А.Б. Куракину «в личное потомственное владение».

За тридцать один год владения Гатчиной А.Б. Куракин и его наследники значительно преобразили мызу. О характере и размерах хозяйства достаточно убедительно свидетельствуют данные, которые были опубликованы в 1765 году в объявлении о продаже «мызы Гатчины с принадлежащими ей 20-ю деревнями, лежащими одна от другой в близости; в них по последней ревизии мужеска полу 1180 душ, угодий, пашни, пашенного лесу и перелесов 4309, сенного покосу 1183, лесов 1909, моховых болот 5410, выгону 114 десятин».

Мызу в 1765 году купила Екатерина II, и вскоре подарила ее Григорию Григорьевичу Орлову, присовокупив еще села Кипень, Щунгурово, Лигово и Ропшу. Орлов не только оценил роскошь царского подарка, но и сумел понять прелесть здешних мест. Письмо, написанное им в 1766 году известному философу-просветителю Жан-Жаку Руссо, свидетельствует, что русский граф понимал красоту естественной, «нетронутой или только слегка исправленной природы». Орлов писал Руссо о Гатчинской мызе: «Мне вздумалось сказать Вам, что в 60 верстах от Петербурга у меня есть поместье, где воздух здоров, вода удивительна, пригорки, окружающие озера, образуют уголки, приятные для прогулок, и возбуждают к мечтательности... Итак, милостивый государь, если такой уголок вам по вкусу. — от вас зависит поселиться в нем».

Жаль, что философ не принял приглашения... А Екатерина после смерти Орлова покупает Гатчину и дарит ее наследнику Павлу Петровичу. Может быть, она хотела держать нелюбимого сына подальше от Петербурга, может быть — занять его делом, чтобы не участвовал в придворных интригах. Как бы то ни было, Гатчина многим обязана Павлу Петровичу и его жене Марии Федоровне. Это не только перестройка дворца, новые парковые затеи — павильон Венеры, Березовый домик, павильон Орла — или великолепная площадь Коннетабля, Приоратский дворец. Это еще и забота об обывателях. Чтобы дать им работу, Павел Петрович повелел открыть в Гатчине маленькие фабрики и мастерские — суконные, замшевые, полотняные, золотошвейные. За Мариенбургом расположены были стеклянный и фарфоровый заводы, выпускавшие дешевую посуду. Ну а, вступив на престол в 1796 году, император Павел сразу же делает свою любимую Гатчину городом. И даже упраздняет ради нее город-соперник — старинное Рождествено, повелев всем рождественским купцам и мещанам переселяться в Гатчину.

На старых планах 1790-х годов мы уже видим складывающуюся планировку города. Одна из первых улиц — Большой проспект (перебывавший потом и проспектом Павла I, и проспектом 25-октября). Это и теперь главная магистраль Гатчины, называемая... проспектом Павла I. Туда-то мы сейчас и отправимся.

Дорога очень приятная — меж двух парков, Дворцового и Приоратского, мимо живописного Собственного сада. Он расположен у самых стен

дворца и когда-то примыкал непосредственно к личным апартаментам Павла I. Что такое Собственный сад? Это место, куда можно выйти утром в туфлях и халате, уютное, свое. Место, куда допускается только узкий круг избранных. Таков Монплезир в Петергофе или сад, устроенный по повелению Екатерины II возле Камероновой галереи в Царском Селе. Гатчинский Собственный сад расположен на искусственно приподнятой площадке и огорожен решеткой. Инженерно-архитектурная планировка сада принадлежит Винченце Бренна — архитектору, перестраивавшему Гатчинский дворец в 90-х годах XVIII века по повелению Павла. На небольшой, около полугектара, площади Бренна ухитрился разместить все, что полагается иметь в регулярном парке. Тут и обилие мраморной (в основном, итальянской) скульптуры, и крытые аллеи-берсо.¹

Дальше, перейдя горбатый мостик, поворачиваем направо и идем вдоль восточного берега Карпина пруда к необычному сооружению, называемому «балкон на проспекте». Оно напоминает пятигранный крепостной бастион. Балкон — прекрасная смотровая площадка, огражденная балюстрадой. Он сложен из парижской плиты в 1792 году. Вниз на проспект Павла I можно спуститься по двум симметричным лестницам.

Но давайте задержимся на балконе. С него открывается прекрасный вид на два моста, по которым проходит проспект — Львиный (Карпичный) и Адмиралтейский (Мост с кордегардиями).

Трехарочный Львиный мост (справа от нас) отделяет Карпин пруд Дворцового парка от протоки в Приоратский парк. Мост построен Адрианом Захаровым в 1799—1801 годах. К сожалению, мост был взорван фашистами во время отступления; частично сохранился лишь средний пролет с замковым камнем в виде львиной маски, выполненной скульптором М.П. Александровым-Уважным. Сейчас мост восстановлен, по крайней мере, львиные маски заняли свои места над пролетами. Вообще-то по замыслу Захарова мост должны были украшать еще четыре скульптурные группы, изображающие «изобилие рек». Но после смерти Павла I строительство в Гатчине прекратилось, достраивали только те сооружения, работы над которыми уже близились к концу.

¹ berceau — фр. — «беседка», «арка», и аккуратно подстриженные линии кустов. Хорошо было бы, наверно, прогуляться по этому саду в теплый летний вечер, но, увы, как и во времена Павла, вход в него только «для избранных» (то есть, вместе с экскурсией по дворцу).

В перспективе проспекта справа просматривается площадь Коннетабля с одноименным обелиском. И опять — воспоминание о Шантийи: замысел создать площадь и поставить в центре ее обелиск возник у Павла Петровича после того, как он увидел обелиск в резиденции принца Конде, воздвигнутый в честь одного из выдающихся представителей этого древнего рода, герцога Анн Монморанси. Гатчинский монумент — четырехгранный обелиск, увенчанный медным золоченым шаром — создан по проекту Бренны в 1793 году. В истории обелиска есть совершенно фантастический момент: майской ночью 1881 года в него ударила молния и расколола почти до основания. Восстановили монумент только через пять лет, причем пришлось специально возобновить работы в уже закрытых к тому времени Черницких каменоломнях, чтобы добыть нужный камень. Тогда же обелиск снабдили громоотводом.

Адмиралтейский мост — однопролетный, перекрывающий протоку между Белым и Черным озерами. Он тоже пострадал во время войны, сохранились лишь два каменных павильона-кордегардии, перекрытые каменными куполами. У моста необычный парапет, изломанный под острым углом по середине арки. Когда-то под мостом существовал водопад — воды Черного озера с шумом низвергались в Белое.

Спустимся с балкона на проспект и остановимся у перил Адмиралтейского моста.

Слева — тенистый Дворцовый парк, и где-то там, перед дворцом, светятся воды изумительно прозрачного Серебряного озера. Озеро это примечательно еще и тем, что увидеть его можно только подойдя ко дворцу. А его необыкновенная прозрачность, видимо, стала причиной того, что именно здесь в 1881 году Степан Карлович Джевецкий демонстрировал императору Александру III свое изобретение — подводную лодку. Что ж, дадим слово **Пассажиру-профессионалу**.

Как рассказывает известный кораблестроитель академик А.Н. Крылов, Джевецкий за несколько дней до показа лодки бороздил озеро, изучая царскую пристань и как к ней ловчее пристать. Кроме того, он заранее заказал букет орхидей — любимых цветов императрицы Марии Федоровны. В день испытаний царь и царица сели в шлюпку и вышли на середину озера, а Джевецкий маневрировал возле них, иногда проходя под шлюпкой. Наконец, царь и царица

Император Александр III с семьей в Гатчине

С.К. Джевецкий

высадились на пристани, Джевецкий с необыкновенной ловкостью причалил и, преклонив колена, подал Марии Федоровне букет, сказав при этом: *“C’est le tribut de Neptune a Votre Majestü”*²... Меньше, чем через год 50 лодок Джевецкого были построены и приняты Инженерным ведомством.

Увы, лодка Джевецкого не пригодилась, как планировалось, для целей береговой обороны. Но Степан Карлович был автором многих изобретений, в том числе минных аппаратов, которые были приняты на вооружение и французским, и русским флотом.

² «Это дань Нептуна Вашему Величеству» — фр.

Справа от нас (напоминаем, что мы все еще стоим на Адмиралтейском мосту) — небольшое Черное озеро, Приоратский парк, и одна из жемчужин Гатчины — Приоратский дворец. Павел I, приняв под свое покровительство мальтийских рыцарей, намеревался разместить здесь резиденцию приора. Миниатюрный изящный дворец-замок пока еще плохо виден, потом мы подойдем к нему поближе и осмотрим внимательнее. А пока вспомним о строителе дворца, замечательном русском архитекторе Николае Львове.

Мы уже встречались с ним в Дудергофе (помните «ботаническое путешествие»)? А сейчас видим одну из самых удивительных построек Львова. Ведь дворец построен... из земли! Только высокая башня и подпорная стена террасы возле Приората — из камня. *«Фундамент дворца сложен из известкового камня на известковом растворе на глубину около двух метров. Над ним идет каменный цоколь, образующий пояс до начала оконных проемов. Сверху положен слой глины, смешанной с соломой, который служит до сих пор отличной гидроизоляцией. Выше идут стены, которые изготавливались методом набивки: земля насыпалась в опалубку слоем не более 16 сантиметров, а затем прессовалась трамбовками, уменьшаясь в объеме в два раза. Этот уплотненный слой покрывался известью и прослойкой измельченного кирпича и превращался в основание следующего слоя».*³

По мнению Львова, «землебитные строения» могли доставить сельским жителям здоровое, безопасное и дешевое жилище и послужить «для сбережения лесов российских». Увы, способ этот не привился, хотя одно то, что здание Приоратского дворца сохранилось до наших дней, говорит о возможностях «земляного строительства».

Пассажир-профессионал: Не могу не вспомнить давнюю заметку в журнале «Техника молодежи»⁴: «На берегу Невы в поселке Отрадный его жителем Федотовым А.С. был построен дом из земли в 1950 году». Интересно бы узнать, — что теперь с этим домом?

Задача перед Львовым стояла сложная — место для дворца было выбрано на перешейке между Черным и Глухим (Филькиным) озерами,

³ Ключарнанц Д.А., Раскин А.Г. Гатчина. Художественные памятники — Лениздат, 1990.

⁴ «Техника молодежи» — 1958 г. — №7.

пришлось осушать и укреплять топкий берег. Десятки тысяч кубометров земли, вынутой со дна озера, пошли на создание искусственных островков и холмов, чередующихся с оврагами. Вообще, Приоратский парк радует своей «неровностью», служа великолепным обрамлением для единственного паркового строения — Приоратского дворца, «земляного игуменства», как называл его Львов.

Но мы все еще стоим на Адмиралтейском мосту. Отмечаем, что слева хорошо виден Остров Любви с Павильоном Венеры, построенным в 1792 году. Легкое зеленое здание обшито трельяжной плетенкой, отсюда и другое его название: «Трельяж». А напоминает оно нам все о той же охоте на оленя в Шантйи, которая произвела неизгладимое впечатление на наследника Павла Петровича. Павильон Венеры — почти точная копия французского павильона. И, поскольку павильон в Шантйи не сохранился и известен нам только по гравюрам, его гатчинская копия-вариация приобретает особую ценность и для знатоков французской архитектуры.

Далее — выбирайте! Свернете ли вы после моста налево и начнете прогулку по действительно чудесному гатчинскому парку — и не по одному — заглянете в Павильон Венеры, увидите Чесменский обелиск, Колонну Орла и другие парковые затеи, посетите дворец, в конце концов, — или пойдете вместе с нами мимо Адмиралтейских ворот в город?

Вы с нами? Тогда не будем медлить.

Адмиралтейские ворота возведены в 1794–1796 годах архитектором Винченце Бренна. Они служат главным входом в парк со стороны города, и, как и большинство парковых сооружений, облицованы пудостским камнем. Название ворот связано с находящимся (увы! — находившимся; здание сгорело в 90-х годах прошлого века) неподалеку Адмиралтейством — деревянной постройкой на массивных каменных столбах. Здесь собирали и ремонтировали небольшие парусные и гребные суда, затем хранили модели старинных кораблей. Кстати, в павловские времена морские забавы на гатчинских озерах были весьма похожи на настоящие сражения. Считается, что именно от пальбы гатчинского «военного флота» оглох на одно ухо будущий император Александр I. А восьмипушечная яхта «Миротлюб», построенная в Адмиралтействе, долгое время стояла перед дворцом, и ее часто можно видеть на старинных гравюрах с видами Гатчины.

За Адмиралтейскими воротами — город, причем одна из самых оживленных его частей. Движение по проспекту Павла I напряженное, и вряд

ли выхлопные газы и вибрация идут на пользу гатчинскому дворцу и парку. Пожалуй, площадь Коннетабля и обелиск в перспективе проспекта справа, — последние приметы царской резиденции на нашем пути. Мы углубляемся в старую часть города, где от проспекта Павла I отходит бывшая Загвоздинская улица, ведущая в части Гатчины, называемые до сих пор Большой и Малой Загвоздкой. Загвоздинской улица была до 1864 года, когда по ходатайству гатчинцев ее переименовали в Люцевскую, в честь Ф.И. Люце, прослужившего в должности, как бы мы сейчас сказали, «мэра города», двадцать лет. Что ж, видимо, за время его правления город действительно изменился к лучшему. Вообще, жителям Гатчины везло с градоначальниками — иначе не повторился бы через 10 лет такой же случай с переименованием улицы Бульварной в Багговутскую, в честь другого «хозяина города» — К.Ф. Багговута. Но сейчас Люцевская улица именуется улицей Чкалова, а Багговутская до недавнего времени была улицей Карла Маркса. При всем нашем уважении и к знаменитому летчику, и к основоположнику передового экономического учения, вряд ли они сделали для Гатчины больше, чем господа Люце и Багговут.

Прямо напротив Адмиралтейских ворот, глаз радуется желтое здание классических пропорций на противоположной стороне проспекта. Увы, при ближайшем рассмотрении этот восстановленный и перестроенный Дом культуры мало чем напоминает дом командира Кирасирского полка, стоявший на этом месте с 1825 по 1918 год. «Синие кирасиры» («цветом полка», повторявшимся в деталях обмундирования, был синий) квартировали в Гатчине с 20-х годов XIX века.

Сохранилось здание казарм Кирасирского полка. Мы проходим мимо него, направляясь от вокзала ко дворцу. Первоначальное назначение здания — конюшни (XVIII век). А сейчас в нем располагается хранилище уникальных документов — Центральный военно-морской архив. Как работает архивистам в конюшнях?.. Не знаю.

Перейдя проспект и пройдя мимо Дома культуры, мы оказываемся в начале улицы Чкалова. Здесь находится небольшой сквер, на месте которого когда-то стоял дом Кирияна Пластинина, талантливого крестьянина-самоучки, каменотеса, бравшего подряды на строительство в Гатчине.

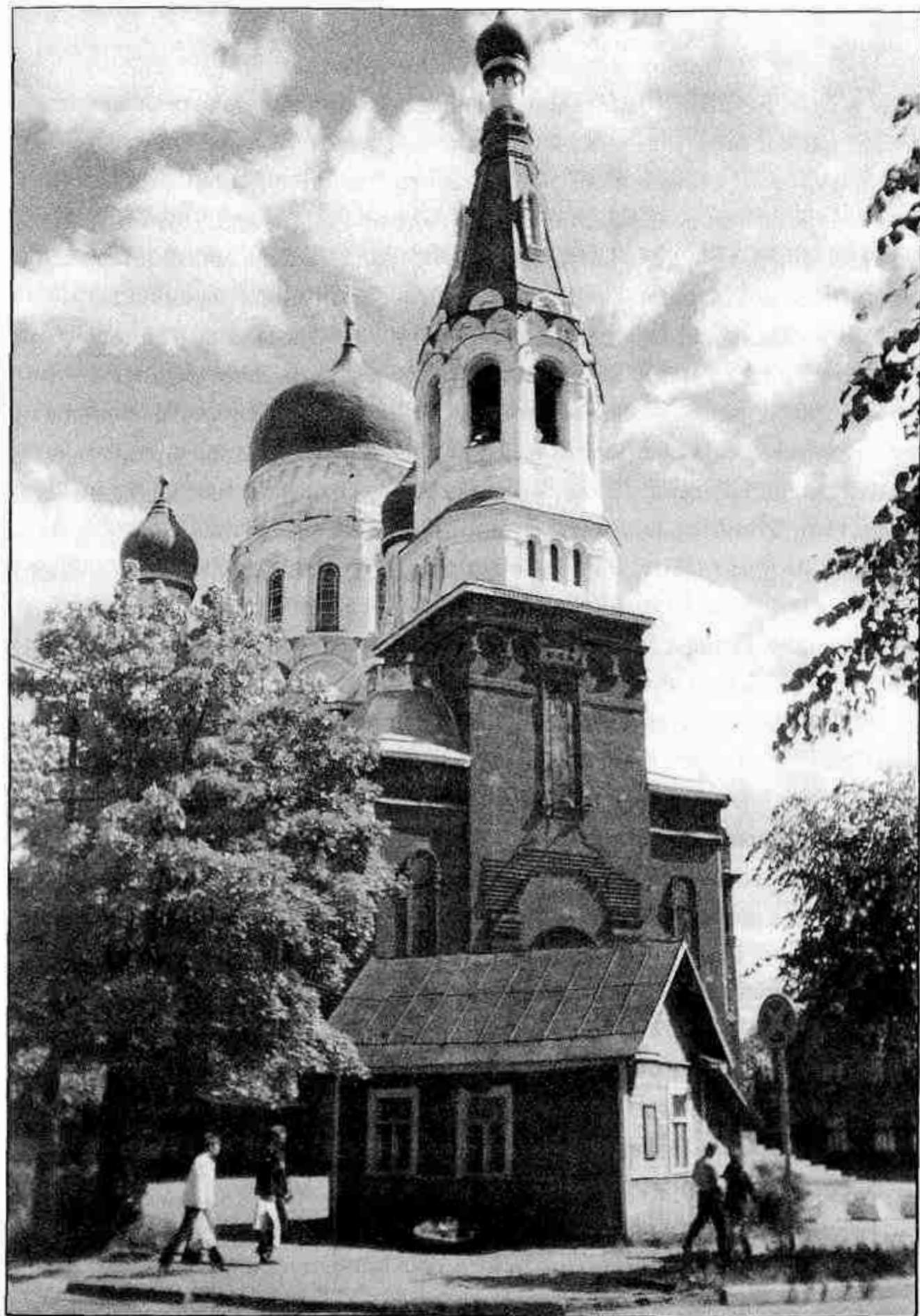
Почти сразу же от улицы Чкалова отходит улица Красная (когда-то Госпитальная). Можно заглянуть на нее (не очень отклоняясь от нашего маршрута) и увидеть, скажем, Съезжий дом с пожарной каланчой. До-

Гатчина. Багговутская улица. Открытка XIX в.

шедшее до наших дней каменное здание построено в 1868 году по проекту архитектора А.В. Кокорева, но, возможно, повторяет формы старого деревянного здания, стоявшего на этом месте и возведенного в 1836 году по проекту А.М. Байкова. Чудом сохранился красивый деревянный дом (**Красная, 6**) первой половины XIX века, принадлежавший полковнику В.В. Ольдерогге — участнику Бородинской битвы. Здесь же, на пересечении с бывшей Елизаветинской улицей (ныне **Достоевского, 2**) — небольшое подковообразное здание Суконной фабрики, построенное в конце XVIII века. Именно такие маленькие предприятия — суконное, полотняное, пуговичное — создавал здесь Павел I, чтобы изготавливать обмундирование для гатчинского войска. Возможно, автором проекта фабрики, называемой еще и «каменной ригой», был Николай Львов. Сейчас в здании Суконной фабрики — Гатчинский дом молодежи.

Издали видна церковь Покрова Божьей Матери (**Красная, 3**), построенная в 1904—1914 годах архитектором Л.М. Харламовым и инженером А.А. Барышниковым для подворья Пятогорского Богородицкого женского монастыря. Возводилась она на земле купца К.К. Карпова, безвозмездно подарившего свою усадьбу монастырю. Средства на строительство жертвовали многие жители Гатчины, и проект был разработан архи-

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Гатчине
(фото автора)*

тектором так же безвозмездно. Интересно то, что многие отделочные работы в церкви выполняли сами монахини. Они даже золотили кресты и детали иконостаса. Из-за начавшейся мировой войны церковь не успели оштукатурить. В таком виде она и достояла до наших дней. В 1939 году церковь, конечно, закрыли, но с 1992 года она опять действует.

Архитектор Л.М. Харламов с 1903 года был главным архитектором Гатчины. Им спроектированы для горожан много деревянных и каменных особнячков. Вот и на Люцевской улице еще можно увидеть дома №№ 30, 32, 38 и 51, построенные Харламовым. Они разные — побольше, поменьше — но, наверное, такие вот особнячки и создавали неповторимый облик провинциального уютного городка, которым всегда считалась Гатчина. Жаль, что далеко не все они находятся в хорошем состоянии. Явно недавно отреставрирован симпатичный дом № 67. Вывеска на нем гласит: «Тихая обитель». То есть, попросту говоря, похоронная контора. Вспоминается описание уездного города N в бессмертном романе Ильфа и Петрова: «*Это была приятнейшая из улиц, какие встречаются в уездных городах. По левую руку за волнистыми зеленоватыми стеклами серебрились гробы похоронного бюро "Нимфа"».*⁵ Кажется, в том же городе N существовала еще погребальная контора «Милости просим». «Тихая обитель» достойно вписалась бы в роман великих сатириков.

Еще одна гримаса провинциальной жизни. Почти напротив «Тихой обители» — памятник, стилизованный под старинный фонарь. Яркая белая надпись на нем гласит: «*Памятный знак установлен в честь основания предприятия Коллективом Гатчинской горэлектросети в 2002 г. Директор А.К. Румб*». Только успеваешь пожалеть бедных гатчинцев, у которых так поздно появилось электричество (и, видимо, только благодаря бурной и благородной деятельности названного А.К. Румба), как замечаешь скромную дату «1881» на другой грани памятного знака. Да, много есть способов увековечить свое имя!

Но дальше, дальше... Интересно то, что именно между Люцевской улицей и Черным озером проводились раскопки, и археологи нашли здесь следы древнего поселения. Может быть, это было то самое село «*Хотчино над озерком Хотчиным*»?

⁵ Ильф И., Петров Евг., Двенадцать стульев. — Собр.соч., т. 1 — М., 1961.

А в просветах между домами справа от нас все время мелькает Приоратский дворец. Теперь его можно рассмотреть подробнее и еще раз восхититься его удивительно романтическим обликом. Тем более, что на фоне черных елей и окружающих холмов дворец смотрится, словно маленький замок на одном из горных озер Швейцарии. Приору Мальтийского ордена принцу Конде не довелось пожить здесь, и в здании размещались то придворные музыканты, то канцелярия, то другие дворцовые службы. В 1905 году в Приорате было создано общество любителей старины, а иногда устраивались интересные художественные выставки как гатчинских художников, так и петербургских — например, И.Е. Репина.

Сейчас здание восстановлено, можно увидеть его необычные кессонные потолки, подняться на башню, полюбоваться видом на Приоратский парк. Сотрудники музея настроены оптимистически: закончить реставрацию дворца, привести в порядок территорию вокруг него, организовывать в первом этаже в зале капеллы музыкальные вечера. Бог в помощь!

Надо сказать, что с 1906 года Приоратский парк был единственным из дворцовых парков, доступ в который разрешался широкой публике. Здесь были устроены лодочная станция, купальня, музыкальная площадка для выступления военного оркестра, проложены дорожки для велосипедистов и любителей верховой езды.

И за всем этим весельем со своего берега наблюдали ученики реального училища, здание которого до сих пор украшает улицу Чкалова (теперь здесь школа № 4). Оно построено в 1899—1900 годах тогдашним главным архитектором города Н.В. Дмитриевым. Фасад здания оформлен в стиле неоренессанса.

Вообще нынешняя улица Чкалова еще хранит дух того городка, который так любил Александр Куприн. *«Весною вся Гатчина нежно зеленеет первыми блестящими листочками сквозных берез и пахнет терпким веселым смолистым духом. Осенью же она одета в пышные царственные уборы лимонных, янтарных, золотых и багряных красок, а увядающая листва белоствольных берез благоухает, как крепкое, старое, драгоценное вино».* И гатчинская сирень, так любовно описанная писателем, иногда еще встречается во дворах особнячков: *«... никогда еще и нигде за время моих блужданий по России я не видел такого буйного, обильного, жадного, великолепного цветения сирени, как в Гатчине».*

17 мая 1911 года Куприн купил на Елизаветинской улице дом в пять комнат с застекленной верандой. При доме был сад, двор, даже теплица, где Александр Иванович выращивал клубнику и любимые дыни-канталупы. Увы, дом Куприна не сохранился, сгорел во время последней войны. На его месте сейчас многоквартирный жилой дом.

А нам пора сворачивать с улицы Чкалова (она же Люцевская, она же Загвоздинская) к вокзалу Гатчина Варшавская. Попрощаться с Гатчиной, сесть в поезд и вернуться на тот же Балтийский вокзал, только уже по Варшавской линии железной дороги. Но, если у вас осталось время...

Недалеко от вокзала (**улица Чехова, 4**) стоит удивительный дом. Автор этого миниатюрного ансамбля в стиле "модерн" — архитектор С.С. Кричинский, строитель Соборной мечети в Петербурге, дворца Воронцовой-Дашковой в Шуваловском парке, Федоровского городка в Царском Селе. Описать дом невозможно, его надо видеть. И еще — помнить о его хозяине, человеке, пожалуй, столь же оригинальном, как и его жилище, — Павле Егоровиче Щербове (1866—1938).

(Выдержка из документа от 14 января 1919 года: «...гражданин Щербов освобождается от всяких обысков и реквизиций и вообще каких-нибудь обложений и обысков, как элемент буржуазный и нереволуционный, так как означенный гражданин Щербов является единственным человеком во всей России, как художник-карикатурист...»)

Павел Щербов учился в Академии Художеств, но вышел из нее, не удовлетворенный постановкой преподавания. У себя на квартире организовал группу художников «Ревущий стан». Известный фельетонист Влас Дорошевич назвал Щербова «божком смеха». Его рисунки (подписанные «Old Judge»⁶) заметил и оценил Александр Бенуа. Правда, Щербов довольно быстро ссорится с «мирискусниками» из-за действительно довольно грубой карикатуры на Дягилева и княгиню Тенишеву. Дочь Куприна Ксения вспоминает: «...самым близким другом отца был художник-карикатурист Щербов. Наши семьи были связаны очень тесной дружбой в течение многих лет».⁷ Еще до покупки своего дома в Гатчине Куприн частенько гостил у Щербова. Оба они были любителями пошутить, иногда шутки были, как говорится, «на грани фола». Так однаж-

⁶ «Старый Судья» — англ.

⁷ Куприна К.А. Куприн — мой отец. М.: Художественная литература, 1979.

П.Е. Щербов. А.И. Куррин в Гатчине (слева) — П.Н. Троянский, справа — М.М. Чупрытников)

ды, будучи в гостях у Щербова, Куприн, заняв у друга 5 рублей, отбил телеграмму государю-императору Александру III с просьбой даровать Балаклаве статус «вольного города». Император чувством юмора обладал: он приказал послать к Щербову полицмейстера со строгим наказом — запереть Куприна в доме и не выпускать до полного протрезвления. Куприн был в восхищении, считая, что Александр III *«ответил так, как и полагается настоящему пьянице»*.

Но, конечно, памятен дом Щербова не только шуточками Куприна. Здесь бывали Шаляпин, Брюсов, Горький, композитор Андреев (кстати, автор «Гатчинского вальса»). Громадный гулкий холл с камином считался как бы «сердцем» дома. Вокруг камина было развешено оружие, на полу лежала шкура белого медведя.

Благодаря заступничеству Горького, дом Щербова не был реквизирован и сохранился до наших дней почти без изменений таким, каким его построил Кричинский. Сейчас здесь краеведческий музей — уютный, своеобразный, пытающийся выжить в непростое постперестроечное время. Устраиваются выставки, музыкальные и литературные вечера — словом, Дом Щербова живет и, честное слово, стоит пропустить пару электрочек, чтобы побывать здесь.

Варшавские ворота Гатчины *(вместо заключения)*

*Т*о нынешним временам Гатчина находится близко от Питера — чуть более часа езды электричкой. Начинали мы наш путь на Балтийском вокзале города Санкт-Петербурга, но, в зависимости от того, какую линию выберем, попадем на разные гатчинские вокзалы — Балтийский или Варшавский. Сюда мы ехали так называемым «балтийским ходом», возвращаемся — «варшавским». А когда-то приходилось сначала добираться до Царского Села, а оттуда уже ехать в Гатчину. Причем, регулярное движение дилижансов между Гатчиной и Царским Селом началось только в 1838 году и продолжалось до 1854 года.

В 1851 году Высочайшим повелением было приказано «соорудить железную дорогу от С.-Петербурга к Варшаве». Уже 1 ноября 1853 года был сдан первый участок дороги: от Петербурга до Гатчины. Движение по нему осуществлялось двумя парами поездов. Паровозы для новой дороги поставлял французский завод Кайля. В 1859 году дорогу продлили до Пскова, а в 1862 году — до Варшавы.

Первое здание вокзала станции Гатчина Варшавская возводилось по проекту П.О. Сальмановича — строителя Варшавского вокзала в Пе-

Гатчина. Варшавский вокзал. Открытка начала XX в.

тербурге. К сожалению, оно не сохранилось, и нынешний вокзал построен уже после войны в стиле, вежливо называемом «выдержанным в духе ордерной классической архитектуры» (автор Д.П. Бурьшкин). Только по фотографиям начала века можно представить себе длинное одноэтажное здание старого вокзала с непеременимой «императорской половиной», вестибюлями для «особ 1-го, 2-го и 3-го классов», буфетом, кассовым залом. Современный вокзал — небольшой, довольно запущенный. Да и вокруг — ларьки разной степени неказистости, заплеванная автобусная остановка, разбитый асфальт площади — все, как везде.

А ведь в каком-то смысле Варшавский вокзал в Гатчине мог считаться «воротами в Европу». Его не миновал никто: ни Александр Блок, ехавший в Варшаву к умирающему отцу, ни тысячи и тысячи русских путешественников, которые лечились на водах в Баден-Бадене, собирали гербарии в Швейцарских Альпах, развлекались в Париже (где наезды «бояр рюсс», швырявших деньгами направо и налево, очень приветствовались).

И, как дорога в Европу, Варшавская железная дорога всегда славилась высоким уровнем комфорта и тем, что мы сейчас назвали бы «культурой обслуживания». Но уже первая русская революция внесла свои коррективы в облик дороги. Петербургский литератор С. Минцлов имел несчастье проехать до Гатчины 8 сентября 1905 года. «В вагонах Варшавской железной дороги грязь была невероятная: спрашиваю истоп-

ника — почему это? Тот ответил, что никто из чистильщиков не явился; в мастерской рабочие забастовали тоже и даже пробовали устроить прекращение движения поездов».¹ А причиной этому послужило то, что новый начальник дороги распорядился, чтобы за кипяток, который раньше выдавали служащим на станциях бесплатно, взыскивать по 1 копейке за чайник, а это «за поездку составляло добрый гривенник, что бедному человеку чувствительно».² Тот же начальник упразднил скидку, которой пользовались железнодорожники в станционных буфетах.

Последнее слово Пассажира-профессионала: Странно, сейчас вроде бы нет ни революции, ни надобности в кипятке на станциях, а в вагонах — не сказать, чтобы очень чисто. Да и с «прекращением движения поездов» без всякого предварительного объявления и последующего извинения сталкивался, наверное, каждый современный пассажир. А ведь прошло... Боже мой! Почти сто лет!

Оставив Пассажира-профессионала негодовать и предаваться подсчетам, завершим наше путешествие. Конечно, мы многого не видели в Гатчине. И по проспекту Павла I надо было бы пройтись, и знаменитый гатчинский собор архитектора Р. Кузьмина осмотреть, и с историей Гатчинского сиротского института познакомиться. И, в конце концов, сам Гатчинский дворец! А парк Сильвия! А Березовый домик! А...

Увы, электричка уже проскочила станцию Татьянино. Это, в сущности, еще Гатчина, и возникла станция по инициативе великой княжны Татьяны, дочери Николая II. Дело в том, что с началом первой мировой войны в Гатчине были устроены военные лазареты. Но построили их довольно далеко от вокзалов, возить раненых оказалось неудобно, поэтому в сентябре 1916 года появилась новая платформа, названная «Татьянино».

А сейчас, пока у нас есть час до Санкт-Петербурга, откроем какой-нибудь путеводитель по Гатчине (см. список литературы в конце книги). И пообещаем себе еще не раз прогуляться по этому уютному городку, начав — неважно, с какого вокзала. Ведь и Варшавская, и Балтийская дорога, («балтийский» и «варшавский» ход), — обе ведут в Гатчину.

¹ Минцлов С. Петербург в 1903–1910 годах. — Рига, 1931.

² Там же.

ЛИТЕРАТУРА, НЕ УПОМЯНУТАЯ В СНОСКАХ, ИЛИ УПОМЯНУТАЯ НЕ ВЕЗДЕ

Справочные издания

1. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга: историко-церковная энциклопедия в 3-х томах — СПб., 1996.
2. Барышников М.Н. Деловой мир России: историко-биографический справочник — СПб, 1998.
3. Земля невская православная: краткий церковно-исторический справочник — СПб., 2000.
4. Историческая застройка Санкт-Петербурга: перечень вновь выявленных объектов — СПб., 2001.
5. Исторические кладбища Санкт-Петербурга: справочник-путеводитель — СПб., 1993.
6. Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной — СПб., 2000.

Путеводители, мемуары, научные статьи и т. д.

7. Авиация в России — М., 1988.
8. Аминов Д. По старой Петергофской дороге // «Вечерний Петербург» — 27.09.—25.10.94 г.
9. Боханов А.Н. Романовы. Сердечные тайны. — М., 2000.
10. Выскочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. — СПб., 2001.
11. Гатчина: страницы истории / сост. Родионова Т.Ф. — СПб., 2001.
12. А. Глумов Н.А. Львов — М., 1980.
13. Гоголицын Ю.М., Гоголицына Т.М. Памятники архитектуры Ленинградской области — Л-д, 1978.
14. Голь Николай. Первоначальствующие лица: история одного города — СПб., 2001.

15. Горбатенко С.Б. Дудергофско-Таицкий историко-ландшафтный комплекс // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Сборник научных статей — СПб., 1994.
16. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель — СПб., 2002.
17. Красовская В. Анна Павлова — Л.-М., 1965.
18. Крылов А.Н. Мои воспоминания — М., 1963.
19. Кузнецов Э.Д. Павел Федотов. — Л.-д., 1990.
20. Ключарианц Д.А., Раскин А.Г. Гатчина. Художественные памятники — Л.-д., 1990.
21. Лурье С. Очень странное место // Искусство Ленинграда — 1990 — №5.
22. Николаева Т. И. К истории застройки Красного Села // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Сборник научных статей — СПб., 1994.
23. Паровян Н. Лиговский канал // «Вечерний Ленинград» — 13.09.84 г.
24. Петербургские дачные местности в отношении их здоровости — СПб., Изд. Симановского, 1881.
25. Петрова Т.А. Андрей Штакеншнейдер — Л.-д., 1978.
26. Пирютко Ю. М. Гатчина: художественные памятники города и окрестностей — Л.-д., 1979.
27. Полевая М.И. Римский-Корсаков в Петербурге — Л., 1989.
28. Промышленность Красносельского района: историческая справка / сост. В. И. Лелина — 1992.
29. Рейман А.Л. Красносельские ландшафты // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Сборник научных статей — СПб., 1994.

Стихи

Иннокентия Анненского, Анны Ахматовой, Александра Блока, Михаила Дудина, Евгения Евтушенко, Козьмы Пруtkова, К. Р. Михаила Кузмина, Алексея Лозина-Лозинского, Осипа Мандельштама, Семена Надсона, Бориса Пастернака, Александра Пушкина, Василия Рубана, Игоря Северянина, Константина Фофанова.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов о путеводителях	3
Балтийские ворота города	5
Пока еще в городе (Дачное и Ульянка)	17
Лигово	34
Красное Село	48
Скачки и фабрики	65
Дудергоф	77
Тайцы	94
Сентиментальная остановка (Пудость)	107
Царская охота (Мариенбург)	118
Гатчина известная и неизвестная	127
Варшавские ворота Гатчины (вместо заключения)	145
Литература	148

Перевезенцева Наталия Анатольевна

По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины.

Серия «Петербургские этюды»

На обложке:

1-я стр. Рисунок Р.В. Кашина.

4-я стр. Церковь в Ульянке. Начало XX в. (вверху);

Юнкерская пристань в Дудергофе. (внизу).

Издательство ОСТРОВ

Лицензия №03938

Редактор Л.И. Амирханов

Корректор Н.П. Иванова

Фотографии из фондов Российского государственного архива

Кинофотофонодокументов

Открытки из собрания Л.И. Амирханова

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «С-Принт»

Санкт-Петербург. 19-я линия, 24.

Тираж 1500 экз.

Издательство ОСТРОВ выпускает литературу по военной истории,
а также по истории Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В 2004 году выйдут из печати:

В.И. Корсаков. Жемчужины деревянного зодчества Северо-Запада России.

Н.Д. Солохин, И.В. Венцель. Всеволожский район.

Р.В. Кондратенко. Манзовская война (Дальний Восток. 1868 г.)

И.И. Сейдин. Линия Маннергейма.

Н.М. Петухова. Площадь трёх вокзалов

Альманах «Цитадель» №11.

Елагинские чтения. Т.2

**Приглашаем к сотрудничеству авторов и
книготорговые организации.**

**С вопросами и предложениями обращайтесь по адресу:
199004. Санкт-Петербург, а/я 171,
Амирханову Леониду Ильясовичу.**

E-mail:zitadel@bk.ru

